ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

"Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies"
Series

Academic Journal

ARBOR MUNDI
МИРОВОЕ ДРЕВО

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

5
2025

VESTNIK RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya”
RSUH/RGGU BULLETIN. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series
Academic Journal

There are 12 issues of the journal a year.
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.3. Literary theory (Philology)
5.9.4. F olkloristics (Philology)
5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
5.10.2 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Culturology)
5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.
Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integratedapproaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Literary Theory. Linguistics. Culturology” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047
e-mail: ivgi@rggu.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, 2025

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
Научный журнал

Выходит 12 номеров печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)
5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)
5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)
5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически-ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институциями.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: ivgi@rggu.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», 2025

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS / Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

E.Yu. Ivanova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
A.A. Kholikov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
O.B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
V.I. Kimmelman, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
A.V. Kostina, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
G.E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
M.A. Krongauz, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
L.I. Kulikov, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
I.A. Kuptsova, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
A.B. Letuchii, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
M.N. Lipovetskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
L.A. Maltsev, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
I.G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
I.V. Morozova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
V.G. Mostovaya, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
S.Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
M.P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
O.E. Pekelis, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
V.I. Podlesskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
O.I. Polovinkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
N.I. Reinhold, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
R.I. Rozina, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
E.L. Rudnitskaya, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
I. Rzepnikowska, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

B.L. Shapiro, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
S.A. Sharoff, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
I.A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
I.O. Shaytanov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
A.V. Sideltsev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
A.E. Skvortsov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
N.A. Slioussar, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
A.Yu. Sorochan, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
A.N. Taganov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
Ya.G. Testelets, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
Yu.I. Tsvetkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
V.I. Tyupa, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
N.G. Vladimirova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
V.I. Zabotkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
M.V. Zagidullina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
A.V. Zimmerling, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editors:

I.G. Matyushina (comp.), Dr. of Sci. (Philology), RSUH
L.P. Petrik, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель – Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор:

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия:

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(заместитель главного редактора)*

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(заместитель главного редактора)*

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(заместитель главного редактора)*

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анцыферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Загидуллина, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
Е.Ю. Иванова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
В.И. Киммельман, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
Д.Д. Клейтон, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
А.В. Костина, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
М.А. Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
Л.И. Куликов, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
И.А. Купцова, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
А.Б. Летучий, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
М.Н. Липовецкий, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
Д.М. Магомедова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
Л.А. Мальцев, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
И.Г. Матюшина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
И.В. Морозова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
В.Г. Мостовая, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
С.Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
М.П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
О.Е. Пекелис, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
В.И. Подлесская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
О.И. Половинкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
Н.И. Рейнгольд, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
Р.И. Розина, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
Е.Л. Рудницкая, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
А.В. Сидельцев, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.Э. Скворцов, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Н.А. Слюсарь, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
А.Ю. Сорочан, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
А.Н. Таганов, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
Я.Г. Тестелец, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
В.И. Тюпа, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
О.В. Федорова, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
Д.М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
А.А. Холиков, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
О.Б. Христофорова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
Ю.Л. Цветков, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
А.В. Циммерлинг, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
И.И. Челышева, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
И.О. Шайтанов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
Б.Л. Шапиро, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
С.А. Шаров, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
И.А. Шаронов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

И.Г. Матюшина (составитель), доктор филологических наук, РГГУ
Л.П. Петрик, кандидат филологических наук, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Этнонимы в древнерусской литературе

Алексей С. Щавелев
Народ ромеев («греков») в оригинальной древнерусской литературе XI–XII вв. 14

Хронотоп в средневековой скандинавской культуре

Елена А. Мельникова
Восприятие пространства и его доместикация в древнескандинавской культуре 33

Татьяна Н. Джаксон
Видовое деление исландских саг и «хронотоп» М.М. Бахтина 55

Елена В. Литовских
Глаголы *heita* и *vera* как хрономаркеры в древнеисландских генеалогических перечнях 70

Хронотоп в культуре средневековой Англии

Наталья Ю. Гвоздецкая
Хронотоп в древнеанглийской агиографии (проблема жанровой классификации) 80

Инна Г. Матюшина
Функции хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники 93

Мария В. Яценко
Ожидание Страшного Суда и хронотоп древнеанглийского христианского эпоса 120

Хронотоп в культуре Византии, Италии и Франции

Марина А. Курышева
Миф о рождении Зевса на острове Крит: византийский оригинал, венецианская копия и парижское ренессансное произведение 131

Анна В. Топорова
Категории пространства и времени в средневековой западноевропейской литературе путешествий 145

Ольга В. Попова
Топос «иного мира» в средневековых французских поэмах о рождении Рыцаря с лебедем 161

CONTENTS

Ethnonyms in Medieval Russian Literature

Aleksei S. Shchavelev
The *Romaioi* people (i. e. "Greeks") in the original Old Rus' literature of the 11th – 12th centuries 14

The Chronotope in Old Norse Culture

Elena A. Melnikova
Space and its domestication in Old Norse culture 33

Tatiana N. Jackson
Genre classification of Icelandic sagas and M.M. Bakhtin's "Chronotope" 55

Elena V. Litovskikh
The verbs *heita* and *vera* as chronomarkers in Old Icelandic genealogical lists 70

The Chronotope in Medieval English Culture

Natalia Yu. Gvozdetskaya
The chronotope in Old English hagiography (the problem of genre classification) 80

Inna G. Matyushina
The functions of the chronotope in the Anglo-Saxon Chronicle poems 93

Maria V. Yatsenko
Waiting for Doomsday and the chronotope of the Old English Christian epic 120

The Chronotope in Byzantine, Italian and French Culture

Marina A. Kurysheva
The myth of Zeus's birth on the island of Crete: A Byzantine original, a Venetian copy, and a Parisian Renaissance artwork 131

Anna V. Toporova
Categories of space and time in Medieval Western European travel literature 145

Olga V. Popova
The topos of the "other world" in Medieval French poems about the birth of the Swan Knight 161

УДК 82-1(47)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-14-32

Народ ромеев («греков») в оригинальной древнерусской литературе XI–XII вв.

Алексей С. Щавелев
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
alexissorel@gmail.com

Аннотация. В статье практически впервые в историографии анализируются известия о народе *ромеев*, обозначаемых как «греки», в оригинальной («непереводной») древнерусской литературе XI–XII вв. Народ *греков* представлен у древнерусских авторов как носитель высокой культуры, владеющий исключительными духовными (прежде всего истинная православная вера и неповторимая по красоте обрядность) и материальными ценностями. Типичный *грек* описывается как обладатель уникальных знаний, умений и технологий (философии, риторики, виноделия, лечения, иконописи и др.). *Греки* выступают как учителя «нового христианского» народа *русь*. Одновременно *греки* отличаются тем, что зачастую используют свои навыки во зло: философию и риторику – для обмана и манипулирования, вино – для отравления и т. д. Это провоцирует у *руси* недоверие к ним и их технологиям. Амбивалентность древнерусского этнического стереотипа *грека* отражает двойственность взаимоотношений *руси* и *ромеев*, которые, с одной стороны, являлись единоверцами и часто оказывались союзниками, а с другой – не менее часто были военными противниками и конкурентами в разных областях.

Ключевые слова: древнерусская литература, народ русь, народ ромеев, этнический стереотип, образ другого

Для цитирования: *Щавелев А.С.* Народ ромеев («греков») в оригинальной древнерусской литературе XI–XII вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 14–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-14-32

© Щавелев А.С., 2025

The *Romaioi* people (i. e. "Greeks") in the original Old Rus' literature of the 11th – 12th centuries

Aleksei S. Shchavelev
Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, alexissorel@gmail.com

Abstract. For the first time in historiography, the article analyses the descriptions of the people Romaioi (Romans), designated as "Greeks", in the original ("non-translated") Old Rus' literature of the 11th–12th centuries. The Greeks are depicted by Old Rus' authors as bearers of high culture, endowed with exceptional spiritual (primarily true Orthodox faith and uniquely beautiful rituals) and material values. A typical Greek is characterised by possessing unique knowledge, skills, and technologies, such as philosophy, rhetoric, wine-making, healing, and icon painting. Greeks serve as teachers whose evaluation of the achievements of the "new Christian" people, Rus', is exceedingly important. At the same time, Greeks frequently employed their skills for nefarious purposes which instils distrust in Rus' regarding them and their matters: they use philosophy and rhetoric for deception and manipulation, wine for poisoning, and so on. The ambivalence surrounding the Old Rus' ethnic stereotype of a Greek reflects the complex duality in the relationship between the peoples of Rus' and the Romaioi, who were, on the one hand, co-religionists and often allies, yet on the other hand, just as frequently military opponents and competitors in various realms.

Keywords: Old Rus' literature, Rus' people, Romaioi people, ethnic stereotype, image of the other

For citation: Shchavelev, A.S. (2025), "The Romaioi people (i. e. "Greeks") in the original Old Rus' literature of the 11th – 12th centuries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 14–32, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-14-32

Постоянные и разнообразные взаимоотношения Византии (Ромейской империи) и Руси (совокупности княжеств под властью привилегированного рода Рюриковичей) достаточно подробно и хорошо изучены [Живов 2002], но *образ народа ромеев* (ср.-греч. οἱ Ῥωμαῖοι) [Kaldellis 2019] в древнерусской литературе XI–XII вв. остался вне фокуса внимания исследователей. В практически единственной специальной статье на данную тему С. Франклин привел только наиболее показательные примеры положительных и отрицательных оценок жителей Византии древнерусскими книжниками [Franklin 1983].

Все остальные работы касаются лишь отдельных, пусть и значимых, аспектов формирования образа ромеев и их страны в древнерусской литературе домонгольского периода. Ф. Томсон описал специфику коммуникации грекоязычных ромеев и славяноязычной руси, а также процессы изучения ими языков друг друга [Thomson 2000]. Б.А. Успенским [Успенский 1996] и мной [Щавелев 2011] рассматривался вопрос об отношении древнерусского клира к изучению иностранных языков, сирийскому, древнееврейскому и греческому. А.М. Ранчин проанализировал описания деятельности иноземцев-врачей на Руси в антитезе с целительными способностями русских монахов [Ранчин 2007, с. 208–210]. Е.Л. Конявская достаточно полно раскрыла «греческую тему» в «Киево-Печерском патерике» [Конявская 2010]. Рассматривался вопрос об образе *философа* и восприятии занятий *философией*, которая была «интеллектуальным импортом» из Византии на Русь [Гранстрем 1970; Успенский 2017]. Также были выявлены упоминания и косвенные сведения об «экскурсоводах» и иконописцах, которых видели и с которыми общались русские паломники в Константинополе [Конявская 2011; Иванов 2020].

Подчеркну, что в данной работе не привлекаются тексты, переведенные на церковно-славянский со среднегреческого, которые требуют отдельного изучения в сопоставлении с оригиналами. Прежде всего это касается церковно-славянских переводов византийских хроник [Ведюшкина 2001] и их фрагментов, включенных в ранние летописные тексты. Вне рассмотрения остаются тексты старославянской кирилло-мефодиевской традиции и переводная агиография. Также из анализа исключаются три договора византийских императоров с князьями Руси, включенные в «Повесть временных лет», оригиналы которых были написаны на греческом языке.

Хотя самоназвание *ромеи* было хорошо известно на Руси, прежде всего из церковнославянских переводов греческих хроник [Ведюшкина 2001], в древнерусских текстах в подавляющем большинстве случаев использовался экзоэтноним *греки* (ср.-греч. οἱ Γραικοί; церк.-слав. *грьци*), подчеркивающий их языковую принадлежность. Это – достаточно типичный случай в ономастике, причины же таких замен чаще всего носят случайный характер[1], поэтому установить, почему так произошло, в данном случае фактически невозможно. Ромейская империя (Византия) обозначалась как «Греческая земля» или «Греческая область» [Franklin 1983],

[1] *Koopman A.* Ethnonyms // The Oxford handbook of names and naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 251–262.

однако в «Киевской летописи» 1198 г. есть ее обозначение как «все цесарские земли» («отъ всихъ Ц<ѣса>рьскихъ земль») (Полное собрание русских летописей. Т. 2, стб. 369). Это обозначение оптимально отражало реальную ситуацию: византийские императоры правили не только территориями, где обитали носители греческого языка, но владели или контролировали области, где жили и другие народы, говорящие на самых разных языках.

Новый христианский народ русь (др.-русск. собир. *роусь*, ед. ч. *роусинъ*) воспринял от народа *ромеев-греков* христианскую веру, а формирующее патримониальное государство династии князей Рюриковичей было встроено в церковную систему Константинопольского патриархата. Эта церковно-политическая реальность сразу же нашла отражение в самых ранних памятниках древнерусской литературы. В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, написанном в 1040-е гг. (taq 1050 г.), содержится вполне ожидаемая положительная оценка христианской религии «Греческой земли» и благочестия ее населения: «Паче же слышано ему (князю Владимиру Святославичу. – *А. Щ.*) бѣ всегда о благовѣрьнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣрою, како единого Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ них дѣются силы и чюдеса и знамениа, како церкви людии исполнены, како веси и гради благовѣрьни вси въ молитвах предстоять, вси Богови прѣстоять. И си слышавъ, въждела сердцемь, възгорѣ духомъ, яко быти ему христиану и земли его...» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1, с. 44). Тема приобретения «истинной» и «лучшей» веры в «Греческой земле» развивается в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха второй половины XI в. Поход князя Владимира на византийский город Херсон здесь объясняется как бы от имени самого князя целью физического перемещения на Русь христиан и священнослужителей: «Даси ми градъ, да прииму и да приведу люди кристьяны и попы на свою землю, и да наоучать люди закону кристьяньскомоу»[2].

Тема апроприации новой истинной веры раскрывается в начальном летописании – «Начальном своде», итоговая редакция которого была закончена после 1106 и до 1113 г., и «Повести временных лет» 1113–1117 гг. В рассказе о крещении князя Владимира Святославича († 15.07.1015) он собирает у себя на Руси мирян-христиан («кърсуняне гражане»), священников («прозвутеры», «попы цѣсаричины», «попы цѣсаричины и корсуньскыи»), мастеров для

[2] *Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подгот. текста Н.И. Милютенко. СПб.: Дмитрия Буланин, 2014. С. 347.

возведения Десятинной церкви («мастеры отъ грькъ»). Они добровольно или принудительно прибывают либо из «греческого города» Херсона («Коръсунь градъ Грьчьскыи»), либо из Константинополя (Цѣсарьградъ) вместе с новой женой князя цесаревной Анной Багрянородной (†1011/12). Десятинную церковь в Киеве князь Владимир поручает некоему жителю Херсона Анастасу («мужъ корсоунянинъ»), более того, он, видимо, был фактическим главой новосозданной русской церкви[3], а другой херсонит Иоаким (Аким) Корсунянин становится епископом Новгорода (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 109–112, 121–112; Т. 2, стб. 94–102, 106; Т. 3, с. 150–152, 155–157, 159–160).

Тема принудительного перемещения *греков* на Русь явственно выражена в «Печерском патерике». «Слово» о создании церкви Успения Богородицы Печерского монастыря, построенной и украшенной с 1073 по 1089 гг., повествует, как четыре богатых зодчих, живших в Константинополе, были отправлены некой «царицей» на Русь с золотом, иконой Богоматери и мощами святых, чтобы построить церковь в монастыре для Антония и Феодосия (Древнерусские патерики, с. 12–13). Причем повествование построено так, что хотя в итоге выясняется, что мастеров послала на Русь сама Богоматерь, но если буквально следовать тексту, то им делает заказ некая «царица», живущая в районе Константинополя Влахерны, которую звали Мария. И в ней вполне можно видеть жену византийского императора Михаила VII (правил с 1071 по 1078 гг.) Марию «Аланскую» [Garland, Rapp 2006]. Таким образом, вполне реальная история о присылке мастеров от византийской императрицы Марии в Печерский монастырь трансформировалась в рассказ о чуде Девы Марии. Аналогичный мотив «добровольно-принудительного» чудесного переселения в Печерский монастырь иконописцев, которые пришли к игумену Никону («Приидоша отъ того же богохранимаго Костянтинаграда ко игумену Никону писци иконнии...»). Позже в истории об иконописце Алимпии специально подчеркнуто, что «...греци писци изо Цареграда Божиимъ изволениемъ и его пречистыа Матере нужею приведены быша...» (Древнерусские патерики, с. 67). В итоге и мастера-зодчие, и иконописцы остались в Печерском монастыре: «Ти тако обои животъ свои скончаша, и мастери, и писци, въ мнишескомъ житии; суть положени въ своемъ притворѣ, суть же и нынѣ у васъ свиты ихъ на полатѣхъ и книги ихъ греческыа блюдомы въ память таковаго чюдеси» (Древнерусские патерики, с. 15–16).

[3] *Карпов А.Ю.* Русская церковь X–XIII вв.: Биографический словарь. М.: Квадрига, 2019. С. 35.

Ромейская империя в XI–XII вв. постоянно остается источником, откуда священнослужители народа русь воспринимают правильные церковные и духовные образцы. Наиболее авторитетный Печерский монастырь около Киева в значительной степени достигает первенства среди других монашеских обителей за счет подражания византийским образцам. Нельзя не отметить, что многие его духовные лидеры были тесно связаны с Византией. Основатель монастыря Антоний Великий († ок. 1073) пробыл какое-то время на Афоне, был там пострижен в монахи неким игуменом и оттуда вернулся на Русь; Никон Великий († ок. 1088) построил церковь и основал монастырь около Таматархи (Тмуторокани); игумен монастыря Варлаам († ок. 1067) совершил поездку в Иерусалим и Константинополь, где сделал закупки для монастыря; евнух Ефрем († до 1100) был пострижен в Печерском монастыре, но потом стал монахом в Константинополе; врач сириец Петр стал иноком Печерского монастыря; монах-иконописец Алимпий учился у мастеров-греков; анонимный монах спутник игумена Никона поселился на острове около Константинополя[4]. Духовный лидер печерской общины Антоний использовал идеологему «преемственности» с традицией монахов Афона («есть же манастырь Печерскыи отъ бл(а)г(ос)словенья С(вя)тыя Горы пошелъ»), которая прочно утвердилась в исторической памяти братии (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 157, 159; Т. 2, стб. 147–149).

В «Житие Феодосия Печерского» сообщается о том, как Феодосий († 3.05.1074) получил копию перевода греческого «Студийского устава» от постриженика Печерского монастыря евнуха Ефрема: «Посла единого отъ братия въ Констянтинь градъ къ Ефрему скопьцу, да вьсь уставъ Студиискааго манастыря, испьсавъ, присълеть ему... Он же... и вьсь уставъ манастырьскыи исьпьсавъ и посъла къ блаженому отьцю нашему Феодосию» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1, с. 374, 378). В летописном рассказе о создании Печерского монастыря приводится другая версия приобретения «Студийского устава»: «И нача искати правила чернечьскаго и обрѣте ся тогда Михаилъ чернець манастыря Студиискаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгиемь и нача оу него искати оустава чернець Студиискыхъ. И обрѣтъ оу него, исписа, и оустави въ манастыри своемь, како пѣти пѣния манастырьская, и поклонъ како держати, и чтения почитати, и стоянье въ цьркъви, и весь рядъ цьркъвьныи, на трапезѣ сѣдание, и что ясти въ кыи дьни, вьсе съ уставлениемъ. Феодосии вьсе то изъобрѣте, предасть манастырю своему...» (Полное собрание русских летописей. Т. 1,

[4] *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 32–33, 50–52, 69–72, 128–130, 333–334, 355.

стб. 159–160; Т. 2, стб. 147–149). Решить вопрос, какая из этих версий соответствует действительности, видимо, невозможно. Однако не исключено, что эти версии на самом деле не противоречат друг другу, а просто Феодосий получил два списка монастырского устава из Византии. Важнее, что именно введение этого устава сделало Печерский монастырь образцом для других монашеских общин: «Отъ негоже манастыря переяша вьси манастыри уставъ, тѣмъ же почьтенъ есть манастырь Печерьскыи стареи вьсѣхъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 160; Т. 2, стб. 149). Таким образом, в письменной, а ранее и устной, традиции печерской братии тема восприятия «правильных» византийских церковных практик основателями их обители была не просто выражена, но и вполне отрефлексирована как фактор, позволивший достичь духовного и политического превосходства среди других монашеских общин.

В «Вопрошании» Кирика Новгородца 1150-х гг. архиепископ Новгорода Нифонт († 21.04.1156) и митрополит Руси Климент Смолятич († после 1163) неоднократно ссылаются на примеры из византийской традиции. Нифонт в подробном ответе на вопрос о переходе из «латинской» веры в «православную» («Аже боудеть кии ч(е)л(ове)къ и крещенъ в латиньскую {вѣру}, въсхощетъ пристоупити к намъ?») ссылается на соответствующую практику в Константинополе: «Ц(еса)риградѣ... только в лентии станеть, коли и мажуть миромъ, а масломъ... не мазати» (Мильков, Симонов 2011, с. 363–364). В ответе на вопрос («Достоит ли попоу своеи женѣ м(о)л(и)тва творити всякая...?») Нифонт ответил: «По всеи Гречьстѣи земли и области не дають своимъ женамъ попове, аже не боудеть иного попа близь и сътворить» (Мильков, Симонов 2011, с. 367). Здесь, кроме всего прочего, примечательно, что Нифонт подчеркивает, что данная традиция характерна для всей «Греческой земли» и сопредельных областей, т. е. для всей Ромейской империи и, возможно, соседних с ней территорий, охваченных православной церковной организацией. Из такого ответа становится ясно, что некоторые церковные традиции на разных территориях Ромейской империи могут и отличаться. Наконец, в ответе на вопрос священника Саввы, можно ли мужу с женой заниматься сексом в помещении, где находятся иконы и крест, Нифонт снова приводит пример из жизни *греков*: «А въ грецихъ в полатѣ тоу имѣние, тоу иконы, тоу честьныи кр(е)стъ, тоу лежить моужь с женою» (Мильков, Симонов 2011, с. 397).

Митрополит Климент Смолятич также в разговорах с Кириком ссылается на примеры из византийской церковной жизни (Мильков, Симонов 2011, с. 367, 370–371, 397). Так, Кирик записал, что «О томъ манастыри идѣто Климъ, кр(ес)ты въз(д)визаеть попинъ

чернець, не игоуменъ въ роу(сь)стѣмъ, а въ гречестѣмъ игоуменъ» (Мильков, Симонов 2011, с. 367). Далее Кирик делает заметку, что Климент сообщил ему греческое название горчичного зерна («“А зерно горющное”, – прямь рече, – “синапъ”») (Мильков, Симонов 2011, с. 367–368). Митрополит Климент правильно вспоминает греческое слово «τὸ σίναπι». Он также рассказывает Кирику и его спутникам легенду о вознесении на небо креста, на котором был распят Иисус Христос: «...Повѣдаеть намъ рѣчью, яко не дошедъ Ц(ѣса)ряграда, егда обрѣтень, възнеслъся на н(е)б(е)са...» (Мильков, Симонов 2011, с. 370). Еще он описал Кирику и некоторые особенности заупокойных церковных служб в монастырях Константинополя («Ц(а)ригра(де) в манастырѣ принесоуть {коутью} въ божницю...»). Характерно, что Кирик специально оговаривается, что он не будет следовать этому примеру, а записал все это на всякий случай, вдруг эта информация зачем-то ему пригодится: «Се же написахъ, не яко творити все то, но разоума ради, ци коли ся что таково пригодить» (Мильков, Симонов 2011, с. 371).

Примечательно, что Климент Смолятич, апеллировавший к примерам из церковной жизни и обычаям ромеев, был вторым митрополитом-русином, поставленным 27 июня 1147 г. без санкции константинопольского патриарха. Иными словами, политическая борьба с константинопольским патриархатом не мешала ему ценить и уважать «греческие» церковные обычаи. Более того, даже совершенно незаконный с точки зрения византийского императора и константинопольского патриарха ритуал проставления Климента на митрополичий престол был смоделирован по византийскому образцу [Успенский 2017]. Этот ритуал был предложен черниговским епископом Онуфрием: «Азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава оу насъ есть с(вя)т(а)го Климента, якоже ставять Грѣци роукою с(вя)т(а)го Ивана. И тако сгадавше еп(и)с(ко)пи главою с(вя)т(а)го Климента поставиша {Климента Смолятича. – *А. Щ.*} митрополитомъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 2, стб. 341). В нем, кроме всего прочего, были обыграны и аналогии с византийской ритуальной практикой, и тезоименитство Климента со св. Климентом I, чьи мощи находились на Руси.

Во всех рассказах о Клименте Смолятиче, его возведении в сан митрополита, его интеллектуальных занятиях и в изложениях его идей, как нельзя лучше проявляется двойственное отношение *руси* к *грекам*, которые, с одной стороны, предоставляли образцы ритуального поведения и образованности (см. ниже), а с другой, были политическими противниками, от церковного контроля которых требовалось избавится, а интеллектуальное превосходство которых нужно было преодолеть.

Среди *греков*, по мнению древнерусских авторов, особенно часто встречались одаренные мудрецы, философы и ораторы. В нарративах, посвященных выбору веры князем Владимиром Святославичем, именно эти качества «греческих» церковных иерархов и проповедников оказываются решающим фактором крещения Руси. Ярким косвенным указанием на такую особую мудрость *греков* является решение самой хитроумной княгини народа *русь* Ольги принять христианство в Константинополе. И именно оно оказывается чуть ли не решающим аргументом для ее внука князя Владимира в пользу принятия «греческой» веры: «Аще бы лихъ законъ грѣчьскии, то не бы баба твоя прияла Ольга его, яже бѣ мудреѣиши всѣхъ человѣкъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 108; Т. 2, стб. 94; Т. 3, с. 150).

Незадолго до крещения к князю Владимиру был прислан из Константинополя некий анонимный «философ», который произнес длинную речь и показал некую «запону», на которой были изображены справа праведники в раю и слева грешники в аду (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 86–106; Т. 2, стб. 73–92; Т. 3, с. 133–148). Итоговый выбор «греческого христианства» князя Владимира был в значительной степени обусловлен успешным выступлением этого эмиссара из Константинополя в дебатах с конкурентами. В летописном тексте устами князя Владимира высоко оценивается его риторика: «Сихъ же послѣже придоша грьци хуляще вьси законы свои же хваляще и мъного глаголаша, съказающе отъ начала миру суть же хытро сказающе и чюдно слашати ихъ и любо комуждо» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 108; Т. 2, стб. 148; Т. 3, с. 150). Вторым решающим аргументом стала исключительная красота богослужения в столице Ромейской истории, которая впечатлила посольство руси: «Идеже служат богу и не свѣмы на небеси ли есмы были или на земли нѣсть бо на земле такого вида или красоты такоя... и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 108; Т. 2, стб. 149; Т. 3, с. 149–150].

В древнерусских текстах фигурируют еще несколько *философов* из народа ромеев. Философами в «Повести временных лет» названы создатели славянского алфавита Константин (Кирилл) и его брат Мефодий (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 25–29; Т. 2, стб. 17–21). Причем, их называют «философами» другие философы-советники византийского императора Михаила III († 24.09.867). Иными словами, Ромейская империя оказывается страной, где философов очень много, и они решают важные политические и культурные задачи, которые не под силу обычным людям. Паломник Антоний Новгородский около 1200 г. записал

легенду, что византийский император Лев VI Мудрый (†11.05.912) философски переписал некую «грамоту», возможно, «Книгу» пророка Даниила: «Тоиже Ц<ѣса>рь Коръ Лѣи вземъ грамотоу во гробѣ оу с<вя>т<о>го пр<о>р<о>ка Данила и переписалъ ю *философскии* (курсив мой. – *А. Щ.*), комоу же ц<ѣса>ремъ быти во Ц<ѣса>рьгородѣ, дондеже стоитъ Ц<ѣса>рьградъ»[5]. Таким образом, у ромеев *философом* может оказаться даже сам император.

В окружение киевского митрополита Георгия, прибывшего из Константинополя на Русь между мартом 1061 и февралем 1063 г., входил некий Григорий Философ, написавший цикл «Слов для Октоиха»[6]. Известен еще анонимный белгородский епископ, который был назван философом, возможно, его звали Григорием, был ли он ромеем или русином, не ясно (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4, с. 286). Прозвание по роду занятий «философ» на Руси становится как бы частью их имени, что несомненно говорит о высоком статусе тех, кто его удостаивался.

Философом назван в «Киевской летописи» митрополит Климент Смолятич: «...и бы(сть) книжникъ и философь, такъ якоже въ Роускои земли не бяшеть...» (Полное собрание русских летописей. Т. 2, стб. 340). Из этой характеристики ясно, что можно было быть грамотным «книжным» человеком, но для статуса *философа* этого было мало. С некоторой долей условности, эту фразу можно понять и в том смысле, что Климент Смолятич был *первым на Руси философом, который был по происхождению русином*.

Из «Послания пресвитеру Фоме» 1147–1154 гг. Климента Смолятича становится ясно, что претензия на то, чтобы называться *философом* и заниматься *философией* могла стать предметом обвинения в гордыне и злоупотреблении своим образованием, от которого приходилось оправдываться [Щавелев 2011]. Климент отвечает своему корреспонденту Фоме: «Речеши ми: “Славишися, пиша, фисолоф ся творя”..., а речеши: “Философьею пишеши”... Что философью писах, не свѣмь» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4, с. 118, 132). Б.А. Успенский уточнил, что фраза «Славишися, пиша, фисолоф ся творя» говорит о том, что пресвитер Фома не столько обвиняет Климента в том, что он «философ», сколько подчеркивает, что он выдает себя («ся творя») за философа, таковым

[5] Die *Kniga palomnik* des Antonij von Novgorod / ed., Übersetzung, Kommentar von A. Jouravel. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2019. P. 246.

[6] Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Блиц, 2003. С. 130–133; *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 96.

не являясь. Этот момент, несомненно, присутствует в послании, на которое отвечает Климент, и он, видимо, указывает, что в глазах Фомы настоящим «философом» может быть только ромей, а русин Климент при всей его образованности таковым считаться не может. Возможно, в послании пресвитера Фомы был намек на то, что Климент в силу своего происхождения из народа русь является не только псевдо-философом, но и не является настоящим киевским митрополитом.

Судя по «Слову» Даниила Заточника XII в., на Руси можно было стать образованным человеком, но стать философом, по мнению людей из народа русь, можно было только «за морем», т. е. в Византии: «Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4, с. 282). А для Климента Смолятича признание за ним статуса философа, скорее всего, было нужно, поскольку он таким образом оказывался как бы на равных с *греками* и получал дополнительные основания считать себя достойным занять престол киевского митрополита, на который имели формальное право только образованные *ромеи* – назначенцы византийского императора и константинопольского патриарха.

Непревзойденные ораторы *греки* воспринимались русью как профессиональные лжецы-манипуляторы. В рассказе «Начального свода» и «Повести временных лет» описано как они пытаются обмануть князя Святослава Игоревича. И здесь же делается пейоративное обобщение их «национального характера»: «Се же рѣша грьци льстяще подъ русью, сут(ь) бо греци льстивы и до сего дьне» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 70; Т. 2, стб. 57). Наличие у народа *русь* этого негативного этнического стереотипа из этого пассажа вполне очевидно. Причем некий оттенок осуждения можно усмотреть и в сообщении о выступлении *греков* перед князем Владимиром на прениях о выборе веры, когда они применяли свои риторические ухищрения, убеждая его принять их веру, ведь они не просто прославляют свою религию, но и искусно критикуют чужие «законы». И кроме того, они говорят много и долго, что возможно тоже было как минимум непривычно для *руси* (см. выше).

Такое типичное для грека, по мнению представителей *руси*, поведение демонстрирует Анастас Корсунянин. Он сначала предает свой родной город Херсон и помогает князю Владимиру Святославичу его захватить (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 109; Т. 2, стб. 95). А потом он «лестью» втирается в доверие польскому князю Болеславу I Храброму (†17.06.1025) и уходит с ним из Киева в Польшу, предав уже русских князей: «Настасъ бѣ бо ся ему (Болеславу I. – *А. Щ.*) въвѣрилъ лестию» (Полное со-

брание русских летописей. Т. 1, стб. 144; Т. 2, стб. 131). «С лестью» *греки* посылают некоего катепана (др.-русск. *котопанъ*; ср.-греч. ὁ καταπάνος), чтобы отравить князя Ростислава Владимировича (†3.02.1067) (см. ниже). Концепт «лести», обозначающий обман, обольщение или притворство, имеет максимально негативные коннотации в древнерусской литературе, поэтому «льстивость» народа «греков» однозначно маркирует их как «опасных чужих» для представителей народа русь.

Среди «благ», которые получала *русь* от *ромеев*, ключевое место занимало *вино*. По очевидным климатическим и хозяйственным причинам, оно могло на Русь только привозится с юга. Однако этот импортный продукт стал одним из важных элементов древнерусской культуры. В летописном рассказе о выборе веры князь Владимир Святославич отказывается принимать ислам, прежде всего, из-за запрета на винопитие: «Руси веселье питие, не можемь безъ того быти» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 85; Т. 2, стб. 72; Т. 3, с. 132). Паломник-русин игумен Даниил в начале XII в. специально отмечал, на каком средиземноморском острове производится «доброе вино» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4, с. 30). Вино было важнейшей составляющей и во вполне светской субкультуре русских князей и их окружения, и, разумеется, имело особый статус в христианской культурной и литургической традиции [Барабанов 2016].

Владеющие индустрией производства вина ромеи имели на Руси репутацию профессиональных отравителей. «Повесть временных лет» сохранила рассказ о том, что они пытались отравить князя Олега, но «вещий» князь сумел избежать этого: «И вынесоша емоу брашно и вино, и не приа е(го), бѣ бо оустроено съ отравою» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 21; Т. 2, стб. 30). Умение распознать яд поразило *греков*, и они сравнили Олега со св. Дмитрием («и оубояша(ся) Греци и рѣша: “Нѣсть се Олегъ, но с(вя)тыи Дмитреи...”»), а язычники на Руси после успешного похода на Константинополь стали называть его *вещим* («И приде Олегъ къ Киеву неся золото и паволоки... и прозваша Ол(ь)га вѣщии, бяхъ бо люди погани и нѣвегласи») (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 30, 32; Т. 2, стб. 155).

«Повесть временных лет» сохранила уникальный рассказ о технике отравления, которую применяли *греки*. В конце января 1067 г. «Ростиславу сущю Тьмуторокани... Сего же убоявъше ся Грьци, послаша съ лестию котопана. Оному же пришедъшю къ Ростиславу... Единою же пиющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: “Княже, хочю на тя пити”. Оному же рекъшю: “Пии”. Онъ же, испивъ половину, а половину дасть кънязю пити, дотиснувъся паль-

цемь въ чащу, бѣ бо имеѣя подъ ногтемъ растворение съмьрьтное, и дастъ князю, урекъ съмьрть до дне осмаго. Оному же испивъшю. Котопанъ же, пришьдъ Корсоуню, повѣдаше, яко в сии д(ь)нь оумьреть Ростиславъ, якоже и бысть...» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 166; Т. 2, стб. 155). С большой долей вероятности его услышал от очевидцев и передал печерским летописцам Никон Великий, долгое время живший в Таматархе (Тмуторокани). Именно Никон стал послом городской общины этого города к черниговскому князю Святославу Ярославичу (†27.12.1076) с просьбой прислать в город его сына Глеба и заменить отравленного князя Ростислава[7].

Таким образом, и историческая память о полумифическом князе Олеге, и актуальные события времени работы первых летописцев, заставляли *русь* опасаться использования ромеями яда для достижения политических целей. Возможно, недоверие к иноземным медикам, которое фиксирует А.М. Ранчин [Ранчин 2007, с. 208–210], как раз проистекало из того, что «греки», а значит, и их соседи армяне и сирийцы (Древнерусские патерики, с. 29–30, 39–42), слыли опытными отравителями.

Не случайно в историях об отравлении князя Ростислава катепаном и крещении анонимного врача армянина-монофизита («арменинъ родомъ и вѣрую, хытръ же бѣ врачеванию, яко таковъ не бѣ преже его») из «Слова о блаженном Агапите Лекаре» (Древнерусские патерики, с. 39–40) совпадает мотив точного указания отравителем и лекарем дня смерти. Грек-катепан «урекъ съмьрть до дни осмаго» отравленному князю Ростиславу, потом прибыл из Тамартархи (Тмуторокани) в Херсон (Корсунь) и там «повѣда, яко в сии день умреть Ростиславъ, якоже и бысть». Врач-армянин «толико видѣ болнаго, познаваше и повѣдаше ему смерть, нарекъ ему день и час», а когда в Печерский монастырь принесли больного, он «прорекъ ему по осми днии смерть». Когда монах Агапит сумел исцелить того, кому врач-армянин предсказал смерть, посрамленный лекарь-соперник подговорил своих «единоверцев» дать монаху яд («хотя его уморити смертнымъ зелием»), который, впрочем, не повредил Агапиту. Таким образом, врач-иноземец в этой истории тоже оборачивается отравителем. Лекарственные и «смертные» зелья равным образом несут потенциальную опасность, от которой можно спастись только с помощью божественного чуда.

В других искусствах *греки* также проявляли удивительные для народа *русь* способности. В «Киевской летописи» сообщается, что смоленский епископ (поставлен, видимо, 26.04.1136) евнух

[7] *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 334.

Мануил был «пѣвечь гораздыи» (Полное собрание русских летописей. Т. 2, стб. 300). Именно *греки* на Руси считались самыми одаренными художниками, которые стали учителями лучших русских иконописцев [Конявская 2011]. В целом не очень склонный фиксировать бытовые детали и социальные реалии паломник Антоний Новгородский специально в Константинополе выделил место, где торговали («меняли иконы» [Конявская 2011, с. 50]) иконописцы-ромеи[8]. И мнение *иностранцев-греков* и тех людей из числа руси, кто побывал в «Греческой земле», было решающим для определения качества работы мастеров на Руси. В «Сказание чудес св. Бориса и Глеба» подчеркивается, что князь Владимир Всеволодович Мономах († 19.05.1125) украсил гробницы святых братьев так, что приходящие из страны народа *греков* признавали, что нигде такой красоты не видели: «И тако оукраси добрѣ яко не могоу съказати оного ухыщрения по достоянию довълнѣ яко многомъ приходящемъ и отъ грькъ и отъ инѣхъ же земль и глаголати: “Никде же сицея красоты нѣсть, а и многыхъ святыхъ ракы видѣли есмы”» (Revelli 1993, p. 550).

Отдельно следует остановиться на восприятии *греческого языка* на Руси. С одной стороны, его престиж был исключительно высок, его сакральный статус на Руси был общепризнан [Franklin 1983], с другой – его знание и использование было удивительно ограниченным на фоне интенсивности экономических, политических, церковных и культурных контактов [Thomson 2000].

В «Слове» об Евстратии Постнике из «Печерского патерика» Бог по-гречески говорит с грекоязычным иудеем-работорговцем, работавшим в Херсоне (Корсуне): «И гласъ глаголя греческыи: “Се добрыи града небесного гражанинъ нареченыи”» (Древнерусские патерики, с. 24–25). И, судя по контексту, эту греческую фразу понял сам главный герой этого рассказа монах Печерского монастыря мученик Евстратий. Сын византийской «царицы» Владимир Всеволодович Мономах сообщает в своем «Поучении», что его отец «...дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ, въ томъ бо честь есть в инѣхъ земль» (Полное собрание русских летописей. Т. I, стб. 246). Вполне очевидно, что женатый на представительнице византийской императорской династии Мономахов князь Всеволод Ярославич († 13.04.1093) должен был знать греческий (как минимум, разговорный). А вот в «Слове о Лаврентии Затворнике» из «Печерского патерика» говорение на греческом языке оценивается отрицательно. В этом рассказе анонимный бесноватый «...нача глаголати жидовски, и потомъ нѣмечьскы, таче гречески. И спроста

[8] Die *Kniga palomnik* des Antonij von Novgorod. S. 268.

рещи всѣми языкы, ихъ же николиже слышал, яко боятися ведущим его измѣнению рѣчемъ и разноглаголанию...» (Древнерусские патерики, с. 38–39). Здесь греческая речь является отчетливым маркером «чужого» наряду с еврейским и немецким языками (ср. аналогичную функцию сирийского языка в славянской книжности [Успенский 1996]).

Среднестатистический ромей, типичный *грек*, воспринимался на Руси как профессионал своего дела и носитель особых умений и навыков. Этот стереотип особенно высвечивается в описании митрополита, который в него не вписывался. В «Начальном своде» и «Повести временных лет» киевский митрополит Иоанн III, прибывший на Русь в 1089–1090 гг., своим несоответствием стереотипу умного и образованного *грека* поразил жителей Киева: «Въ се же лѣто иде Янъка въ Грекы дъщи Всеволожа нареченая преже. Приведе Янъка митрополита Иоана скопьчину его же видѣвъше людие вси рекоша: “Се навь(е) пришьлъ”... Бе же се мужь не книженъ и умомъ простъ и просторекъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 208; Т. 2, стб. 200). В этом летописном известии видно, что народ русь ожидал совсем иного от митрополита из Ромейской империи, видимо, ориентируясь на опыт общения с его предшественниками и соотечественниками.

Поступок другого присланного из Константинополя киевского митрополита Константина I (†1159), умершего в Чернигове, крайне удивил всех требованием к черниговскому епископу Антонию не погребать его тело: «”Яко по умерьтвии моемъ не погребешь тѣла моего, но ужемь поверзше за нозѣ мои, извлечѣте мя изъ града и поверзше мя псомъ на расхытанье”. По оумертвии же его еп(и)с(ко)пъ то все створи повелѣная ему имъ. Народи же вси дивишася о см(ѣ)рти его...» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, стб. 349). Хотя известная в христианском мире практика уничижительного погребения и не имеет канонических запретов [Литвина, Успенский 2010, с. 80–137], епископ Антоний сначала выполнил завещание, а потом вместе с князем Святославом Ольговичем (†16.02.1164) принял решение все-таки захоронить останки в кафедральном Спасском соборе. Символика экстравагантного решения высокопоставленного митрополита-ромея осталась не понятна местным жителям, а рассказ об этом стал еще одним примером загадочности и, в общем-то, чуждости манеры поведения *греков*.

Во всех рассмотренных рассказах и заметках красной нитью проходят две основных темы – *высокая культура и профессионализм народа греков*, а также *их способность использовать свои знания и технологии во зло*. «Греки» воспринимаются древнерусскими авторами амбивалентно: они одновременно «свои» единоверцы-

христиане, и в тоже самое время они – «чужие» лжецы-отравители, говорящие на своем языке, а зачастую ведущие себя крайне странно. Они – и учителя, чье мнение крайне важно, и они же – лжецы-манипуляторы. Такая двойственная репутация народа *ромеев* проявляется в разных контекстах практически во всех древнерусских текстах XI–XII вв., отражая сложность его взаимоотношений с народом *русь*.

Источники

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1 – Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII вв. 544 с.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 – Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII в. 686 с.

Древнерусские патерики – Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик; Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. 493 с.

Мильков, Симонов 2011 – *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. Вып. 7. 541 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 2 – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 604 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 3 – Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.

Revelli 1993 – *Revelli G.* Monumenti ldetterari su Boris e Gleb. Genova: La Quercia Edizioni, 1993. 706 p.

Литература

Барабанов 2016 – *Барабанов Н.Д.* Вино в Византии: Религиозные аспекты восприятия и потребления // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Империя и полис: Материалы научной конференции. Севастополь: Изд. ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2016. С. 21–24.

Ведюшкина 2001 – *Ведюшкина И.В.* «Римляне», «Ромеи» и «Греки» в древнерусском переводе «Хроники» Георгия Амартола // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 36–43.

Гранстрем 1970 – *Гранстрем Е.Э.* Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом»? // Труды отдела древнерусской литературы «Пушкинского дома». М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1970. Т. 25. С. 20–28.

Живов 2002 – *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.

Иванов 2020 – *Иванов С.А.* Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе // Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции. СПб.: Алетейя, 2020. С. 203–235.

Конявская 2011 – *Конявская Е.Л.* Византийская живопись и живописцы в «Паломнике» Антония Новгородца // Литература древней Руси: К 100-летию со дня рождения профессора Н.И. Прокофьева. М.: Прометей, 2011. С. 45–58.

Конявская 2010 – *Конявская Е.Л.* Греческая тема в Киево-Печерском патерике // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 2. С. 85–92.

Литвина, Успенский 2010 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII в. М.: Языки славянской культуры, 2010. 208 с.

Ранчин 2007 – *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 575 с.

Успенский 1996 – *Успенский Б.А.* Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: почему дьявол может говорить по-сирийски? // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 2: Язык и культура. С. 59–64.

Успенский 2017 – *Успенский Б.А.* Митрополит Климент Смолятич и его послания // Slověne. 2017. № 1. С. 171–218.

Щавелев 2011 – *Щавелев А.С.* К социокультурному контексту интеллектуальных занятий в Древней Руси // Висы дружбы: Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон / под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 483–490.

Franklin 1983 – *Franklin S.* The Empire of *Rhomaioi* as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantine-Russian cultural relations // Byzantion. 1983. Vol. 53. No. 2. P. 507–537.

Garland, Rapp 2006 – *Garland L., Rapp S.* Mary “of Alania”: Woman & empress between two worlds // Byzantine women: Varieties of experience, 800–1200 / ed by L. Garland. L.; N.Y.: Routledge, 2006. P. 91–124.

Kaldellis 2019 – *Kaldellis A.* Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium. Cambridge Massachusetts; L.: Harvard University Press, 2019. 373 p.

Thomson 2000 – *Thomson F.J.* Communications orales et écrites entre Grecs et Russes (IX^{e} – XIII^{e} siècles): Russes à Byzance, Grecs en Russie: connaissance et méconnaissance de la langue de l’autre // Voyages et voyageurs à Byzance et en Occident du VI^{e} au XI^{e} siècle. Genève: Université de Liège. 2000. P. 113–163.

References

Barabanov, N.D. (2016), "Wine in Byzantium. Religious aspects of perception and consumption", in *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Imperiya i polis. Materialy nauchnoi konferentsii* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Empire and the polis. Proceedings of the scientific conference], Izdanie GIAMZ "Khersones Tavricheskiy", Sevastopol', Russia, pp. 21–24.

Franklin, S. (1983), "The Empire of Rhomaioi as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantine-Russian cultural relations", *Byzantion*, vol. 53I, no. 2, pp. 507–537.

Garland, L. and Rapp, S. (2006), "Mary 'of Alania': Woman & empress between two worlds", in Garland, L., ed., *Byzantine women: Varieties of experience, 800–1200,* Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 91–124.

Granstrem, E.E. (1970), "Why was metropolitan Kliment Smolyatich called a philosopher?", in *Trudy otdela drevnerusskoi literatury «Pushkinskogo doma»* [The works of the Department of Old Russian literature of the "Pushkin House"], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR, vol. 25, pp. 20–28.

Ivanov, S.A. (2020), "Anthony of Novgorod and his guide in Constantinople", in *Vizantii i Vizantiya: provintsializm stolitsy i stolichnost' provintsii* [Byzantium and Byzantine. Provincialism of the capital and metropolitanism of the province], Aleteya, Saint Petersburg, Russia, pp. 203–235.

Kaldellis, A. (2019), *Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium*, Harvard University Press, Cambridge Mass.; London, UK.

Konyavskaya, E.L. (2010), "Greek theme in Kyiv Caves Patericon", in *Issues of Philology: Language and Literature*, no. 2, pp. 85–92.

Konyavskaya, E.L. (2011), "Byzantine painting and painters in the 'Pilgrim's Book' by Anthony of Novgorod", in *Literatura drevnei Rusi: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.I. Prokof'eva* [Literature of Old Rus'. On the centenary anniversary of N.I. Prokofiev, professor], Prometei, Moscow, Russia, pp. 45–58.

Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2010), *Traektorii traditsii: Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII v.* [Trajectories of tradition. Chapters in dynastic and church history in Rus' at the end of the 11th – the beginning of the 13th century], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Ranchin, A.M. (2007) *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh, razborakh i kommentariyakh* [Vineyard of Gold Words. Old Russian literature in the interpretations, parses and commentaries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Shchavelev, A.S. (2011), "Toward the sociocultural context of intellectual pursuits in Old Rus'", in Gvozdetskaya, N.Yu., Konovalova, I.G., Mel'nikova, E.A. and Podosinov, A.V., eds., *Visy druzhby: Sbornik statei v chest' T.N. Dzhakson* [Stanzas of friendship: A collection of papers in honor of T.N. Jackson], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 483–490.

Thomson, F.J. (2000), "Communications orales et écrites entre Grecs et Russes (9e – 13e siècles): Russes à Byzance, Grecs en Russie: connaissance et méconnaissance

de la langue de l'autre", in *Voyages et voyageurs à Byzance et en Occident du 6e au 11e siècle*, Université de Liège, Genève, Switzerland, pp. 113–163.

Uspenskii, B.A. (1996,) "The question of Syriac in Slavonic writings: Why can the devil speak Syriac?], in Uspenskii, B.A., *Izbrannyye trudy* [Selected writings], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, vol. 2, pp. 59–64.

Uspenskii, B.A. (2017), "Metropolitan Kliment Smolyatich and his epistles", *Slověne*, no. 1, pp. 171–218.

Vedyushkina, I.V. (2001), " 'Romans', 'Romaioi' and 'Greeks' in the Old Russian translation of the 'Chronicle' of George Hamartolos", in *Norna u istochnika sud'by. Sbornik statei v chest' E.A. Mel'nikovoi* [Norn at the source of fate. Collection of articles in honor of E.A. Melnikova], Novoe literaturnoe obozrenie, Indrik, Moscow, Russia, pp. 36–43.

Zhivov, V.M. (2002), "Features of the reception of Byzantine culture in Old Rus' ", in Zhivov, V.M., *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 73–115.

Информация об авторе

Алексей С. Щавелев, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Москва, Россия, Ленинский пр-кт, д. 32а; alexissorel@gmail.com

Information about the author

Aleksei S. Shchavelev, Dr of Sci. (History), Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; alexissorel@gmail.com

Хронотоп в средневековой скандинавской культуре

УДК 81(368)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-33-54

Восприятие пространства и его доместикация в древнескандинавской культуре

Елена А. Мельникова
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
melnikova_2002@mail.ru

Аннотация. Понятие физического пространства как абстрактной протяженности несвойственно менталитету древних исландцев и, соответственно, не было вербализовано и концептуализировано. Все лексемы, связанные с пространством, характеризуют его как ограниченное и обязательно обитаемое: *heimr* – «мир (один из многих), некая область как место обитания», и *rúm* – «пространство, занимаемое кем- или чем-либо; помещение, сидение и т. п.». Более конкретны обозначения определенного участка пространства: *land* («земля») и *staðr* («место»). В восприятии этих локальных пространств особенно важна была их соотнесенность с человеком. Понятие границы было связано с маркированием земельных владений, в том числе государственных, и выражалось большим количеством слов: *mörk* (также «[пограничный] лес»), *landamæri*, *landamörk*, *endimörk* (крайний), *vébönd* (кн.); за границей *útland*, *útan*, *á útleið*. Размеры локальных пространств, их протяженность (*lengð*, *fjarlængð*, *vegalengð* «длина, расстояние»), расстояния между конкретными объектами определялись днями пути, т. е. расстояние измерялось «человеческим фактором». Таким образом, пространство мыслилось как антропоцентрическое.

Знакомство с пространством сопровождалось его доместикацией, которая осуществлялась на нескольких уровнях. Наиболее действенным способом «присвоения» пространства было наделение именем его самого и находящихся в нем объектов. В доместицированном, «своем» пространстве доминировали собственные, древнескандинавские наименования, в пространстве «чужом» – транслитерация местной номенклатуры. Особенно отчетливо топонимическая доместикация проявляется в скандинавской топонимии Восточной Европы. Локальное пространство структурировалось выделением центра власти и периферии (оппозиция *inni* : *úti*).

© Мельникова Е.А., 2025

Ключевые слова: Древняя Скандинавия, пространство, антропоцентризм, доместикация, Восточная Европа, топонимия, границы, центры власти

Для цитирования: *Мельникова Е.А.* Восприятие пространства и его доместикация в древнескандинавской культуре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 33–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-33-54

Space and its domestication in Old Norse culture

Elena A. Melnikova
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, melnikova_2002@mail.ru

Abstract. The concept of physical space as an abstract expanse was neither articulated nor conceptualized, indicating that it was alien to the mentality of medieval Icelanders. The lexemes associated with the concept of space depict it as limited, comprising distinct areas and inherently inhabited: *heimr* 'abode, land; the region of the world or sky' and *rúm* 'room, space; a room, seat, place'. More specific were the designations of certain sections of the space: *land* 'land' and *staðr* 'a stead, place, abode'. The most important aspect of all these spaces was their association with human or mythological beings. The conception of 'boundary' was predominantly practical; it was related to the demarcation of land property and, due to its significance, was represented by a number of terms: *mörk* (also a [border] forest), *landamæri, landamörk, endimörk* (edge). The dimensions of local spaces, their length, and the distances between specific geographical objects were defined by days of travel; that is, the distance was measured by the 'human factor'. The space was thus perceived as being anthropomorphic. Familiarisation with a new area of space was, in some instances, accompanied by its domestication, which was achieved through various means. The most significant way to appropriate a piece of space was by assigning names to it and to the objects contained within it. In the domesticated space of the north-western part of Eastern Europe, Old Norse designations of the region and its centres predominated, whereas, in the 'alien' space, most place names were transliterations of local names. The domesticated space was organised through centres of power and their contraposition to the periphery (the opposition *inni* : *úti*).

Keywords: Ancient Scandinavia, space, anthropocentrism, domestication, Eastern Europe, place-names, centers of power

For citation: Melnikova, E.A. (2025), "Space and its domestication in Old Norse culture", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 5, pp. 33–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-33-54

Представления о пространстве, его характеристиках и структуре, границах и протяженностях, топографии, населенности и пр. относятся к числу фундаментальных ментальных концептов[1]. Свойства пространства «всегда концептуализируются в соответствии с определенными социальными категориями» и общекультурными парадигмами [Michelet 2006, p. 5; Hastrup 1985, p. 50; ср.: Гуревич 1972, с. 26–29 и др.], причем их концептуализация происходит на двух уровнях: теоретическом и непосредственно-чувственном[2]. «Объективное пространство, как его осознает современный человек, бесконечно, непрерывно и единообразно. Оно может быть абстрагировано от своего конкретного содержания, и оно осознается объективно существующим... В чувственном восприятии пространства нет трех эвклидовых атрибутов пространства – бесконечности, непрерывности и единообразия» [Стеблин-Каменский 1976, с. 32]. Культура Средневековья не знала «объективного» пространства: в средневековом христианском мире базовые свойства пространства имели истоком христианские догматы и ценности [Гуревич 1972, с. 64–70][3]: противопоставление царств земного и небесного, сакрализация отдельных локусов, центральное положение в мире Святой Земли как места жизни и смерти Иисуса Христа и т. д. Отличное от современного, оно было достаточно цельным, осмысленным и структурированным, и его свойства вербализировались в ученой литературе.

Наряду с христианской в средневековой Европе и прежде всего в Скандинавии, длительное время продолжала существовать, а затем и сосуществовать с ней иная, дохристианская, концептуализация пространства. Первичные пространственные представления формировались прежде всего непосредственно-чувственным

---

[1] См. обзор проблемы в кн.: [Замятин 2006, с. 21–84]. Интерес к ней в историко-культурологических исследованиях в отечественной и зарубежной науке в немалой степени был стимулирован книгой А.Я. Гуревича [Гуревич 1972; Gurevich 1985]).

[2] О противопоставлении «теоретической» и «бытовой» пространственной картин мира см.: [Мельникова 1998, с. 9–15]. См. также: *Grinell R.* The theoretical attitude towards space in the Middle Ages // Speculum. 1946. Vol. 21. No. 2. P. 141–157. Ср. разделение микро- и макропространств, первое из которых является источником практического опыта, второе – осмысления пространства в космологии [Harrison 1998, pp. 50–56].

[3] Одна из первых работ, обсуждавших эту проблему: *Эйкен Г.* История и система средневекового миросозерцания / пер. с нем. В.Н. Линд; вступ. ст. И.М. Гревса. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1907 (нем. изд. 1887). См. из последних трудов [Defining the Holy 2006].

восприятием[4], основанном на реальных знаниях о среде обитания и окружающем физическом мире, его топографии, физических рубежах (реки, горы, непроходимые леса), политических границах, этнических и культурных особенностях, наконец, эмоционально-ценностных смыслах. Включенные в социокультурный контекст, конкретные физико-географические знания преломлялись в «вымышленных», ментальных пространствах, прежде всего мифологическом, которое можно расценивать как своего рода «теоретическое» [Frank 2000, pp. 9–23]. В языческой культуре северных германцев мифологическая организация пространства сочетала вертикальную и горизонтальную системы координат [Мелетинский 1975, с. 38–51] и отличалась резко выраженным дуализмом – противопоставлением пространства богов и людей, с одной стороны, и пространства великанов и хтонических чудовищ – с другой [Мельникова 1987, с. 99–104]. Эти представления в более или менее связном виде нашли отражение в мифологических песнях «Старшей Эдды» и в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона и в форме аллюзий и реминисценций в сагах и поэзии скальдов.

В литературных произведениях географические представления образовывали «вымышленное пространство». Множественность образов пространства возникала потому, что поэтика отдельных жанров средневековой словесности: хроник, героического эпоса, куртуазного романа, исландских родовых и королевских саг и др., требовала особых, специфических для данного жанра форм осмысления и репрезентации пространства. Его дискретность в сочетании с дуализмом и яркой эмоциональной окрашенностью характерны для германского героического эпоса [Гуревич 2005, с. 118–137; Мельникова 1987, с. 99–102]. Пространство хроник и летописей – прежде всего политическое, образовываемое центрами власти, в которых разворачивается описываемое хронистом историческое действие [Данилевский 2004, с. 190–231; Place, Space, and Landscape 2007].

* * *

Начальной формой концептуализации знаний и представлений о пространстве была их вербализация. Первые воплощались в наименованиях географических объектов: обобщающих апеллятивах (море, река, гора и т. д.) и конкретных топонимах, вторые

[4] В данной статье я не рассматриваю «ученые» географические воззрения скандинавов, совмещавшие собственно скандинавскую и западноевропейскую ученую картины мира, что обсуждалось мною в книгах [Мельникова 1998, с. 193–207; Мельникова 1986]. См. также [Simek 1990].

образовывали комплекс «пространственной» лексики, отражающей понятия, в которых запечатлевалось видение носителями языка окружающего их мира. По определению Л. Толми, язык задает «системный каркас» (“systematic network”) для описания пространства: «отражая в лексике одни его аспекты и игнорируя другие, язык тем самым структурирует пространство» [Talmy 1983, pp. 225–282] и придает ему определенные характеристики. В результате пространственная терминология отображает основные особенности ментального пространства носителей языка.

Пространственные представления средневековых скандинавов формировались непосредственно-чувственным восприятием. Видимо, именно поэтому понятие пространства как абстрактной категории чуждо скандинавам: в древнеисландском языке (как и в древнеанглийском [Michelet 2006, p. 19–21]) нет слова, которое соответствовало бы этому понятию [подробно с примерами см.: Мельникова 2014]. В древнеисландском, как и в других древнегерманских языках, пространственная лексика охватывает несколько семантических групп:

1. Мир, область.
2. Место, местонахождение.
3. Ориентация в пространстве.
4. Граница, предел, рубеж.
5. Расстояние.

Наиболее широкое значение и наибольшее распространение имело слово ***heimr***, которое буквально означает «обиталище; область на земле или в небе; мир»[5], «мир (один из многих), вселенная, обиталище»[6]. В значении «мир, вселенная» оно использовалось в церковной лексике, соответствуя лат. *mundus*.

В мифологическом пространстве миров-обиталищ множество: в «Прорицании вёльвы» (Vǫluspá, 2) говорится о девяти «мирах», которые помнит вёльва, в «Речах Вафтруднира» (Vafþrúðnismál, 43) упоминаются девять «миров», которые посетил Вафтруднир, в «Речах Альвиса» (Alvismál, 9–34) приводятся названия земли, неба, луны и др. в разных «мирах», т. е. у людей, асов, ванов, турсов и др. (Die Edda 1922, S. 1, 45, 109–112; Старшая Эдда 1963, с. 9; 34, 64–66. См.: [Стеблин-Каменский 1976, с. 33–34]). *Heimr* называются области обитания эльфов, великанов, карликов и др.: *Álfheimr Jótunheimr, Niflheimr* и др.

---

[5] *Cleasby R., Vigfusson G.* The Icelandic-English dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 251.

[6] Dictionary of Old Norse prose (далее – ONP), https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o32751 (дата обращения 25.12.2024).

Heimr соотносится с областью жительства группы людей. Это может быть мир Исландии, Норвегии или Скандинавии в целом: Þat munu vera skip þau, er menn hafa ut hingat i heim – «Это должен быть их корабль, который имеется у людей <, живущих> вне здешнего мира (т. е. Скандинавии. – *Е. М.*)» (Orkneyinga saga. S. 246). В скальдической поэзии употребляются выражения *heimar goða* «мир богов», *sólarheimr* «мир солнца»[7], *dvalarheimr* «место обитания», *aldaheimr*, *ljóðheimr* «мир людей» и др.[8] *Heimr* нередко присутствует в названиях деревень: *Sólheimr* в Исландии, *Haughem*, *Trondheim* в Норвегии, *Varhem* в южной Швеции.

Родственное *heimr* существительное *heima*, ср. р. (= *heimili*), означает «дом, жилище», наречия *heim* «домой, по направлению к дому», *heima* «дома (находиться внутри дома)». С этим значением тесно связаны многочисленные производные: *heimaból* «усадьба, жилой дом», *heimadyrr* «дверь в жилом доме (вход)», *heimafriðr* «мир дома», юридический термин, *heimakona* «домашняя служанка» и мн. др.[9]

Все эти словоупотребления указывает на то, что *heimr* – это участок пространства, воспринимаемый как обжитый, непосредственно связанный со средой обитания человека или мифологических существ. Многочисленность «миров» в мифологической традиции свидетельствует, что *heimr* не мыслился как единое, цельное пространство, а как его определенный, причем обязательно обжитый участок.

Другим пространственным термином было *land*, которое в первую очередь обозначало некую территорию, область, т. е. определенный участок пространства, при этом всегда подразумевалась принадлежность этого участка какой-либо общности. Это особенно отчетливо проявилось в превращении *land* в географический термин в хоронимах, обозначавших племенную территорию или государство как принадлежащее какому-либо «народу» по модели этноним + *land*[10]: *Svealand* («Земля свеев»), *Rogaland* («Земля ругов»), *Grikland* («Земля греков»), *Frakkland* («Земля франков») и мн. др. Образования на *-land* были основным, практически единственным способом создания хоронимов. Но и вне хоронимов

---

[7] *Jónsson F.* Lexikon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog. København: S.L. Møllers bogtrykkeri, 1913–1916. S. 237.

[8] Ibid., passim.

[9] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 249–251.

[10] Впоследствии, после образования национальных государств в части хоронимов формант *-land* был заменен формантом *-ríki* «государство» (см. подробнее: [Krag 1971, pp. 341–354]).

понятие *land* связано с определенной территорией: рунический памятник в Сёдербю (Гестрикланд, Швеция) установлен в память о предводителе **lank lans** *lands leiðangr* «ледунга земли», т. е. собираемого конунгом войска в определенной области [Мельникова 2001б, № Б-III.3.2), а памятник из Тюринге (Сёдерманланд, Швеция) – в честь братьев, которые были **bistra mana a lanti** *bæstra manna á landi* «лучшими людьми в земле» [Мельникова 2001б, № Б-III.5.23][11], т. е. в той области, из которой они происходили или которой они владели. Идея принадлежности заложена также в употреблении слова *land* для обозначения земельного владения, усадьбы[12] и находит отражение в производном *útanlands*, букв. «вне земли» (вне Исландии – для исландца, Норвегии – для норвежца, Дании – для дана), т. е. за пределами своей земли.

Ко второй семантической группе относятся слова ***rúm*** и ***staðr***. Первое означает «место в пространстве, занимаемый объем пространства» (например: "*e-m liggr e-t í miklu rúmi*" «нечто занимает много места»), а также «комната, сидение, место для сидения, спанья»[13]. Понятие *rúm*, вероятно, воспринималось как наиболее общее, поскольку именно оно позднее стало обозначением «объективного» пространства. Второе указывает на местоположение человека или предмета в пространстве (например, *í einum stað í England* «в одном месте в Англии»), а также может служить обозначением поселения, города (ср. *staðfesta* «постоянное местожительство, усадьба, резиденция»)[14].

Лексика, связанная с ориентацией в пространстве, прежде всего включает обозначения четырех сторон света: ***austr*** «восток», ***suðr*** «юг», ***vestr*** «запад» и ***norðr*** «север»[15]. Ментальное пространство скандинавов имело центром западную Балтику и структурировалось кардинальными направлениями, которые были теснейшим образом связаны с основными путями, ведущими на север (в Норвегию), на запад (в Англию, Франкию и далее на юг), на юг (по

[11] В моем переводе предлог *á* был неудачно передан «на земле».

[12] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 370; ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o47414 (дата обращения 25.12.2024).

[13] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 370; ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o65610 (дата обращения 25.12.2024); *Baetke W.* Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. B.: Walter de Gruyter, 1968. Bd. 2. S. 507.

[14] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 586; ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o74797 (дата обращения 25.12.2024); *Baetke W.* Op. cit. S. 594.

[15] Подробное исследование древнескандинавских принципов ориентации и связанной с ними лексики принадлежит Т.Н. Джаксон, см.: [Джаксон 1994, с. 54–64; Джаксон 2001, с. 39–48].

суше через Западную Европу) и на восток (в Восточную Европу, Византию, Передний Восток). Сосуществовали два принципа ориентации для передвижения по морю и по суше. Первый должен был отражать «объективные» данные, что достигалось определением места по солнцу, течениям и другим естественным приметам. Второй опирался на «социальное» и путевое членение пространства. Так, в Исландии направление движения указывалось по четвертям, вне зависимости от реального направления: например, *austr* обозначало движение в восточную четверть, хотя реальным могло быть движение на юг и т. д.

Третьим важнейшим элементом, организующим пространство, считается граница. Однако в мифологическом, т. е. концептуализированном пространстве границ как таковых не существует. Общее представление о существовании *innangarðr* «внутри огороженного двора/участка» (мир богов и людей) и *útgarðr* «вне огороженного двора/участка» (мир великанов и других хтонических чудовищ) не предполагало какой-либо маркированной границы, хотя в эддических песнях есть упоминания о стене огня или реке, отделяющей Ётунхейм. В противоположность неопределенности границ мифологического пространства, границы в организации реального пространства были четко определены. Большое значение границы в повседневной жизни, прежде всего в землевладении и землепользовании, определило существование значительного количества слов, связанных с этим понятием. В первую очередь это ***endi*** «конец, предел» и ***mark*** (pl. *mörk*) «межа; знак, знак собственности; граница, рубеж», а также большое количество производных от них: *enda-mark* (*endimörk*) «конец, рубеж, предел» и *lands-endi* «конец земли, граница», *landamark* и *landamerki* «межевой знак, знак отмечающий границу между владениями» и *landamæri* «пограничье»[16]. Особую роль играло слово ***landamæri*** «пограничье, фронтир»[17], которое могло относиться к границе как между государствами, так и между частными земельными владениями. Важной особенностью этой группы слов было то, что все они относились к реальному, а не ментальному пространству. Роль границы отражается в подробнейших описаниях маркеров, очерчивающих территорию, на которую распространяются права человека. Так, в «Книге о занятии земли» обязательно называются объекты, маркирующие занятый первопоселенцем участок. Нарушение границы, как правило, ста-

[16] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit., passim; P. 586; ONP, passim.; *Baetke W.* Op. cit., passim.

[17] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 371; ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o47443 (дата обращения 25.12.2024); *Baetke W.* Op. cit. S. 407.

новится причиной распри – такие случаи многократно описаны в родовых сагах. Сухопутные границы между Норвегией и Швецией – предмет многочисленных переговоров и договоров между конунгами стран. А текст *Landamæri* (середина XI в.) содержит перечень шести «столбов», отделяющих шведские и датские владения в Богуслене (Äldre Västgötalagen. B. 2, s. 160–161). Некоторые из них опознаны современными археологами [Мельникова 2015]. Таким образом, в скандинавских обществах понятие «граница» не столько характеризует пространство как таковое, сколько служит практическим целям, маркируя не просто освоенные его участки, а участки–владения, право на которые закреплено традицией.

Традиционным для скандинавов, как всех людей Средневековья, было измерение расстояний временем, затрачиваемым на путь между двумя точками. Наиболее распространенным был счет днями пути. Так, например, Охтхере (конец IX в.) рассказывает о своей поездке в землю беормов (бьярмов): «Тогда он поехал прямо на север вдоль берега, и в течение трех дней на всем пути оставлял он эту необитаемую землю по правую сторону... Тогда поплыл он дальше прямо на север, сколько мог проплыть за следующие три дня...» и т. д. (Матузова 1979, с. 24). Так же определяет расстояние днями пути аббат Никулас в своем «Дорожнике», написанном между 1154 и 1159 гг.: «Ездившие в Рим сообщают, что от Алаборга два дня езды до Вебьярга, затем неделя езды до Хейдабэ...» [Мельникова 2001а, с. 397].

Сколько-нибудь точного значения «день пути» не имел и иметь не мог, поскольку пройденное расстояние зависело от множества факторов: преодолевалось ли оно на корабле, верхом или пешком; дул ли попутный ветер или нет; была дорога удобной или, например, размокшей от дождей или занесенной снегом и т. д. Столь же неопределенными были меры расстояний на суше – *rǫst, vika* и заимствованная *míla*. Первое родственно *ró* «покой; отдых» и означало «расстояние между двумя привалами»[18]. Размер рёста также определялся условиями поездки. Второе родственно словам *vík* «залив, бухта» и *víkja* «двигаться, поворачивать» и соответствует понятию «морская миля», но изначально, видимо, *vika* обозначала расстояние от мыса до мыса в Исландии (встречается почти исключительно в древнеисландских текстах)[19]. Видимо, поэтому эта мера использовалась для определения расстояний при каботажных плаваньях.

---

[18] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 508; ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o66008 (дата обращения 25.12.2024).

[19] *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. P. 705; ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o87051 (дата обращения 25.12.2024).

Расстояние, таким образом, не являлось значимым для характеристики пространства в скандинавском обществе. Пространство оказывается лишенным четко определенных протяженностей, что было не только и не столько результатом отсутствия средств для объективной, выраженной в специальных единицах, оценки дистанции, сколько формой «очеловечения» пространства. Расстояние становилось не чем-то внеположенным человеку, но функцией его деятельности.

Таким образом, древнеисландская лексика, связанная с понятием пространства, свидетельствует, что оно не воспринималось как абстрактное, беспредельное, внеположенное человеку. Оно было по своей сути антропоцентричным. В сознании средневекового скандинава пространство состояло из участков большего или меньшего размера (ср. [Стеблин-Каменский 1976, с. 34] о мифологическом пространстве). Эти участки были всегда освоены людьми ли, богами ли, великанами ли, но они обязательно мыслились как населенные и обитаемые. Отдельные его участки – земельные владения, территории государств – могли примыкать друг к другу или находиться в неопределенном соотношении (как «миры» отдельных богов). В первом случае они разделялись границами, во втором – между ними находилось некое «пограничье» («фронтир»), пересекаемое при перемещении из одного участка пространства в другое.

* * *

Отсутствие абстрактного понятия «пространство» отнюдь не препятствовало чрезвычайной широте пространственного кругозора скандинавов эпохи викингов и последующего времени, который охватывал как те земли, которые были заселены ими самими, включая острова Северной Атлантики, так и те, в которые викинги совершали более или менее регулярные плавания: от Волги до Северной Америки и от северной оконечности Кольского п-ова до Испании и Византии [Мельникова 1986]. Однако далеко не все это пространство было освоено в равной мере. Если авторам родовых саг известен каждый мыс, фьорд и каждый хутор в Исландии, то некоторые сведения географического порядка (направление и длительность плавания, особенности ландшафта, климата и т. п.), полученные во время нескольких экспедиций в Северную Америку, оставили о себе память лишь в контексте рассказов о деяниях Лейва, сына Эйрика Рыжего, и Карлсевни в «Саге об Эйрике Рыжем» и «Саге о гренландцах» (Eiríks saga rauða, s. a.; Grœnlendinga saga 1891). Но сохранение описаний Винланда – случай достаточно редкий. Обычно сведения, полученные во время одного-двух походов, или забывались совсем, или отражались в виде топонимов-гапаксов как,

например, названия островов Западного Средиземноморья в рассказе о поездке в Святую Землю Сигурда Крестоносца (Snorri Sturluson 1951. B. 3, bls. 246–247; Снорри Стурлусон 1980, с. 482–485. См. подробнее [Melnikova 2023, pp. 40–42]). Обществом усваивались лишь те знания, которые закреплялись многократными, устойчивыми контактами. За пределами самих Скандинавских стран регионами, наиболее тесно связанными с деятельностью викингов и местами колонизованными, были Англия, Ирландия и северо-запад Франкии, но сведений и о них сохранилось немного. Так, например, поездки в Англию упоминаются всего в 35 рунических надписях, а саги знают лишь два английских города: Лондон (*Lundunaborg*) и Кентербери (*Kantaraborg*) [Fjalldal 2005], хотя еще несколько упоминаются в конкретных контекстах, как острова Западного Средиземноморья. Скандинавская колонизация Англии и северо-запада Франкии оставила многочисленные следы в топонимии этих регионов [Fellows-Jensen 2004], доместицируя их, но их апроприация осталась неизвестной жителям собственно Скандинавии.

Значительно подробнее отразились в скандинавских памятниках знания о Восточной Европе. Ее пространственный образ начал формироваться уже во время первых посещений скандинавами Приладожья в VII–VIII вв., пополняясь в IX и X вв. [Лебедев 1985, с. 185–189; Джаксон 2001; Jackson 2019]. Упоминания об этой части ойкумены (за исключением, естественно, самих Скандинавских стран) наиболее часты в древнескандинавских памятниках письменности практически всех жанров (кроме епископских саг и переводной литературы). Поездки в Восточную Европу или через нее упоминаются в 120 рунических надписях, тогда как в Англию – всего около 35 раз, а в другие области Европы – менее 10 раз. Почти в любой королевской или родовой саге встречаются более или менее пространные описания или хотя бы отдельные упоминания пребывания скандинавов «на востоке». В «викингских» сагах Приладожье – распространенное место действия, где разворачиваются приключения героя. Восточноевропейское пространство в коллективном сознании скандинавского общества является неотъемлемой частью его пространственного кругозора.

Знание пространства являлось предпосылкой его доместикации, т. е. его ментального освоения и контроля над ним [Michelet 2006, p. 27], что осуществлялось рядом процедур: именованием, установлением расстояний между отдельными объектами, определением его границ и др. Как было показано выше, границы и расстояние не служили в скандинавском обществе характеристиками пространства как такового, а имели только прикладное, практическое значение. Не применимы они и к представлениям о восточно-

европейском пространстве (в сагах практически нет упоминаний о длительности плаваний на Русь или пути между древнерусскими городами). Важнейшим способом доместикации Восточной Европы было наделение именем соответствующих частей пространства и находившихся в его пределах отдельных объектов.

Значение имянаречения осознавалось скандинавами настолько важным, что имена давались даже тем географическим объектам, которые находились за пределами осваиваемого пространства. Так, впервые высадившийся в Исландии норвежец Наддод (IX в.) дал ей имя *Snæland* «Снежная земля», хотя и не собирался оставаться на острове (позднее при заселении острова название было изменено на *Ísland* «Ледяная земля»). В рассказах о каждом из первопоселенцев в Исландии неизменно отмечается наречение ими различных природных объектов (мысов, фьордов, рек и пр.), причем нередко отмечаются причины такого наречения: например, Долина Брони была названа по имени коровы Броня, о которой рассказывается целая история (Landnámabók, сар. 14; [Литовских 2018, с. 124–133]). Намеренный поселиться в Гренландии Эйрик Рыжий (ок. 986 г.) первым делом дал новой земле название – *Grœnland* «Зеленая страна», объяснив потом, что такое название он выбрал специально, чтобы привлечь сюда переселенцев. Так же и Лейв, обследуя земли к западу от Гренландии, дает каждой из них имя по наиболее характерным свойствам местности: *Helluland* «Земля каменных плит», *Markland* «Лесная земля», *Vínland* «Виноградная земля». Как и наименование усадеб, наречение земель, их участков имело знаковое значение: участок пространства доместицировался, из чужого (неведомого) он становился своим, освоенным, и присваивался обществом или его конкретным представителем.

Аналогичной доместикации подверглось и восточноевропейское пространство. Обширная внескандинавская топонимия, запечатленная как в сагах, так и в географических трактатах, представляет собой исключительно передачу местных названий, часто оформленных с помощью скандинавских географических формантов (*borg, land* и др.): *Jórsalaland*, *Frakkland*, *Lundunaborg*. Деятельность скандинавов в Восточной Европе вызвала к жизни образование собственных географических наименований, как и в Англии и во Франкии, но, напротив, надолго сохранила их в коллективной памяти[20]. Как представляется, ранее всего возникает собирательное обозначение Поволховья и Приильменья *Garðar*

[20] Перечень всех восточноевропейских топонимов в древнескандинавских источниках см.: [Древняя Русь 2012, с. 500–508].

(мн. ч., *Garðr*, ед. ч. «огороженная усадьба, двор; ограда»[21]), засвидетельствованное в скальдической поэзии X–XI вв. и в рунических надписях XI в. [Jackson 2019, pp. 65–69]. Этот регион имел особое, базисное значение для освоения скандинавами восточноевропейского пространства: через Неву, Ладожское озеро и Волхов осуществлялся вход в речную сеть Восточной Европы, которая стала важнейшим участком трансъевропейской системы коммуникаций, связывавших Североморский регион с арабским Востоком [Коновалова, Мельникова 2018, с. 20–47]. Освоение Волховско-Ильменского региона скандинавами начинается, по археологическим данным, на рубеже VII и VIII вв., а к середине VIII в. основывается преимущественно скандинавами фактория на новом торговом пути, получившая название *Aldeigja* (позднее – *Aldeigjuborg*) от финского гидронима *Alode-jogi* [Джаксон 2012, с. 635–637]. К середине IX в. у истоков Волхова возникает укрепленный центр власти, гарнизон которого составляли скандинавы (так называемое Рюриково городище), и он тоже получает собственное скандинавское наименование – *Hólmgarðr* (название впоследствии переносится на Новгород). Можно с уверенностью предполагать, что в процессе освоения Северо-Запада Восточной Европы возникали и другие топонимы, прежде всего названия поселений, где в значительном числе жили или регулярно останавливались скандинавы, что отразилось в археологических материалах. Однако этот пласт наименований не сохранился; возможно лишь, что его реликтами являются некоторые топонимы «викингских» саг, локализуемые на Русском Севере, в частности *Alaborg* (? идентификация его спорна), *Bjalkaland* (Земля белок), *Hlynskogar* (Кленовые леса), *Klyfandanes* (Расщепляющий мыс), *Krakunes* (Вороний мыс), которые могут быть вымышленными авторами саг, но могут быть и отголосками знаний о топографии этого региона.

Продвижение скандинавов на юг по Днепровскому пути вплоть до Византии на протяжении IX в. сопровождалось образованием комплекса оригинальных, собственно скандинавских топонимов, объединенных словом *garðr* и маркирующих основные пункты Пути из варяг в греки: *Hólmgarðr*, *Kænugarðr* – Киев и *Miklagarðr* – Константинополь, Царьград древнерусских источников [Мельникова 1977, с. 199–210]. Ни один из этих пунктов не является «усадьбой», и использование в их названиях слова *garðr* как географического термина условно и, очевидно, связано с закрепленностью в традиции наименования *Garðar*, Pl., которое при использовании в

[21] ONP. URL: https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o26030 (дата обращения 25.12.2024).

качестве форманта частично или полностью десемантизировалось. К скандинавским основам восходят и первые части топонимов: *Hólm-* < др.-исл. *hólmr* «остров, возвышенный участок, не заливаемый водой в половодье», *Kœnu-* < др.-исл. *kœna* «лодка», *Mikla-* < др.-исл. *mikill* «большой»[22]. Первые два топонима отражают особенности соответствующего локуса: «Рюриково» Городище было окружено Волховом и его притоками и в половодье оказывалось на островке среди залитой водой местности; наименование *Kænugarðr*, вероятно, первоначально относилось к поселению на киевском Подоле, где, как показали археологические исследования последних лет, в конце IX в. возникло поселение с гаванью на Почайне. В ойкониме *Miklagarðr* первая основа является калькой древнерусского *Царьградъ*, *Великий город*. Важно, однако, то, что древнерусское слово было не транслитерировано (заимствовано) скандинавами, а переведено на родной язык, т. е. усвоено и присвоено ими. К эпохе освоения Пути из варяг в греки может относиться гапакс *Syrnes*, названный в списке русских городов в одном из географических сочинений [Мельникова 1986, с. 64–65] и гипотетически соотносимый с центральным городищем Гнёздовского комплекса, рядом с которым протекает речка Свинец [Jackson 2019, pp. 101–102].

Этот комплекс собственно скандинавских топонимов свидетельствует о доместикации скандинавами Волховско-Ильменского региона в VIII–IX вв. и Пути из варяг в греки в IX – первой половине X в., что полностью согласуется с археологическим материалом, свидетельствующем об интеграции Северо-Запада будущей Руси в «балтийское культурное сообщество», или «циркумбалтийскую цивилизацию» [Лебедев 1985, с. 118–119, Лебедев 1986, с. 158–160].

К XI в. название *Garðar* (позднее *Garðaríki*) распространяется на всю территорию Руси, но ни одна из ее земель (княжеств) не получает особого наименования[23]. Достаточно многочисленная топонимия Восточной Европы состоит по преимуществу из названий городов (саги и географические сочинения знают более

[22] Попытки возвести первые основы двух первых топонимов к славянским словам: *Hólm-* к др.-рус. *хълмъ* и *Kœnu-* к гипотетическому посессиву *Киянъ [город]* [Jackson 2019, pp. 71–85] сомнительны. Во-первых, в Поволховье и Приильменье в эпоху первоначального проникновения скандинавов (прото)городские поселения отсутствовали. Во-вторых, др.-русск. *хълмъ* и *градъ*, этимологически родственные и созвучные др.-сканд. *hólmr* и *garðr*, были бы осмыслены скандинавами как древнескандинавские (ср. ниже о названиях «Ростов» и «Суздаль»).

[23] Исключение составляют политонимы *Hólmgarðaríki* в «викингских» сагах (встречается несколько раз) и *Sursdalaríki* (Jackson 2019, с. 98).

10 ойконимов) [Древняя Русь 2012, с. 505–506], которые являются транслитерациями древнерусских названий: *Moramar*, *Palteskja* и др. Нередко они подвергались осмыслению как производные от древнескандинавских слов: например, *Raðstofa* (Ростов), *Surdalir*, *Sursdalir* (Суздаль). «Народная этимологизация» названий не только объясняла непонятные скандинавской аудитории названия, но и «оскандинавливала» их, позволяла воспринимать их как свои, традиционные обозначения.

«Топонимическое» освоение восточноевропейского пространства скандинавами, таким образом, отражает принципиальную разницу между первоначальным (VII – первая половина X в.) и последующим (X–XI вв.) его этапами. На первом этапе пространство Волховско-Ильменского региона доместицируется, становится для скандинавов «своим», на втором – знакомство с остальной частью Древней Руси остается достаточно поверхностным, и это пространство воспринимается чужим и чуждым.

Освоенное, доместицированное пространство объединяется неким центром и организуется вокруг него как «середины мира» [Стеблин-Каменский 1976, с. 39] или средоточия власти [Harrison 2001]. Это может быть усадьба (в Исландии, например) или город [Gregory 1994, p. 36], которому противостоит периферия. В мифологической картине мира скандинавов «местонахождение всегда оказывается либо серединой мира, либо его окраиной... Локализация чего-либо в середине или на окраине мира – это в то же время и качественная, т. е. эмоционально-оценочная характеристика... все благое пребывает в середине мира, а все злое – на его окраине» [Стеблин-Каменский 1976, с. 36]. Показательна формула, определяющая владение скандинава за пределами самой Скандинавии: название центра + «то государство/ярлство, которое к нему относится». В «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» эта формула повторяется неоднократно: ярл Скули «правил Алаборгом и тем ярлством, которое к нему относится», Ульвкелль получает в управление «Алаборг и то государство, которое к нему относится», Ульвкелль обещает конунгу Хареку «Алаборг и Альдейгьюборг, а также все то государство, которое к ним относится» (Глазырина 1996, с. 52–53, 58–59, 70–71). Та же формула определяет свадебный дар Ингигерд, выходящей замуж за Ярослава Мудрого в «Круге Земном»: он должен передать в ее владение «Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится» [Глазырина 1994]. Соотношение центра / периферии, как явствует из приведенной формулы, основывается на представлении о власти, которая распространяется из центра на его округу. Организация восточноевропейского пространства вокруг таких центров проявляется в значительно большем количестве

ойконимов, нежели других топонимов, а также в позднейшей тенденции обозначить землю/княжество ойконимом во множественном числе: *Hólmgarðr* (город) – *Hólmgarðar* (область), *Kœnugarðr* (город) – *Kœnugarðar* (область). Периферия (область) как бы является производным от центра.

Таким образом, восточноевропейская топонимия в древнескандинавских источниках свидетельствует о разной степени знакомства скандинавов с различными регионами Руси: Северо-Западным, с одной стороны, и Северо-Восточным и Южным – с другой. Но главное – она показывает, что Волховско-Ильменский регион и Путь из варяг в греки были доместицированы скандинавами, они воспринимали эти земли как часть своего, хорошо известного, обжитого пространства в отличие от остальных территорий Восточной Европы, которые оставались знакомыми, но чужими.

Источники

Глазырина 1996 – *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М.: Ладомир, 1996. 236 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)

Матузова 1979 – *Матузова В.И.* Английские средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 267 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР)

Сага о гренландцах – Сага о гренландцах / пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Летний сад, 1999. Т. 1. С. 451–472.

Сага об Эйрике Рыжем – Сага об Эйрике Рыжем / пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Летний сад, 1999. Т. 1. С. 473–500.

Снорри Стурлусон 1980 – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной // Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980 (Репринт, 1995). 686 с.

Старшая Эдда – Старшая Эдда / пер. А. Корсуна; ред. пер. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1963 (Репринт, 1975). 259 с.

Die Edda – Die Edda / Hrsg. R.C. Boer. Haarlem: H.D. Tjeenk Willink & Zoon, 1922. Bd. 1. 319 S.

Eiríks saga rauða – Eiríks saga rauða / Guðni Jónsson bjó til prentunar. URL: http://www.heimskringla.no/wiki/Eir%C3%ADks_saga_rau%C3%B0a (дата обращения 26.09.2024).

Grœnlendinga saga – Eiríks saga rauða og Flatøbogens Grænlendinga þáttr: samt uddrag fra Ólafssaga Tryggvasonar / Udg. G. Storm. Køpenhavn: S.L. Møllers bogtrykkeri, 1891. 79 s.

Landnámabók – Landnámabók (Sturlubók) // https://www.snerpa.is/net/snorri/landnama.htm (дата обращения 23.09.2024).

Orkneyinga saga – Orkneyinga saga / Udg. S. Nordal. København: Møller, 1913–1916. 312 s.

Snorri Sturluson 1951 – *Sturluson S.* Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1951. B. 3 (Íslenzk Fornrit, XXVIII). 387 Bls.

Äldre Västgötalagen – Äldre Västgötalagen og dens bilag i Cod. Holm. B 59 / Utg. P.-A. Wiktorsson. Skara, 2011. B. 1–2.

Литература

Глазырина 1994 – *Глазырина Г.В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга / Старой Ладоги скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 1991 г. М.: Наука, 1994. С. 240–244.

Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.

Гуревич 2005 – *Гуревич А.Я.* Пространственно-временной континуум «Песни о нибелунгах» // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор: Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.: РГГУ, 2005. С. 118–137.

Данилевский 2004 – *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Джаксон 1994 – *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.

Джаксон 2001 – *Джаксон Т.Н.* Austr i Gǫrðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянских культур, 2001. 208 с.

Джаксон 2012 – *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 779 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)

Древняя Русь 2012 – Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 595 с.

Замятин 2006 – *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 487 с.

Коновалова, Мельникова 2018 – *Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций. М.: Весь мир, 2018. 276 с.

Лебедев 1985 – *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Ленинградский ун-т, 1985. 285 с.

Лебедев 1986 – *Лебедев Г.С.* Балтийская субконтинентальная цивилизация // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и ли-

тературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 158–160.

Литовских 2018 – *Литовских Е.В.* Корова Броня: животный мир в «Книге о занятии земли» // Древнейшие государства Восточной Европы, 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной / отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон, А.С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. С. 124–133.

Мелетинский 1975 – *Мелетинский Е.М.* Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам, VII. Тарту, 1975. Вып. 365. С. 38–51. (Ученые записки Тартуского государственного университета)

Мельникова 1977 – *Мельникова Е.А.* Восточноевропейские топонимы с корнем *garð-* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. 22. С. 199–210.

Мельникова 1986 – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1986. 230 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР)

Мельникова 1987 – *Мельникова Е.А.* Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 263 с. (2-е изд. 2018).

Мельникова 1998 – *Мельникова Е.А.* Образ мира: Становление и эволюция географических представлений в Европе: V–XIV вв. М.: Ладомир, 1998. 254 с.

Мельникова 2001а – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в Средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 363–436.

Мельникова 2001б – *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 493 с.

Мельникова 2014 – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские представления о пространстве в зеркале языка // Книга картины Земли: Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой / отв. ред. Т.Н. Джаксон, А.В. Подосинов. М., 2014. С. 177–191.

Мельникова 2015 – *Мельникова Е.А.* Договоры о границах (Англо-Саксонская Англия и Скандинавия) // Восточная Европа в древности и Средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза: XXVII Чтения памяти... Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 15–17 апреля 2015 г.: Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2015. Вып. 17. С. 189–195.

Стеблин-Каменский 1976 – *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.

Defining the Holy 2006 – Defining the holy: Sacred space in Medieval and Early Modern Europe / ed. by S. Hamilton, A. Spicer. L.: Routledge, 2006. 368 p.

Fellows-Jensen 2004 – *Fellows-Jensen G.* Scandinavian settlement in the British Isles and Normandy: What the place-names reveal // Scandinavia and Europe 800–1350: Contact, conflict, and coexistence / ed. by J. Adams, K. Holman. Turnhout: Brepols, 2004. P. 137–147.

Fjalldal 2005 – *Fjalldal M.* Anglo-Saxon England in Icelandic medieval texts. Toronto: University of Toronto Press, 2005. 162 p.

Frank 2000 – *Frank J.* Introduction // Spatial Change in English literature / ed. by J. Frank. Dordrecht: Springer, 2000. P. 9–23.

Gregory 1994 – *Gregory D.* Geographical imagination. L.: Wiley-Blackwell, 1994. 326 p.

Gurevich 1985 – *Gurevich A.Ya.* Categories of medieval culture / transl. by G.L. Campbell. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. 347 p.

Harrison 1998 – *Harrison D.* Skapelsen geografi. Förestälningar om rymd och rum i medeltidens Europa. Stockholm: Ordfront, 1998. 244 s.

Harrison 2001 – *Harrison D.* Invisible boundaries and places of power: Notions of liminality and centrality in the Early Middle Ages // The transformation of frontiers from Late Antiquity to the Carolingians / ed. by W. Pohl, I. Wood, H. Reimitz. Leiden: Brill, 2001. P. 83–93.

Hastrup 1985 – *Hastrup K.* Culture and history in medieval Iceland: An anthropological analysis of structure and change. Oxford: Clarendon press, 1985. 285 p.

Jackson 2019 – *Jackson T.N.* Eastern Europe in Icelandic sagas. Leeds: ARC Humanities Press, 2019. 228 p. (Beyond Medieval Europe)

Krag 1971 – *Krag C.* Landskapsnavn på *-land* og *-rike* // Historisk tidskrift. 1971. Bd. 50. No. 4. S. 341–354.

Melnikova 2023 – *Melnikova T.A.* The Mediterranean in the Old Scandinavian image of the world // Vikings in the Mediterranean. Proceedings of the International Conference, Athens, 27–30 November 2019 / ed. by N. Price, M.H. Eriksen, C. Jahnke. Athens: The Norwegian Institute in Athens, 2023. P. 35–52.

Michelet 2006 – *Michelet F.L.* Creation, migration, and conquest. Imaginary geography and sense of space in Old English literature. Oxford: Oxford University Press, 2006. 297 p.

Place, Space, and Landscape 2007 – Place, space, and landscape in medieval narrative / ed. by L.L. Howes. Knoxville: University of Tennessee Press, 2007. 207 p. (Tennessee Studies in literature; vol. 43)

Simek 1990 – *Simek R.* Altnordische Kosmographie. Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14. Jahrhundert. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1990. 643 S.

Talmy 1983 – *Talmy L.* How language structures space // Spatial orientation: Theory, research, and application / ed. by H.L. Pick, L.P. Acredolo. N.Y.: Plenum Press, 1983. P. 225–282.

References

Danilevskii, I.N. (2004), *Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [The *Primary Chronicle* (Tale of Bygone Years'). Hermeneutic basis for studying chronicle texts], Aspekt-Press, Moscow, Russia.

Fellows-Jensen, G. (2004), "Scandinavian settlement in the British Isles and Normandy: What the place-names reveal", in Adams, J. and Holman, K., eds., *Scandinavia and Europe 800–1350: Contact, conflict, and coexistence*, Brepols, Turnhout, Belgium, pp. 137–147.

Fjalldal, M. (2005), *Anglo-Saxon England in Icelandic medieval texts*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.

Frank, J. (2000), "Introduction", in Frank, J., ed., *Spatial Change in English literature,* Springer, Dordrecht, Netherlands, pp. 9–23.

Glazyrina, G.V. (1994), "Wedding gift of Yaroslav the Wise to the Swedish princess Ingigerd (on the question of the reliability of Snorri Sturluson's information on the handover of Aldeigjuborg / Old Ladoga to Scandinavians], in *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy: Materialy i issledovaniya: 1991 god* [Ancient States of Eastern Europe. Materials and research], Moscow, Nauka, Russia, pp. 240–244.

Gregory, D. (1994), *Geographical imagination,* Wiley-Blackwell, UK.

Gurevich, A.Ya. (1972), *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval culture], Iskusstvo, Moscow, USSR.

Gurevich, A.Ya. (1985) C*ategories of medieval culture*, Routledge & Kegan Paul, London, UK, Boston, USA.

Gurevich, A.Ya. (2005), "Space- and time continuum of the *Nibelungenlied*", in Gurevich, A.Ya., *Istoriya – neskonchaemyi spor: Medievistika i skandinavistika: stat'i raznykh let* [History – a never-ending controversy. Medieval and Scandinavian studies: Articles written in different years], RGGU, Moscow, Russia, pp. 118–137 (first publication 1978).

Hamilton, S. and Spicer, A., eds. (2006), *Defining the holy: Sacred space in Medieval and Early Modern Europe*, Routledge, London, UK.

Harrison, D. (1998), *Skapelsen geografi. Föreställningar om rymd och rum i medeltidens Europa,* Ordfront, Stockholm, Sweden.

Harrison, D. (2001), "Invisible boundaries and places of power: Notions of liminality and centrality in the Early Middle Ages", in Pohl, W., Wood, I. and Reimitz, H., eds., *The transformation of frontiers from Late Antiquity to the Carolingians*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 83–93.

Hastrup, K. (1985), *Culture and history in medieval Iceland: An anthropological analysis of structure and change*, Clarendon Press, Oxford, UK.

Howes, L.L., ed. (2007), *Place, space, and landscape in medieval narrative,* University of Tennessee Press, Knoxville, USA.

Jackson, T.N. (1994), "Space orientation principles in the picture of the world of a medieval Scandinavan], *Odissei: Chelovek v istorii* [Odysseus: A person in history], Moscow, Russia, pp. 54–64.

Jackson, T.N. (2001), *Austr i Gǫrðum: Drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh* [*Austr i Gǫrðum*. Old Russian place-names in the Old Norse sources], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.

Jackson, T.N. (2012), *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope: Teksty, perevod, kommentarii* [Icelandic kings' sagas on Eastern Europe (Ancient sources for the history of Eastern Europe. Texts, translation, commentary], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia. (*Drevneishie istochniki po istorii Vostochnoi Evropy*)

Jackson, T.N. (2019), *Eastern Europe in Icelandic sagas,* Arc Humanities Press, Leeds, UK.

Konovalova, I.G. and Melnikova, E.A. (2018), *Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii* [Old Rus' in the system of Eurasian communications], Ves' mir, Moscow, Russia.

Krag, C. (1971), "Landskapsnavn på *-land* og *-rike*", *Historisk tidskrift*, bd. 50, no. 4, pp. 341–354.

Lebedev, G.S. (1985), *Epokha vikingov v Severnoi Evrope* [The Viking age in Northern Europe], Leningradskii universitet, Leningrad, USSR.

Lebedev, G.S. (1986), "The Baltic subcontinental civilization", in *X Vsesoyuznaya konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, yazyka i literatury Skandinavskikh stran i Finlyandii: Tezisy dokladov* [10th All-Union Conference on Studies of History, Economics, Language, and Literature of Scandinavian Countries and Finland. Theses], Moscow, USSR, part 1, pp. 158–160.

Litovskikh, E.V. (2018), "The cow Bronya. The world of animals in the *Landnámabók*], in Gimon, T.V., Melnikova, E.A., Jackson, T.N. and Schavelev, A.S., eds., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2016 god: Pamyati G.V. Glazyrinoi* [Ancient states of Eastern Europe. 2016. In memory of G.V. Glazyrina], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia, pp. 124–133.

Meletinskii, E.M. (1975), "Scandinavian mythology as a system], in *Trudy po znakovym sistemam, VII* [Studies of semiotic systems, VII], Tartu, USSR, iss. 365, pp. 38–51. (*Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*)

Melnikova, E.A. (1977), "East-European place-names with the stem *garð-* in the Old Norse literature", in *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian collection], iss. 22, Tallin, USSR, pp. 199–210.

Melnikova, E.A. (1986), *Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya: Teksty, perevod, kommentarii* [Old Norse geographical writings. Texts, translation, commentaries, Nauka, Moscow, USSR. (*Drevneishie istochniki po istorii narodov SSSR*)

Melnikova, E.A. (1987), *Mech i lira. Anglo-saksonskoe obshchestvo v istorii i epose* [The Sword and the Harp. Anglo-Saxon Society in History and Epics], Moscow: Mysl' (2nd ed. 2018).

Melnikova, E.A. (1998), *Obraz mira. Stanovlenie i evolyuciya geograficheskih predstavlenij v Evrope. V–XIV veka* [The Image of the World. Emergence and Evolution of Geographical Ideas in Europe. Fifth to Fourteenth Centuries], Moscow, Ladomir, Russia.

Melnikova, E.A. (2001), "Old Norse itineraries to Rome, Constantinople, and the Holy Land", in Glazyrina, G.V., ed., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1999 g.: Vostochnaya i Severnaya Evropa v Srednevekov'e* [Ancient states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe in the Middle Ages], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 363–436.

Melnikova, E.A. (2001), *Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nakhodki i interpretatsii* [Scandinavian runic inscriptions. New findings and interpretations], Vostochnaya literature, Moscow, Russia.

Melnikova, E.A., ed. (2012), *Drevnaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Ancient Rus' in the light of foreign sources], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.

Melnikova, E.A. (2014), "Old Norse notions of space in the mirror of the language", in Jackson, T.N. and Podosinov, A.V., eds., *Kniga kartiny Zemli: Sbornik statei v chest' I.G. Konovalovoi* [The book of the picture of the world. Collected articles in honour of I.G. Konovalova], Moscow, Russia, pp. 177–191.

Melnikova, E.A. (2015), "The border treaties (Anglo-Saxon England and Scandinavia)", in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e: Gosudarstvennaya territoriya kak faktor politogeneza: XXVII Chteniya pamyati ... Vladimira Terent'evicha Pashuto* [Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages. State Territory as a Factor of Politogenesis: XXVII Conference Commemorating Vladimir Terentyevich Pashuto], IVI RAN, Moscow, Russia, iss. 17, pp. 189–195.

Melnikova, E.A. (2023), "The Mediterranean in the Old Scandinavian image of the world", in Price, N., H. Eriksen, M. and Jahnke, C., eds., *Vikings in the Mediterranean. Proceedings of International Conference, Athens, 27–30 November 2019*, The Norwegian Institute in Athens, Athens, Greece, pp. 35–52.

Michelet, F.L. (2006), *Creation, migration, and conquest. Imaginary geography and sense of space in Old English literature*, Oxford, Oxford University Press, UK.

Simek, R. (1990), *Altnordische Kosmographie. Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14.* Jh. Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.

Steblin-Kamenskii, M.I. (1976), *Mif* [Myth], Nauka, Leningrad, USSR.

Talmy, L. (1983), "How language structures space", in Pick, H.L. and Acredolo, L.P., eds., *Spatial orientation: Theory, research, and application*, Plenum Press, New York, USA, pp. 225–282.

Zamyatin, D.N. (2006), *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modelling of geographical images], Znak, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена А. Мельникова, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; melnikova_2002@mail.ru

Information about the author

Elena A. Melnikova, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninskij pr., Moscow, Russia, 119334; melnikova_2002@mail.ru

УДК 82-131(491.1)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-55-69

Видовое деление исландских саг и «хронотоп» М.М. Бахтина

Татьяна Н. Джаксон
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
Tatjana.Jackson@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанровой классификации древнеисландской саги. Сага представляет собой уникальный жанр словесности и распадается на несколько видов, или под-жанров, которые исследователями определяются по-разному. Преимущественно используется традиционная схема, основанная на тематико-хронологическом принципе, выделяющая «королевские саги», посвященные истории Норвегии с древнейших времен до конца XIII в.; «родовые саги», описывающие историю исландских родов с момента заселения Исландии в конце IX в.; «саги о древних временах», повествующие о событиях в Скандинавии до конца IX в.; «саги о епископах», т. е. жизнеописания исландских епископов; комплекс саг о событиях в Исландии в XII–XIII вв. «Сага о Стурлунгах», а также «рыцарские саги», представляющие собой прозаические пересказы рыцарских романов, и аналогичные им собственно скандинавские саги; жизнеописания святых; переводы исторической и псевдоисторической литературы. Параллельно существует деление саг на «саги о современности», «саги о прошлом» и «саги о древности». С конца прошлого века саговеды активно привлекают к обсуждению жанровых особенностей саг сформулированную М.М. Бахтиным теорию «хронотопа» – единства временны́х и пространственных отношений, отразившегося в литературе. На примере «саг о древних временах», и в частности «Саги об Ингваре Путешественнике», в статье показано, что одного хронотопа для создания классификации саговых под-жанров недостаточно, что саги по своей внутренней организации гораздо сложнее, а их отличительной чертой является «гибридность» – соединение в каждой отдельной саге характерных черт под-жанров традиционной классификации.

Ключевые слова: исландские саги, жанр, под-жанры, видовое деление саг, хронотоп, гибридность, «Сага об Ингваре Путешественнике»

Для цитирования: *Джаксон Т.Н.* Видовое деление исландских саг и «хронотоп» М.М. Бахтина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 55–69. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-55-69

© Джаксон Т.Н., 2025

Genre classification of Icelandic sagas and M.M. Bakhtin's "Chronotope"

Tatiana N. Jackson
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Tatjana.Jackson@gmail.com

Abstract. The paper focuses on the issue of genre classification of the Old Icelandic saga. The saga is a unique genre of literature and is divided into several subgenres which various scholars define differently. Typically, scholarship employs traditional schemes based on thematic and chronological principles; it differentiates between the "kings' sagas" dedicated to the history of Norway from ancient times until the end of the 13th century; "family sagas" that recount the history of Icelandic families from the settlement of Iceland in the late 9th century; "sagas of ancient times" which narrate events in Scandinavia up to the end of the 9th century; "bishops' sagas," meaning biographies of Icelandic bishops; a collection of sagas detailing events in Iceland during the 12th and 13th centuries known as the "Sturlunga saga"; along with "chivalric sagas," which are prose retellings of chivalric romances and similar indigenous Scandinavian sagas; biographies of saints; and translations of historical and pseudo-historical literature. Simultaneously, there exists a categorisation of sagas into the "sagas of modern times," "sagas of the past," and "sagas of antiquity." Since the end of the last century, saga scholars have actively employed M.M. Bakhtin's theory of the "chronotope" – the unity of temporal and spatial relations reflected in literature – to discuss the genre characteristics of the sagas. Using the example of the "sagas of ancient times", and in particular "Yngvars saga viðfǫrla", the author demonstrates that the "chronotope" as such is an insufficient basis for creating a functioning classification of saga sub-genres. The author argues that sagas are inherently complex in their internal organisation since their defining characteristic is "hybridity", which emerges from individual sagas' combining the distinctive features of subgenres traditionally classified in preceding scholarship.

Keywords: Icelandic sagas, genre, sub-genres, "chronotope", hybridity, "Yngvars saga viðfǫrla"

For citation: Jackson, T.N. (2025), "Genre classification of Icelandic sagas and M.M. Bakhtin's 'Chronotope'", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 5, pp. 55–69, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-55-69

Исландские саги – уникальный жанр средневековой литературы. История его изучения насчитывает несколько веков, но нельзя сказать, чтобы в делении этого жанра на виды был достигнут окончательный консенсус.

В авторитетном энциклопедическом справочнике «A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture» под редакцией Р. МакТёрка [McTurk 2005] в рамках жанра (*genre*) саги выделены следующие девять под-жанров (*sub-genres*): (1) королевские саги; (2) родовые саги; христианская литература, включающая (3) епископские саги и (4) жизнеописания святых; (5) «Сага о Стурлунгах»; 6) саги о древних временах; (7) лживые саги; (8) псевдоисторические саги; (9) рыцарские саги.

Наиболее очевидные, присутствующие в любой классификации саг – это (1) *konungasögur* (королевские саги, или саги о норвежских конунгах, посвященные истории Норвегии с древнейших времен до конца XIII в.), (2) *Íslendingasögur* (родовые саги, или саги об исландцах, описывающие историю исландских родов с момента заселения Исландии в конце IX в.) и (3) *biskupasögur* (саги о епископах – жизнеописания исландских епископов), равно как и (5) комплекс саг о событиях в Исландии в XII–XIII вв., известный под названием «Sturlunga saga» («Сага о Стурлунгах»), и (6) *fornaldarsögur* (точнее – *fornaldarsögur Norðurlanda*, «саги о древних временах Северных земель» – повествования о событиях в Скандинавии до конца IX в.). В далеких от Скандинавии землях разворачиваются события (4) жизнеописаний святых (*heilagra manna sögur*, вроде «Саги о Марии»), (9) рыцарских саг (*riddarasögur* – переводов, в основном, французских куртуазных романов), (7) лживых саг (*lygisögur* – близких к рыцарским сагам по сюжетике, но сочиненных в Исландии) и (8) псевдо-исторических саг, представляющих собой переводы исторической и псевдоисторической литературы, таких как «Всемирная сага» и «Сага о римлянах». Данная классификация под-жанров в рамках жанра саги (или иначе – *видов саг*) применяется значительным большинством саговедов уже около века. Ее отражение находим, например, в прекрасном справочнике по саговой литературе К. Шира [Schier 1970].

В основной своей части эта классификация базируется на тематико-хронологическом принципе. Недостаток этого традиционного деления заключается в том, что далеко не всегда между названными видами саг можно провести четкую грань. Как отметил М. Бампи, «немалому числу текстов свойственна явная смесь жанровых признаков, что затрудняет отнесение их к одной группе» [Bampi 2014, p. 91]. Так, не только саги об исландцах, но и саги о епископах и «Сага о Стурлунгах» повествуют об исландцах; конунги часто оказываются героями саг о древних временах, а не только королевских саг; «Сага об Инглингах», открывающая собой свод королевских саг «Круг земной», многими исследователями причисляется к сагам о древних временах; и т. д.

В свое время в попытке отказаться от этой классификации Сигюрдюр Нордаль [Sigurður Nordal 1953] предложил подразделять саги только по хронологическому принципу, т. е. по тому, насколько события удалены от времени записи. В результате вычленяются следующие три группы: *samtidssagaer* – «саги о современности», относящиеся ко времени после 1100 г. (их авторы либо были современниками описываемого, либо имели возможность пользоваться письменными свидетельствами; в этот разряд попадают «Сага о Стурлунгах», саги о епископах, а также некоторые королевские саги); *forntidssagaer* – «саги о прошлом» (850–1100 гг.), т. е. все родовые саги и бóльшая часть королевских саг; *oldtidssagaer* – «саги о древности» (до 850 г.) – все саги о древних временах и королевская «Сага об Инглингах». Данная схема не слишком распространена, и причина этого лежит в том, что она избыточно опирается на предполагаемые даты записи саг, а также совсем не учитывает очевидных сущностных расхождений между различными видами саг традиционной классификации. Ст. Митчелл демонстрирует несовершенства этой системы на примере трех саг: двух королевских («Саги об Олаве Трюггвасоне», «Саги о Магнусе Эрлингссоне») и одной саги о древних временах («Саги о Хальве и воинах Хальва»). «Вряд ли у первой и третьей саг много общего – пишет он – по той причине, что предполагаемые даты описываемых в них событий гораздо дальше отстоят от времени записи этих саг, чем в случае со второй сагой, однако, если применить к ним классификацию Сигюрдюра Нордаля, может показаться, что дело обстоит именно так» [Mitchell 1991, p. 10]. Тем не менее исследователи пользуются данной терминологией, применяя ее в качестве дополнительной характеристики той или иной саги. Так, о «Саге о Хаконе Хаконарсоне» можно сказать, что это королевская сага, но поскольку написана в течение двух лет после смерти конунга Хакона, она относится к сагам о современности.

Подводя итоги своему многолетнему изучению исландских саг, М. Клунис Росс предлагает несколько иную классификацию, соединяя оба подхода к сагам и не отказываясь от учета хронологии написания саг. Она выделяет семь под-жанров (*sub-genres*, или подгрупп, *sub-groups*), а именно – (1) королевские саги, (2) родовые саги, (3) саги о древних временах, (4) рыцарские саги переводные, (5) рыцарские саги местные, (6) саги о современности а: «Сага о Стурлунгах», (7) саги о современности б: епископские саги, полагая, что, хотя и существует некоторая размытость под-жанровых категорий, всё же у каждого под-жанра имеются собственные условности относительно «места действия (как исторического, так и географического) и тематики» [Clunies Ross 2010, pp. 31–36, 73]. Она подчеркивает, что «и хронология, и география могут

рассматриваться как последовательные маркеры под-жанровой идентичности в литературном мире средневековой саги» [Clunies Ross 2010, p. 72].

К такой же смешанной таксономии, параллельно учитывающей тематику и хронологию, приходит М. Бампи. «Сага о Стурлунгах» всегда вычленялась в отдельный под-жанр, но вот епископские саги раньше всегда определялись не по хронологии, а по тематике. В статье 2014 г. Бампи еще не опирается на работу Клунис Росс, не причисляет епископские саги к сагам о современности, а точно так же, как и Ф. Феррари [Ferrari 2011], выделяет (1) королевские саги, (2) родовые саги, (3) саги о древних временах, (4) саги о современности, (5) епископские саги, (6) жизнеописания святых и (7) рыцарские саги (переводные и местные). Здесь он не разделяет вслед за Клунис Росс переводные и местные рыцарские саги на две отдельные группы текстов, как он сделает в 2017 г. в статье «Жанр», которой открывается еще один энциклопедический справочник по сагам, опубликованный под редакцией Арманна Якобссона и Сверрира Якобссона [Bampi 2017]. К сожалению, М. Бампи не столь последователен в употреблении литературоведческой терминологии, как М. Клунис Росс, и говорит то о «жанрах внутри саговой литературы» (“genres within saga literature”), то о «подразделении корпуса саг на (под)группы» (“division of the corpus of the sagas into... (sub)groups”).

Основной посыл исследований М. Бампи более чем положительный. В его работе 2014 г. в первую очередь утверждается, что традиционная классификация жанров (я бы все-таки сказала – «видов») саги – по причине ее несовершенства – требует пересмотра, суть которого – отказ от восприятия ее как жесткой, неизменяемой схемы. Следует учитывать, полагает он, диахроническое измерение, т. е. мир, в котором сага развивается во времени, а также и синхронические взаимоотношения между отдельными жанрами («видами») саг [Bampi 2014, p. 92]. Основываясь на эссе немецкого историка и теоретика литературы Х.-Р. Яусса «Теория жанров и литературы Средневековья» [Jauss 1977], а также на работах представителей русского формализма, в частности Ю. Тынянова[1], он утверждает, что жанр не есть нечто неподвижное, жанры не статичны, их система меняется с течением времени, и это «зависит не только от внутренней динамики литературной системы, но также, и прежде всего, от отношений, существующих с другими системами, образующими культуру, такими как экономические, социальные и политические» [Bampi 2014, p. 95].

[1] *Тынянов Ю.* Литературный факт // Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. С. 5–29.

Уже в статье 2014 г. М. Бампи приближается к проблеме «хронотопа». Он пишет, что, на его взгляд, важнейший момент, из которого следует исходить при обсуждении жанров саги, это «пространственно-временные координаты, в которых размещается повествование» [Bampi 2014, p. 92]. Со ссылкой на две работы Ф. Феррари [Ferrari 2011; Ferrari 2012] он поясняет, что в зависимости от типа обстановки, в пространстве и времени существуют разные стратегии повествовательного построения вымышленных миров: например, расположение событий, характеризующее пространственно-временную ось родовых саг, предполагает выбор стилистических средств и мотивов отличных от тех, с которыми мы сталкиваемся в дохристианском мире, описанном в сагах о древних временах. «Следовательно, если принять пространственно-временной контекст в качестве краеугольного камня таксономической дискуссии, речь пойдет о поиске перспективы, которая позволит нам выйти из тупика, в который, похоже, зашла нынешняя дискуссия» [Bampi 2014, p. 92].

В статье 2017 г. Бампи уходит от традиционной классификации саг и дает свою, близкую к той, которая была предложена М. Клунис Росс в 2010 г.: (1) королевские саги, (2) родовые саги, (3) саги о древних временах, (4) саги о современности (и о знатных исландцах, и о епископах), (5) рыцарские саги переводные, (6) рыцарские саги местные, (7) жизнеописания святых [Bampi 2017, pp. 4–5].

Таблица 1

Видовое деление исландских саг

Саги	Schier, 1970	R. McTurk, 2005	M. Clunies Ross, 2010	F. Ferrari, 2012	M. Bampi, 2014	M. Bampi, 2017
королевские	+	+	+	+	+	+
родовые	+	+	+	+	+	+
о Стурлунгах	+	+	+ (о современности-а)	+ (о современности)	+ (о современности)	+ (о современности: знать и епископы)
о епископах	+	+	+ (о современности-б)	+	+	

Окончание табл. 1

Саги	Schier, 1970	R. McTurk, 2005	M. Clunies Ross, 2010	F. Ferrari, 2012	M. Bampi, 2014	M. Bampi, 2017
о древних временах	+	+	+	+	+	+
рыцарские	+	+	+ (рыцарские переводные)	+ (рыцарские переводные и местные)	+ (рыцарские переводные и местные)	+ (рыцарские переводные)
сказочные (= лживые)	+	+ (лживые)	+ (рыцарские местные)			+ (рыцарские местные)
псевдоисторические	+	+				
о святых	+	+		+	+	+

Со ссылкой на процитированное мною выше утверждение Клунис Росс относительно хронологии и географии как маркеров под-жанровой идентичности [Clunies Ross 2010, p. 72] Бампи логично переходит к «хронотопу» М.М. Бахтина – «существенной взаимосвязи временны́х и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975, с. 234], – который, как он пишет, «определяет выбор черт, соответствующих конструированию конкретного вымышленного мира повествования» [Bampi 2017, pp. 4–5]. Он приводит в примечании цитату из эссе Бахтина о том, что «хронотоп в литературе имеет существенное *жанровое* значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [Бахтин 1975, с. 234], и тем не менее он настаивает на том, что более внимательное изучение саговых текстов, в которых действие происходит в одном и том же пространстве, «демонстрирует, что однородности (*homogeneity*) ожидать не следует». Напротив, он приходит к выводу о гетерогенности (*heterogeneity*, «разнородности») «саговых жанров» (читай – «под-жанров»), которую «не обязательно следует понимать как доказательство отсутствия отличительных родовых черт», но которая регулирует построение различных вымышленных миров. И все это является ре-

зультатом взаимодействия саговых под-жанров, их развития вместе с развитием общества, их иерархической организации и движения из центра на периферию и в обратном направлении (по Тынянову), их смешения. Соответственно, полагает он, «если мы сохраним временну́ю и географическую обстановку в качестве основных общих маркеров саг, мы сможем исследовать, ка́к представление этого конкретного сегмента скандинавской истории меняется в повествовательных терминах по мере того, как литературная система становится сложнее, а новые жанры (="под-жанры". – *Т. Д.*) предоставляют новый набор стилей и выразительных возможностей для формирования вымышленного мира, чаще всего связанного с одним жанром (="под-жанром". – *Т. Д.*)» [Bampi 2017, pp. 8–9].

В том же ключе написана и его статья в энциклопедическом справочнике, освещающем проблемы жанра в древнескандинавской литературе [Bampi 2020]. В ней он рассматривает возникновение и развитие жанров (читай – «под-жанров») как семиотически сложный процесс, в котором каждый текст не только отражает присущие жанру черты, но и вносит в них изменения, дополнения. Основная жанровая характеристика саг, по его мнению, – это гибридность (*hybridity*).

В рассуждениях о хронотопе Бахтина М. Бампи отсылает читателя только к одной работе – статье К. Фелпстеда [Phelpstead 2009], хотя М.М. Бахтин пришел в саговедение десятилетием раньше. На английский язык четыре его статьи из «Вопросов литературы и эстетики» были переведены в 1981 г. [Bakhtin 1981], а к изучению саг (точнее – не всех исландских саг, а только родовых) первым, насколько мне известно, концепцию Бахтина применил Торфи Тулиниус в самом конце прошлого века [Torfi Tulinius 1999]. Он подчеркнул, что хронотоп родовых саг, записанных в основном в XIII в., – это преимущественно Исландия и те места, куда исландцы плавали в период времени между заселением острова ок. 900 г. и принятием на нем христианства в 1000 г., и что с точки зрения социальной организации и условий жизни описанный в сагах мир мало отличался от мира авторов саг и их аудитории. В работе, посвященной сагам о древних временах [Torfi Tulinius 2000], Торфи отметил, что видовая классификация исландских саг действительно преимущественно основывается на пространственных и временны́х категориях.

В этом столетии «хронотоп» М.М. Бахтина занял прочное место в работах западных саговедов, которые применяют его для исследования различных под-жанров саг. Широко использовал в своих работах понятие хронотопа К. Фелпстед, на материале саг демонстрируя справедливость вывода Бахтина о том, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом и что именно хронотоп

предоставляет прекрасную возможность для объяснения «жанровой гибридности» саг (т. е. наличия у многих из них характерных признаков более чем одного вида в рамках жанра саги) [Phelpstead 2007, pp. 62–75; Phelpstead 2009; Phelpstead 2017]. Л. Рорбах применила хронотоп к саге о современности – к написанной Стурлой Тордарсоном «Саге об исландцах» – и продемонстрировала, как эта концепция может помочь в выявлении связи между литературным изображением и реальностью, в которой жили авторы саг и их аудитория [Rohrbach 2017]. Суммируя выводы этих исследователей, Торфи Тулиниус подчеркивает, что пространственные и временны́е категории занимают существенное место в жанровой классификации саг. Обращение к теории хронотопа Бахтина, по его мнению, помогает объяснить различия как между сагами, созданными в разные периоды времени, так и между сагами, созданными в разное время, но принадлежащими к одному виду [Torfi Tulinius 2020].

Любопытно, что пространственно-временной принцип в определении одного из видов саг – пожалуй, самого трудного и спорного в определении – был применен задолго до того, как была выдвинута и сформулирована столь популярная сейчас идея хронотопа. В 1829–1830 гг. К.Кр. Равн опубликовал трехтомный труд “Fornaldar sögur Norðrlanda”, включив в него 31 сагу и тем самым оформив корпус саг, именуемых «сагами о древних временах». Однако в название этого под-жанра он включил, кроме (всеми используемой) временно́й, также и географическую составляющую. Как он заявил в начальной фразе своего предисловия, «собрание саг, из которого сейчас публикуется первый том, призвано включить в себя те исландские саги, которые описывают события, произошедшие здесь, в *Северных землях*, прежде чем в IX веке была заселена Исландия, или, другими словами, раньше того времени, когда появляются достоверные рассказы» (Rafn 1829, bls. 5, курсив автора). Как подчеркивает К. Фелпстед, скандинавский контекст этих саг действительно помогает отличить их от рыцарских саг, действие которых происходит в более южных землях [Phelpstead 2009, p. 334]. На сегодняшний день, после добавлений к базовому корпусу саг К.Кр. Равна в изданиях середины прошлого века (Bjarni Vilhjálmsson, Guðni Jónsson 1943–1944; Guðni Jónsson 1954), он насчитывает 36 саг (точнее – саг и прядей), «которые, по мнению большинства ученых, также соответствуют его критериям времени и места»[2]. Следует подчеркнуть, что Равн осознавал неоднородность собранного им материала и распределил саги по

[2] *Driscoll M. et al.* Stories for all time: The Icelandic fornaldarsögur. 2011–2015 (Last update 05.01.2021). URL: https://fasnl.net/ (дата обращения 06.02.2025).

трем томам именно на этом основании: в первый он поместил саги, восходящие к древним северным сказаниям, во второй – к рассказам исландцев о своих заморских приключениях, в третий – самые малонадежные саги с точки зрения их достоверности (Rafn 1829, bls. 5).

В упомянутых выше изданиях прошлого века в число этих саг была дополнительно включена «Сага об Ингваре Путешественнике», действие которой, с одной стороны, происходит в конце X – первой половине XI в., а с другой – не только в Скандинавии, но также на Руси и в трудно определяемом пространстве на востоке. В ней, вне всякого сомнения, нарушен тот хронотоп, который К.Кр. Равн положил в основу своего определения. Отечественный публикатор и исследователь этой саги Г.В. Глазырина приняла наиболее распространенную в саговедении точку зрения и написала, что «сага причисляется исследователями» к этому под-жанру исландских саг. Однако она дополнительно уточнила, что «Сага об Ингваре» входит в «группу викингских саг о древних временах, поскольку ее сюжет оформлен в соответствии с принципами, характерными для этой группы памятников: реалистические рассказы о пребывании отряда на Руси, преодолении им порогов на русских реках и столкновениях христиан с язычниками перемежаются описаниями встреч путешественников с фантастическими существами – великанами, драконами, циклопами и даже с дьяволом» [Глазырина 2002, с. 5]. Что касается «викингских саг», то здесь исследовательница вводит читателя, мало знакомого с ее работами, в заблуждение, поскольку саговедам хорошо известно предложенное К. Широм разделение «саг о древних временах» на три группы – «героические», «викингские» и «приключенческие» [Schier 1970, pp. 72–78, 86–91], однако «Сагу об Ингваре» К. Шир вообще не упоминает в своем исследовании и, соответственно, ни к какому под-виду не относит. Однако сама Глазырина в более ранней работе, основываясь на под-видовом делении саг о древних временах А.Л. Эндрюса, который предложил вычленять «саги о древних временах» и «лживые саги»[3], но используя терминологию К. Шира, разделила все саги о древних временах на «героические» и «викингские» [Глазырина 1996, с. 10–16], а «Сагу об Ингваре Путешественнике» как раз и отнесла к этим последним, поскольку «в сюжетике этих произведений в центре внимания викингский поход или описание поездки героя в дальние земли» [Глазырина 1996, с. 14].

Вместе с тем сомнения относительно жанровой принадлежности этой саги в литературе имеются. Так, в рецензии на ее

[3] *Andrews L.A.* The Lygisǫgur // Publications of the Society for the Advancement of Scandinavian Study. 1916. Vol. 2. No. 4. P. 255–263.

английский перевод, выполненный Херманном Паульссоном и П. Эдвардсом, Р. Кук отметил, что «странность приключений в этой саге (например, драконы, гиганты, люди-птицы) придает ей вид саги о древних временах» [Cook 1990, p. 99], остановившись буквально в шаге от признания, что это одно и то же. В статье о данной саге в энциклопедии «Средневековая Скандинавия» К. Вулф пишет, что она «стоит на границе между королевскими сагами и сагами о древних временах, но обычно классифицируется как принадлежащая ко вторым»[4]. К. Фелпстед тоже заявляет, что определение «Саги об Ингваре» как королевской саги или саги о святых было бы столь же проблематичным, как и отнесение ее к категории саг о древних временах [Phelpstead 2009, p. 340]. Но даже в тех случаях, когда «Сагу об Ингваре» признают за сагу о древних временах, ее все равно оказывается трудно определить. Так, С. Митчелл включает ее в число саг о древних временах в своей статье об этом под-жанре в той же энциклопедии, но когда он затем вслед за другими учеными проводит дальнейшее разграничение – между «приключенческими рассказами» (близкими к народным сказкам и счастливо завершающимися обретением жены и королевства) и «героическими легендами» (обычно трагическими), – он признает, что не может вписать «Сагу об Ингваре» ни в одну из этих категорий[5].

В книге «Скандинавская мифология» Дж. Линдоу предлагает несколько иную дефиницию саг о древних временах, используя в качестве определяющего признака *либо* время, *либо* место, разрушая тем самым применение к этой саге хронотопа М.М. Бахтина: он пишет, что этот вид саг представляет собой «аморфную группу, объединенную, по существу, тем, что их действие происходит или очень давно, или очень далеко, то есть или до заселения Исландии, или на землях викингов на востоке» [Lindow 2002, p. 26]. К. Фелпстед иронично замечает, что это очень аккуратное определение, возможно, было дано Линдоу для того, чтобы объяснить включение «Саги об Ингваре Путешественнике» в число саг о древних временах [Phelpstead 2009, p. 335]. В той же работе Фелпстед рассуждает о том, как можно охарактеризовать данную сагу с точки зрения ее жанровой принадлежности, и предлагает «вернуться к определению саг о древних временах в терминах времени и места, в котором они происходят» [Phelpstead 2009, p. 340].

---

[4] *Wolf K.* Yngvars saga viðfǫrla // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / ed. by Ph. Pulsiano et al. N.Y., L.: Garland Publishing, 1993. P. 740.

[5] *Mitchell S.A.* Fornaldarsögur // Medieval Scandinavia. An encyclopedia / ed. by Ph. Pulsiano et al. N.Y.; L.: Garland Publishing, 1993. P. 206–208.

Как бы ни было заманчиво применение теории хронотопа М.М. Бахтина, я склонна считать, что одного хронотопа для создания классификации саговых под-жанров недостаточно. Саги по своей внутренней организации гораздо сложнее. Их главной отличительной чертой мне представляется «гибридность», на которую указал М. Бампи. Поэтому до тех пор, пока не будет создана классификация, без всяких натяжек охватывающая все саги (а я не уверена, что такое возможно), наиболее разумным мне представляется использование традиционной классификации, с необходимыми в каждом отдельном случае оговорками и уточнениями.

Источники

Bjarni Vilhjálmsson, Guðni Jónsson 1943–1944 – Fornaldarsögur Norðurlanda / Bjarni Vilhjálmsson, Guðni Jónsson sáu um útgáfuna. Reykjavík: Bókaútgáfan Forni, 1943–1944. Bd. 1–3.

Guðni Jónsson 1954 – Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík: Íslen-dingasagaútgafan, 1954–1959. Bd. 1–4.

Rafn 1829 – Fornaldar sögur Nordrlanda eptir gömlum handritum / Utg. af C.C. Rafn. Kaupmannahöfn: Popp, 1829–1830. Bd. 1–3.

Литература

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Глазырина 1996 – *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с.

Глазырина 2002 – *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.

Bakhtin 1981 – The dialogic imagination: Four essays by M.M. Bakhtin / ed. by M. Holquist; transl. by C. Emerson, M. Holquist. Austin, Texas: University of Texas Press, 1981. 480 p.

Bampi 2014 – *Bampi M.* Le saghe norrene e la questione dei generi // Intorno alle saghe norrene. XIV Seminario avanzato in Filologia germanica. Torino: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 89–105.

Bampi 2017 – *Bampi M.* Genre // The Routledge research companion to the Medieval Icelandic sagas / Ed. by Ármann Jakobsson, Sverrir Jakobsson. N. Y: Taylor & Fransis, 2017. P. 4–14.

Bampi 2020 – *Bampi M.* Genre // A critical companion to Old Norse literary genre / ed. by M. Bampi, C. Larrington, Sif Rikhardsdottir. Cambridge: D.S. Brewer, 2020. P. 15–30.

Clunies Ross 2010 – *Clunies Ross M.* The Cambridge introduction to the Old Norse-Icelandic saga. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 210 p.

Cook 1990 – *Cook R.* [Review of] Vikings in Russia. Yngvar's Saga and Eymund's Saga / transl. and introduced by Hermann Pálsson, P. Edwards. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. Vi + 102 p. // Saga-Book. 1990. Vol. 23. P. 99–105.

Ferrari 2011 – *Ferrari F.* Gli islandesi inventori del romanzo? Sviluppo e generi della saga islandese // Germanistica.net, July 20, 2011, URL: http://www.germanistica.net/2011/07/20/gli-islandesie-il-romanzo (дата обращения 16.01.2025).

Ferrari 2012 – *Ferrari F.* Possible worlds of sagas: The intermingling of different fictional universes in the development of the Fornaldarsögur as a genre // The legendary sagas. Origins and development / ed. by A. Lassen, A. Ney, and Ármann Jakobsson. Reykjavík: University of Iceland Press, 2012. P. 271–289.

Jauss 1977 – *Jauss H.R.* Theorie der Gattungen und Literatur des Mittelalters // Alterität und Modernität der mittelalterlichen Literatur: Gesammelte Aufsätze 1956–1976. München: Fink, 1977. S. 327–358.

Lindow 2002 – *Lindow J.* Norse mythology: A guide to the Gods, heroes, rituals, and belief. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 365 p.

McTurk 2005 – A companion to Old Norse-Icelandic literature and culture / ed. by R. McTurk. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 592 p.

Mitchell 1991 – *Mitchell S.A.* Heroic sagas and ballads. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1991. 239 p.

Phelpstead 2007 – *Phelpstead C.* Holy vikings: Saints' lives in the Old Icelandic kings' sagas. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2007. 274 p.

Phelpstead 2009 – *Phelpstead C.* Adventure-time in *Yngvars saga víðfǫrla* // Fornaldarsagaerne: Myter og virkelighed: Studier i de oldislandske *fornaldarsögur Norðurlanda* / red. af A. Ney, Ármann Jakobsson, A. Lassen. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2009. S. 331–346.

Phelpstead 2017 – *Phelpstead C.* Time // The Routledge research companion to the Medieval Icelandic sagas / ed. by Ármann Jakobsson, Sverrir Jakobsson. N.Y.: Taylor & Fransis, 2017. P. 187–197.

Rohrbach 2017 – *Rohrbach L.* The chronotopes of *Íslendinga saga*: Narrativizations of history in 13th-century Iceland // Scandinavian Studies. 2017. Vol. 89. No. 3. P. 351–374.

Schier 1970 – *Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart: J.B. Metzler, 1970. 144 p.

Sigurður Nordal 1953 – *Sigurður Nordal.* Sagalitteraturen // Nordisk kultur. Bd. 8: Litteraturhistorie. B. Norge og Island. Stockholm: Bonnier etc., 1953. S. 180–273.

Torfi Tulinius 1999 – *Torfi Tulinius.* Framliðnir feður: Um forneskju og frásagnarlist í *Eyrbyggju*, *Eglu* og *Grettlu* // Heiðin minni: greinar um fornar bókmenntir / Rirstj. Baldur Hafstað, Haraldur Bessason. Reykjavík: Heimskringla, 1999. Bls. 283–316.

Torfi Tulinius 2000 – *Torfi Tulinius.* The matter of the North: Fiction and uncertain identities in 13th-century Iceland // Old Icelandic literature and society / ed. by M. Clunies Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 242–265. (Cambridge Studies in Medieval Literature; vol. 42)

Torfi Tulinius 2020 – *Torfi Tulinius*. Time and space // A critical companion to Old Norse literary genre / ed. by M. Bampi, C. Larrington, Sif Ríkharðsdóttir. Cambridge: Boydell & Brewer, 2020. P. 147–153. (Studies in Old Norse literature; vol. 5)

References

Bakhtin, M.M. (1975), "Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics", in Bakhtin, M.M., *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 234–407.

Bampi, M. (2014), "Le saghe norrene e la questione dei generi", in *Intorno alle saghe norrene. XIV Seminario avanzato in Filologia germanica*, Edizioni dell'Orso, Torino, Italy, pp. 89–105.

Bampi, M. (2017), "Genre", in Ármann Jakobsson and Sverrir Jakobsson, eds., *The Routledge research companion to the Medieval Icelandic sagas*, Taylor & Fransis, New York, USA, pp. 4–14.

Bampi, M. (2020), "Genre", in Bampi, M., Larrington, C. and Sif Rikhardsdottir, eds., *A critical companion to Old Norse literary genre*, D.S. Brewer, Cambridge, UK, pp. 15–30.

Clunies Ross, M. (2010), *The Cambridge introduction to the Old Norse-Icelandic saga*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Cook, R. (1990), "[Review of] Vikings in Russia. Yngvar's Saga and Eymund's Saga / transl. and introduced by Hermann Pálsson, P. Edwards. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. Vi + 102 p.", in *Saga-Book of the Viking Society*, vol. 23, pp. 99–105.

Emerson, C. and Holquist, M., eds. (1981), *The dialogic imagination: Four essays by M.M. Bakhtin*, University of Texas Press, Austin, Texas, USA.

Ferrari, F. (2011), "Gli islandesi inventori del romanzo? Sviluppo e generi della saga islandese", in *Germanistica.net*, July 20, 2011, available at: http://www.germanistica.net/2011/07/20/gli-islandesie-il-romanzo (Accessed 16 Jan. 2025).

Ferrari, F. (2012), "Possible worlds of sagas: The intermingling of different fictional universes in the development of the Fornaldarsögur as a genre", in Lassen, A., Ney, A. and Ármann Jakobsson, eds., *The legendary sagas. Origins and development*, University of Iceland Press, Reykjavík, Iceland, pp. 271–89.

Glazyrina, G.V. (1996), *Islandskie vikingskie sagi o Severnoi Rusi* [Icelandic Viking sagas on Northern Rus'], Ladomir, Moscow, Russia.

Glazyrina, G.V. (2002), *Saga ob Ingvare Puteshestvennike: Tekst, perevod, kommentarii* (The Saga of Ingvar the Far-Traveler. Text, translation, commentary), Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.

Jauss, H.R. (1977), "Theorie der Gattungen und Literatur des Mittelalters", in *Alterität und Modernität der mittelalterlichen Literatur: Gesammelte Aufsätze 1956–1976*, Fink, München, Germany, pp. 327–358.

Lindow, J. (2002), *Norse mythology: A guide to the Gods, heroes, rituals, and belief*, Oxford University Press, New York, USA.

McTurk, R., ed. (2005), *A companion to Old Norse-Icelandic literature and culture*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.

Mitchell, S.A. (1991), *Heroic sagas and ballads*, Cornell University Press, Ithaca, USA, London, UK.

Phelpstead, C. (2007), *Holy vikings: Saints' lives in the Old Icelandic kings' sagas*, Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, Tempe, Arisona, USA.

Phelpstead, C. (2009), "Adventure-time in *Yngvars saga víðfǫrla*", in Ney, A., Ármann Jakobsson. and Lassen, A., eds., *Fornaldarsagaerne: Myter og virkelighed: Studier i de oldislandske fornaldarsögur Norðurlanda,* Museum Tusculanum Press, Copenhagen, Denmark, pp. 331–346.

Phelpstead, C. (2017), "Time", in Ármann Jakobsson and Sverrir Jakobsson, eds., *The Routledge research companion to the Medieval Icelandic sagas*, Taylor & Fransis, New York, USA, pp. 187–197.

Rohrbach, L. (2017), "The chronotopes of Íslendinga saga: Narrativizations of history in 13th-century Iceland", *Scandinavian Studies*, vol. 89, no. 3, pp. 351–74.

Schier, K. (1970), *Sagaliteratur*, Metzler, Stuttgart, Germany.

Sigurður Nordal (1953), "Sagalitteraturen", in Nordisk kultur, Albert Bonniers forlag, Stockholm, Sweden, vol. 8, pp. 180–273.

Torfi Tulinius (1999), "Framliðnir feður: Um forneskju og frásagnarlist í *Eyrbyggju, Eglu og Grettlu*", in Baldur Hafstað and Haraldur Bessason, eds., *Heiðin minni: greinar um fornar bókmenntir*, Heimskringla, Reykjavík, Iceland, 1999, pp. 283–316.

Torfi Tulinius (2000), "The matter of the North: Fiction and uncertain identities in 13th-century Iceland", in Clunies Ross, M., ed., *Old Icelandic literature and society*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 242–65. (*Cambridge Studies in Medieval Literature; vol. 42*)

Torfi Tulinius (2020), "Time and space", in Bampi, M., Larrington, C. and Sif Ríkharðsdóttir, eds., *A critical companion to Old Norse literary genre*, Boydell & Brewer, Cambridge, UK, pp. 147–53. (*Studies in Old Norse literature; vol. 5*)

Информация об авторе

Татьяна Н. Джаксон, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; Tatjana.Jackson@gmail.com

Information about the author

Tatiana N. Jackson, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; Tatjana.Jackson@gmail.com

УДК 81’42(491.1)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-70-79

Глаголы *heita* и *vera* как хрономаркеры в древнеисландских генеалогических перечнях

Елена В. Литовских
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
elitovskih@mail.ru

Аннотация. Исландские генеалогии, дошедшие до нас в средневековых нарративных источниках (в первую очередь в родовых сагах и в «Книге о занятии земли») имеют формализованную структуру. В текстах они представлены в виде поколенных росписей. Однолинейных (только нисходящих или восходящих) генеалогических перечней в источниках крайне мало, в большинстве случаев в них учитываются родственники как по мужской, так и по женской линии. Порядок перехода с одной генеалогической линии на другую в поколенных росписях был достаточно строго регламентирован, для описания смены счета родства использовались различные глаголы (*heita*, *vera* и *eiga* в pret.). В результате проведенного анализа видно, что с помощью глагола *heita* обозначались люди, как правило, жившие на момент действия сагового сюжета (или – для «Книги о занятии земли» – заселения острова), поскольку они так или иначе принимали участие в его развитии; а жившие ранее описываемых в саге событий обозначались при помощи глагола *vera*. Следовательно, эти два глагола можно использовать в качестве дополнительных хрономаркеров для уточнения как времени фиксации поколенных росписей, так и времени действия в сагах.

Ключевые слова: источниковедение, родовые саги, «Книга о занятии земли», генеалогия, структура текста, датирующие элементы

Для цитирования: *Литовских Е.В.* Глаголы *heita* и *vera* как хрономаркеры в древнеисландских генеалогических перечнях // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 70–79. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-70-79

© Литовских Е.В., 2025

The verbs *heita* and *vera* as chronomarkers in Old Icelandic genealogical lists

Elena V. Litovskikh
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, elitovskih@mail.ru

Abstract. The Icelandic genealogies which have come down to us through medieval narrative sources, primarily in family sagas and *Landnámabók*, possess a formalised structure. In the texts, they are presented in the form of *ahnentafel*. There are very few single-line genealogical lists (only ascending or descending) in the sources; in most instances, they consider relatives from both the male and female lines. The order of transition from one genealogical line to another in generational lists was strictly regulated; various verbs were employed to describe the change in the count of kinship (*heita*, vera, and *eiga* in the preterite). The analysis conducted in the article revealed that the verb *heita* was used to refer to individuals who, as a general rule, lived during the time of the saga's action (or – in the case of *Landnámabók* – the island's settlement) as they participated in the development of its plot; conversely, those who lived prior to the saga's events were designated by the verb vera. Consequently, these two verbs can serve as additional chronomarkers to illuminate both the time of recording of the *ahnentafel* and the time of action in the sagas.

Keywords: source criticism, family sagas, *Landnámabók*, genealogy, text structure, dating elements

For citation: Litovskikh, E.V. (2025), "The verbs *heita* and *vera* as chronomarkers in Old Icelandic genealogical lists", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 5, pp. 70–79, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-70-79

Генеалогии средневековых исландцев дошли до нас в составе различных письменных источников: родовых саг и «Книги о занятии земли» (*Landnámabók*). Поскольку генеалогические перечни в исландских родовых сагах выполняли определенные художественные функции (они входили в вводную характеристику персонажа и помогали раскрыть его место в саговом повествовании [Hume 1973, p. 594]), они представляли собой лишь часть реального генеалогического древа персонажа, ту часть, которая была необходима для развития сюжета, а их подробность и полнота определялись значимостью роли персонажа в саге [Литовских 2004, с. 131–132 с библиографией]. Более полные генеалогии можно восстановить

при сопоставлении нескольких саг, в которых действуют или хотя бы упоминаются одни и те же персонажи.

Генеалогические перечни «Книги о занятии земли» имели свою, отличную от генеалогических перечней родовых саг, функцию. Они были призваны обосновать владельческие права на ту или иную территорию [Pálsson 1988], соответственно, представляли череду наследников конкретного хутора. Части генеалогического древа одного и того же исландского рода порой оказывались расположенными в разных главах «Книги», в зависимости от того, где проживала та или иная ветвь семьи. Большинство исландских семей (особенно наиболее знатные из них) по истечении первых веков после переселения на остров оказались тесно связаны узами перекрестных браков, из чего также вытекает расположение фрагментов генеалогий в разных местах текста «Книги» (чаще в форме отсылки к уже упомянутому фрагменту, реже – его дублирования). Родословия «Книги», хотя по ним и принято сверять саговые генеалогии [Hafstað 2001], также не являются полными. Только перекрестный анализ генеалогических перечней родовых саг и генеалогических перечней «Книги» позволяет реконструировать наиболее полные – насколько это возможно с учетом сохранности источникового материала – родословия средневековых исландцев.

Исландские генеалогии как в текстах родовых саг, так и в «Книге о занятии земли» представлены в виде поколенных росписей. Язык этих росписей достаточно строго формализован [Литовских, Рейер 2020, с. 151–155].

Субъектом сагового генеалогического описания (лицом, от которого возводится родословная) был вводимый в повествование персонаж (об этом типе построения исландских родословных писала К. Хаструп [Hastrup 1985, p. 103]). Такой порядок не был единственно возможным для исландских родословий, поскольку его прямую противоположность представляют собой генеалогические перечни «Книги об исландцах» и «Книги о занятии земли»: они нисходящие, а их субъектами были, как правило, первопоселенцы.

По своей внутренней структуре исландские генеалогические росписи также были строго формализованы. Как правило, они представляли собой перечисление типа: *hann var Xson Ysonar Zsonar* («Он был сын X, сына Y, сына Z» (ср.: Brennu-Njáls saga, bls. 3; Landnámabók, bls. 97) с преобладающим использованием глагола *vera* в pret., что вполне логично, поскольку повествование как в текстах источников, так и в поколенных росписях ведется в прошедшем времени. Ее разновидностью для нисходящей прямой линии можно считать формулу *hann var faðir Xs föður Ys föður Zs* («Он был отцом X, отца Y, отца Z» (Landnámabók, bls. 58).

Данные обороты использовались независимо от участия упоминаемых лиц в развитии сагового сюжета. Вводные формулы с глаголом *heita* по отношению к линии сына встречаются лишь в единичных случаях, и это было, скорее всего, обусловлено стилистически, а не их ролью в развитии сюжета (для «Саги о Ньяле» это *sonr hans hét N* «Его сына звали Н» – Brennu-Njáls saga, bls. 62, 106; и *N hét sonr hans* «Н звали его сына» – Brennu-Njáls saga, bls. 293).

Поскольку наследование в средневековой Исландии велось не только по мужской, но и по женской линии (Grágás, Ia, bls. 142), как в родовых сагах, так и в «Книге о занятии земли», родственные связи учитывались также по обеим линиям. Однако по нисходящей генеалогической линии какие-либо закономерности можно выявить лишь относительно мужчин, так как сведений по женской нисходящей линии, имеющихся в текстах источников, недостаточно для их анализа. В женском варианте встречаются все возможные виды вводных формул *hans dóttir var N* («Его дочерью была Н»), *N hét dóttir* («Н звали его дочь») и *hann átti dóttur er N hét* («У него была дочь, которую звали Н»), но они единичны, закономерности их употребления выявить не удается.

Счет родства через дочь (*dóttir*) представляет собой в большинстве случаев отсылку к известному родословию через упоминание имени отца и является женским вариантом патронима. Поскольку патроним – наряду с прозвищем и родовым топонимом – входил в полное именование, идентифицирующее средневекового исландца (подробнее см. [Литовских 2022, с. 98–103]), его женский вариант гораздо более широко использовался не в поколенных росписях, а в саговом нарративе.

* * *

Только одну прямую генеалогическую линию без ответвлений представляло лишь небольшое число исландских генеалогических перечней – в среднем 18% от общего числа встречающихся в нарративных источниках родословных. Смена принципа ведения линии или переход к другому ответвлению (достаточно часто встречающиеся в средневековых исландских генеалогических росписях) обозначались различными способами в зависимости от родственных связей с человеком, через имя которого эти изменения осуществлялись.

Переход на другую линию счета родства мог происходить как по вертикали (через мать или дочь), так и по горизонтали (через сестру или жену). Порядок перехода к другим ответвлениям в генеалогических росписях был достаточно строго регламентирован. В первую очередь описание велось по прямой мужской восходящей

линии. После ее завершения включались ответвления по женской линии, сначала по линии матери, затем – жены. Множественные дополнительные ответвления по линии матери вводились, как правило, по степени древности, начиная с самых хронологически близких. Когда возникала необходимость обозначить кого-либо из предков, связанных с прямой мужской линией, но непосредственно в нее не входящих, они упоминались перед ответвлениями по материнской линии. Таким образом, явно отдавалось предпочтение мужской генеалогической цепи перед женской, хотя предки по женской линии не игнорировались. В самом конце генеалогического перечня располагались ответвления по линиям братьев и сестер или по нисходящей линии (см., например: Egils saga, bls. 6; Landnámabók, bls. 144). Тем самым выдерживался общий хронологический порядок перечисления.

Непосредственный счет родства через мать (*móðir*) – иногда на протяжении нескольких колен – ведется в нисходящих генеалогических линиях. В этом случае используется оборот *X var móðir Ys, móður Zs* («X была матерью Y, матери Z») с вариациями. Нисходящие линии присутствуют как в родовых сагах, так и в «Книге о занятии земли», поскольку их генеалогические перечни строятся вокруг вводимого в повествование персонажа, следовательно, в том случае, когда требуется актуализировать его родственные связи с выдающимися исландцами последующих поколений, счет родства и ведется по нисходящей линии. Причем это именно доведение до какого-либо известного человека, а не учет всех нисходящих родственных связей: в разных главах «Книги» приводятся различные фрагменты гораздо более обширного реального генеалогического древа.

Смена линии при параллельном счете родства по материнской линии выражалась в следующих формулах: *móðir hans hét N ok var dóttir Xs* («Его мать звали H и <она> была дочерью X») и *móðir hans var X dóttir Ys* («его матерью была X, дочь Y») – т. е. с одновременным использованием двух глаголов, *heita* и *vera*, – употребление которых распределяется примерно поровну (подробнее об употреблении этих формул в поколенных росписях «Саги о Ньяле» с полной выборкой см.: [Литовских 2004, с. 140]).

При этом с помощью глагола *heita* обозначались, как правило, живущие на момент действия сагового сюжета женщины (или – для «Книги о занятии земли» – заселения острова), поскольку они так или иначе принимали участие в его развитии; а жившие до описываемых в саге событий обозначались при помощи глагола *vera*. О том же, что на момент записи саги никого из действующих лиц не было в живых, свидетельствовало дополнение в формуле глагола *heita* глаголом *vera*. Выбор того или иного глагола никак не отра-

жал стремления разнообразить повествование, избежав повторов. Различия в употреблении вариантов этой формулы хорошо видны в следующем случае: «Хердис звали (*hét*) мать Торлауг, и <она> была (*var*) дочерью Торда, сына Бьёрна Масла, сына Хроальда Бури, сына Бьёрна Железнобокого, сына Рагнара Кожаные Штаны, сына Сигурда Кольца, сына Рангвера, сына Радбарда. Матерью Хердис, дочери Торда, была (*var*) Торгерд, дочь Скиди. Ее матерью была (*var*) Фридгерд, дочь Кьярваля, ирландского конунга» (“Herdís hét móðir Þorlaugar ok var dóttir Þórðar at Höfða Bjarnarsonar byrðusmjörs Hróaldssonar hryggs Bjarnarsonar járnsíðu Ragnarssonar loðbrókar Sigurðarsonar hrings Randvéssonar Ráðbarðssonar. Móðir Herdísar, dóttir Þórðar, var Þorgerðr Skíðadóttir. Hennar móðir var Friðgerðr dóttir Kjarvals Írakonung“ – Brennu-Njáls saga, bls. 259).

Счет родства через жену был наиболее распространенным из переходов на другую линию счета родства, присутствующим практически в каждом генеалогическом перечне родовых саг и «Книги». В генеалогических перечнях в подавляющем большинстве он выражался формулой *hann / er átti X* – «он / который женился на X» (оборот *hans kóna var X* «его женой была X» встречается в перечнях только в единичных случаях). Использование глагола *eiga* в pret., помимо своего основного значения («владеть, жениться»), служило здесь показателем смены горизонтальной линии родства. Формула *hann átti* знаменовала собой переход через родство по браку на другую генеалогическую линию (см. об этом [Hastrup 1985, pp. 102–103]), одновременно подчеркивая приоритет мужских персонажей, поскольку обратные формулы, где бы субъектом была женщина – типа «ее мужем был X», – в поколенных росписях отсутствуют. Высокая частота употребления данного оборота была связана с необходимостью учитывать происхождение не только со стороны отца, но и со стороны матери, которой приходилась сыну протагониста его жена.

Реже глагол *eiga* употреблялся по отношению к другим агентам перехода (*Hann átti son er X hét*, – «У него был сын, которого звали X», – Brennu-Njáls saga, bls. 172, 225). Его употребление в этом качестве было определено стилистически.

Поскольку в поколенных росписях родовых саг и «Книги о занятии земли» была важна отсылка (по крайней мере сокращенная – в форме патронима или упоминания последних двух колен родословной) к роду, то и выбирался тот его член, по имени которого легче всего восстанавливалась вся опущенная генеалогическая цепочка. Основными персонажами как родовых саг, так и «Книги» были мужчины, поэтому отсылки на родство женщин приводили к родственникам-мужчинам.

В том случае, когда женщина, через имя которой осуществлялся переход на другую генеалогическую линию, играла также достаточно большую роль в развитии сюжетной линии саги, формула перехода могла быть аналогичной формуле введения мужского персонажа: *X hét kona hans* («X звали его жену»). Однако в сагах такие примеры исключительны, а в «Книге о занятии земли» данная формула применительно к женщинам используется только два раза, когда первопоселенки не только сами заняли землю, но и по их именам (Арнбьёрг и Торунн) была названы хутора (Landnámabók, bls. 86, 360). При этом оборот *hans kóna var X* встречается в генеалогических перечнях только в единичных случаях.

Функциональное распределение глаголов *heita* и *vera* было типичным, хотя и не столь обязательным, и для других составных компонентов фраз, обозначающих переход на другую генеалогическую линию. Соответственно, формулы, имеющие компонент *bróðir* (переход на линию брата), чаще всего включали в себя глагол *heita* (*X hét bróðir hans*, – «его брата звали X»). Однако при переходе на эту линию могла употребляться и формула *bróðir hans var X* («его братом был X»), причем какой-либо четкой закономерности в выборе глагола не прослеживается.

Переход на линию сестры осуществлялся как при помощи глагола *vera* (*N var systir Xs* – «N была сестрой X»), так и глагола *heita* (*N hét systir hans* – «N звали его сестру»), но выявление каких-либо закономерностей в связи с нерепрезентативностью выборки не представляется возможным. При наличии в ответвлении, ведущемся по линии сестры, достаточно известного в исландском обществе человека мог употребляться и оборот, не содержащий никаких глагольных вставок (например: *Þórdís Súrsdóttir systir Gísla* – «Тордис, дочь Кислого, сестра Гисли», – Brennu-Njáls saga, bls. 261).

Счет родства через сестру (*systir*) вводил женщин в родословия через братьев, т. е. родственников-мужчин. Нет ни одного упоминания в источниках, когда бы оборотом *X systir Ys* («X сестра Y») были связаны две женщины. Представление в генеалогических перечнях кого-либо в качестве сестры встречается в тех случаях, когда брат оказывался более известным и знаковым представителем рода, чем отец упомянутых сиблингов. При этом среди переходов на женскую линию счета родства чаще всего встречаются отсылки к брату в расширенной форме, когда обозначение сестринства добавляется после патронима (по формуле *X átti Y Z-dóttur,* ***systur*** *Ns* – «X женился на Y, дочери Z, сестре N», – например, Landnámabók, bls. 42). Однако в поколенных росписях «Книги о занятии земли» есть и совсем краткие отсылки к брату, без патронима (по формуле *X átti Y* ***systur*** *Zs* – «X женился на Y, сестре Z», – Landnámabók, bls. 72).

Отношение сестринства в этом случае не дублирует, а заменяет патроним. Следует отметить, что братьями в этих сокращенных вариантах репрезентации женщин, как правило, являются первопоселенцы, т. е. именно их статус и место жительства оказываются для исландской аудитории важнее, чем сохранение традиционности именования через патроним [Литовских 2021].

Таким образом, при переходе на другие линии счета родства с помощью глагола *heita* (в оборотах типа *X hét systir hans*) в том случае, когда это позволяет источниковая выборка, обозначались, как правило, живущие на момент действия сагового сюжета (или – для «Книги о занятии земли» – заселения острова), поскольку они так или иначе принимали участие в его развитии; а жившие до описываемых в саге событий обозначались при помощи глагола *vera* (например, *X var systir hans*). Функциональное распределение глаголов *heita* и *vera* было типичным, хотя и не столь обязательным, и для других составных компонентов фраз, обозначающих переход на другую генеалогическую линию. Следовательно, их можно использовать в качестве дополнительных хрономаркеров для уточнения как времени фиксации поколенных росписей, так и времени действия в сагах. Глагол *eiga* таким датирующим элементом служить не может, он лишь маркирует переход на другую генеалогическую линию.

Источники

Brennu-Njáls saga – Brennu-Njáls saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út (ÍF; 12). Reykjavík: Hið Íslenzka fornritafélag, 1954. 463 bls.

Egils saga – Egils saga Skallagrímssonar / Sigurður Nordal gaf út (ÍF; 2). Reykjavík: Hið Íslenzka fornritafélag, 1933. 320 bls.

Grágás 1992 – *Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins* / Gunnar Karlsson, Kristján Sveinsson, Mörður Árnason. Reykjavík: Mál og menning, 1992. 567 bls.

Landnámabók – Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út (ÍF; 1). Reykjavík: Hið Íslenzka fornritafélag, 1986. Bls. 1–397.

Литература

Литовских 2004 – *Литовских Е.В.* Генеалогические перечни в структуре «Саги о Ньяле» // Древнейшие государства Восточной Европы: 2002 г. Генеалогия как форма исторической памяти /отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2004. С. 129–142.

Литовских 2021 – *Литовских Е.В.* Терминология родства в «Саге о Ньяле» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. Вып. 4. С. 53–60.

Литовских 2022 – *Литовских Е.В.* Способы идентификации средневековых исландцев // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2022. № 7. С. 95–116.

Литовских, Рейер 2020 – *Литовских Е.В., Рейер И.А.* Лингвистические особенности структуры *Sturlubók* // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 5 (834). С. 145–158.

Hafstað 2001 – *Hafstað B.* Egils saga, Njáls saga, and the shadow of Landnámabók. The work methods of the saga-writers // Sagnaheimur. Studies in honor of Hermann Pálsson / ed. by Á. Egilsdóttir, R. Simek. Wien, 2001. S. 21–38.

Hastrup 1985 – *Hastrup K.* Culture and history in Medieval Iceland. An anthropological analysis of structure and change. Oxford: Claredon Press, 1985. 285 p.

Hume 1973 – *Hume K.* Beginnings and ending in the Icelandic family sagas // Modern Language Review. 1973. Vol. 68. P. 593–606.

Pálsson 1988 – *Pálsson H.* A foundation myth in Landnámabók // Mediaeval Scandinavia. 1988. Vol. 12. P. 24–28.

References

Hafstað, B. (2001), “Egils saga, Njáls saga, and the shadow of Landnámabók. The work methods of the saga-writers“, in Egilsdóttir, Á. and Simek, R., eds., *Sagnaheimur. Studies in honor of Hermann Pálsson*, Wien, Österreich, pp. 21–38.

Hastrup, K. (1985), *Culture and history in Medieval Iceland. An anthropological analysis of structure and change,* Claredon Press, Oxford, UK.

Hume, K. (1973), “Beginnings and ending in the Icelandic family sagas”, *Modern Language Review*, vol. 68, pp. 593–606.

Litovskikh, E.V. (2004), “Genealogical lists in the structure of *Brennu-njáls saga*”, in Konovalova, I.G., ed., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2002 g. Genealogiya kak forma istoricheskoi pamyati,* Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 129–142.

Litovskikh, E.V. (2021), “Kinship terminology in *Brennu-njáls saga*”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, iss. 4, pp. 53–60. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_53.

Litovskikh, E.V. (2022), “Ways to identify Medieval Icelanders”, *Al’manakh severo-evropeiskikh i baltiiskikh issledovanii*, no. 7, pp. 95–116. DOI: 10.15393/j103.art.2022.2221.

Litovskikh, E.V. and Reyer, I.A. (2020), “Linguistic features of the structure of the *Sturlubók* structure”, in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, vol. 834, no. 5, pp. 145–158.

Pálsson, H. (1988), “A foundation myth in Landnámabók”, *Mediaeval Scandinavia*, vol. 12, pp. 24–28.

Информация об авторе

Елена В. Литовских, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; elitovskih@mail.ru

Information about the author

Elena V. Litovskikh, Cand. of Sci. (History), Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; elitovskih@mail.ru

Хронотоп в культуре средневековой Англии

УДК 82-97(410.1)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-80-92

Хронотоп в древнеанглийской агиографии (проблема жанровой классификации)

Наталья Ю. Гвоздецкая
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Сретенская духовная академия, Москва, Россия,
ngvozd@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пространственно-временные координаты повествования в пяти древнеанглийских житиях: девы мученицы Юлианы (аллитерационная поэма Кюневульфа, VIII–IX вв.), дев-мучениц Агаты и Агнес (проза Эльфрика Грамматика, конец X в.), жития святого епископа Николая Мирликийского и отшельника-аскета Эгидия (анонимная проза XI в.). Выделяется три вида координат, которые определяют жанровую специфику произведения: мир земной, мир сакральный (библейский) и мир трансцендентный. В житии святого епископа земной план превалирует над двумя другими, что отвечает характеру его деятельности и власти. В рассказе о жизни отшельника-аскета значительное место занимает отсылка к библейским, особенно евангельским событиям (прообразующим поступки святого), а также его контакты с миром трансцендентным. В житиях дев-мучениц трансцендентный мир выдвигается на первый план, в то время как земные координаты сведены к минимуму, а библейские аллюзии выполняют назидательную роль. В поэтическом житии девы-мученицы Юлианы заметно влияние германской мифоэпической традиции, которое проявляется в эпизации и гиперболизации описаний благодаря использованию героико-эпических мотивов и фразеологии.

Ключевые слова: древнеанглийская агиография, хронотоп, жанровая специфика, мифоэпическая традиция, девы-мученицы Юлиана, Агата и Агнес, св. Николай Мирликийский, св. Эгидий, Эльфрик Грамматик, Кюневульф

Для цитирования: *Гвоздецкая Н.Ю.* Хронотоп в древнеанглийской агиографии (проблема жанровой классификации) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 80–92. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-80-92

© Гвоздецкая Н.Ю., 2025

The chronotope in Old English hagiography (the problem of genre classification)

Natalia Yu. Gvozdetskaya
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia,
ngvozd@yandex.ru

Abstract. The article explores the spatial and temporal coordinates of the narrative in five Old English hagiographies of the Virgin Martyr Juliana (by Cynewulf, 8th – 9th centuries), the Virgin Martyrs Agatha and Agnes (by Ælfric Grammaticus, late 10th century), the Holy Bishop Nicholas of Myra, and the ascetic Hermit Aegidius (anonymous, 11th century). There are three types of coordinates that determine the genre specifics of the work: the earthly world, the sacred (biblical) world, and the transcendent world. In the life of the Holy Bishop, the earthly realm takes precedence over the other two, reflecting the nature of his activities and power. The life of the ascetic Hermit significantly references Gospel events and his connections to the transcendent world. In the lives of the Martyred Virgins, the transcendent world is emphasized, while earthly coordinates are diminished, and biblical allusions serve an enlightening role. In the poetic life of the Virgin Martyr Juliana, the influence of the Germanic mythoepic tradition is evident, manifesting in the episation and hyperbolisation of descriptions through the use of heroic-epic motifs and phraseology.

Keywords: Old English hagiography, chronotope, genre specifics, mythoepic tradition, virgin martyrs Juliana, Agatha and Agnes, St. Nicholas of Myra, St. Aegidius, Ælfric Grammaticus, Cynewulf

For citation: Gvozdetskaya, N.Yu. (2025), "The chronotope in Old English hagiography (the problem of genre classification)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 5, pp. 80–92, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-80-92

В древней Англии агиография как разновидность литературы зародилась вследствие развития монастырской письменности после христианизации англосаксов посланцами римской и ирландской миссий. Будучи различными по форме (проза и поэзия) и языку (латинский и древнеанглийский), труды англосаксонских агиографов (конец VII–XI вв.) в целом следовали канонам континентальных житий, хотя латинские источники перерабатывались согласно запросам местной аудитории. Классификация этих разнообразных произведений, наряду с указанными формальными признаками, базируется, как правило, на типологии представленных в них святых (апостолов, мучеников, преподобных, святителей и т. п.). Новизна

данной работы состоит в попытке показать, что в подобной типологической классификации житий большую роль играет не только характер композиции и топосов, но также взаимосвязь художественного пространства и времени – хронотоп, который, по М. Бахтину, имеет решающее значение в определении жанровых разновидностей литературных произведений [Бахтин 1975, с. 234].

Особенность агиографического нарратива заключается в том, что святой представлен в нем не только как существующий в земном времени и пространстве, но и как пребывающий в тесном общении с миром трансцендентным и его обитателями, миром вечности. Поскольку же такое бытие святого имеет основания в Священной (прежде всего библейской) истории, выступающей прообразом земной истории христианской Церкви, то представляется возможным выделить и третье измерение – мир сакральный, который противостоит земному настоящему как мир священного прошлого, отличающийся, однако, от мира трансцендентного, мира вечности. С другой стороны, нельзя не учитывать, что древние германские народы воспринимали христианское вероучение сквозь призму героико- (или мифо-) эпических представлений языческих времен, предполагающих иное восприятие времени и пространства.

Данная классификация представляется удобным инструментом для изучения жанровой специфики отдельных памятников агиографической поэзии и прозы англосаксов. Для сравнения изберем пять произведений на древнеанглийском языке, представляющих три типа святых – девы мученицы Юлианы (аллитерационная поэма Кюневульфа, конец VIII – начало IX в.), дев-мучениц Агаты и Агнес (Эльфрик Грамматик, конец X в.), жития святителя Николая Мирликийского и отшельника-аскета Эгидия (анонимная проза конца XI в.). Начнем с прозы, более близкой латинским источникам[1].

[1] Анонимные древнеанглийские жития св. Николая и св. Эгидия, дошедшие в рукописи Corpus Christi College, Cambridge, 303, опубликованы в (Treharne 1997a, pp. 83–100, 131–147), вместе с их предполагаемыми латинскими источниками (Treharne 1997a, pp. 174–206). Об истории указанной рукописи см. в (Treharne 1997b). Анализ древнеанглийских житий св. Агаты и св. Агнес, принадлежащих Эльфрику Грамматику, опирается в данном исследовании на издания (Skeat 1966; Donovan 1999a). Эльфрик нередко использует аллитерацию, однако не выдерживает строгих правил древнегерманского аллитерационного стиха, поэтому его произведения остаются ритмизованной прозой. История преданий о святых девах представлена в (Donovan 1999b), их гендерный аспект раскрыт в (Donovan 1999c). Перевод всех указанных житий с древнеанглийского языка – мой, перевод с латыни анонимного жития св. Эгидия – И.В. Кувшинской (Кувшинская 2015).

Земное время и пространство наиболее полно и адекватно представлено в житии св. Николая благодаря упоминанию имени императора Константина и восьми имен его приближенных (военачальников и слуг), а также конкретных топонимов: названы по имени три провинции, города Патара, Миры (Ликийские), Александрия, Константинополь, гавань Адриатик и даже улица в городе Леонти. За счет этого достигается реалистичность повествования, хотя реальность некоторых из этих мест неясна.

Напротив, отсылка к сакральному (библейскому) времени и пространству представлена всего двумя неточными парафразами евангельских слов Христа (Лк. 14:33 и Ин. 16:24), а также упоминанием изгнания Адама из Рая в наставлениях святителя. Следует отметить, что в предполагаемом анонимном латинском источнике библейских аллюзий гораздо больше (это ссылка на события, связанные с именами Авраама, Лота, Содома и Гоморры, Иакова и Лавана, Захарии и Елизаветы, Иоанна Крестителя), но они ограничены риторическими пассажами, которые убраны в древнеанглийском переложении вследствие незнакомства рядового англосаксонского читателя с античной риторикой.

Еще менее явно представлено в житии св. Николая трансцендентное время и пространство. Ангелы не появляются ни разу (упоминается только «голос с неба», повелевший поставить Николая в епископы); диавол же, чтобы отомстить святому за искоренение идолопоклонства, при передаче колдовского елея вынужден принять вид некоей старицы, т. е. вполне земной облик (se deofol hine selfne gehiwode swylce he an eald wif wære <Treharne 1997a, p. 91>).

Св. Николай спасает в бурю моряков, появляясь на корабле чудесным образом, но под видом их товарища. Интересно, что реализм эпизода усилен в древнеанглийском переложении: в латинском источнике морякам «явился некто в подобии мужа» (apparuit quidam in similitudine viri <Treharne 1997a, p. 186>)[2] и начал помогать им со снастями; в древнеанглийском же тексте он «начал помогать им с канатами и мачтами... как будто был одним из них» (he ongan heom to helpane on rapum ond mæstum... swilce he wære an of heom <Treharne 1997a, p. 89>).

В рассказе упоминается любовь св. Николая и его родителей к Царству Небесному (to þam upplican rice), а также имена Божии – Христос, Спаситель, Дух Святой, Царь Небесный, чьей силой совершаются чудеса, за которые святой благодарит Бога.

[2] Здесь и далее древнеанглийское житие св. Николая и его латинский источник цит. по: [Treharne 1997]. Мой перевод древнеанглийского жития св. Николая опубликован в (Гвоздецкая 2017).

Однако общение Николая с потусторонним миром не стоит в центре рассказа – акцент делается на его реальной помощи людям. И хотя нередко эта помощь представляется как чудо, однако чудеса эти далеко не всегда противоречат законам природы и не связаны напрямую с молитвами святого. Лишь единожды чудо приписывается молитве самого святого; и лишь один раз чудо имеет прообраз в евангелии (мотив умножения хлебов). Таким образом, контакт с трансцендентным временем и пространством сведен до минимума: святитель действует скорее властью, уговором и авторитетом, что отвечает его сану епископа.

Эгидий представляет иной тип святости – отшельника-аскета, хотя и вынужденного принять священнический сан и звание аббата. В житии св. Эгидия, родом грека, но подвизавшегося на юге Франции, земные параметры представлены достаточно четко: показан его путь из Афин в Марсель, Арль, затем в Септиманию и город Ним, далее в Орлеан, в пределы франкского королевства, и, наконец, в Рим. Вместе с тем знание англосаксонским анонимом географии Франции несовершенно: заменив имя знаменитого епископа Цезария Арелатского на имя неизвестного Евсевия, он помещает того в Марселе, так что становится непонятно, зачем Эгидий, желавший познакомиться с епископом, отправляется в Арль. Эту замену принято объяснять желанием автора устранить несоответствие в хронологии, поскольку Цезарий, чьи труды были известны англосаксам, жил в начале VI в., а упоминаемый в тексте король готов Флавий (известный историкам также под именем Вамба), покровитель Эгидия, правил в конце VII в. (Treharne 1997c, p. 129).

Земная география и хронология становятся, по-видимому, не столь важны в житии отшельника, посвятившего себя молитве и аскезе. Возможно, по этой причине как в латинском, так и в древнеанглийском тексте отсутствует имя папы, под власть которого Эгидий поставил свой монастырь. Отсюда понятно также появление «собирательного» образа короля Карла: он наделен властью императора Карла Великого, но правит во времена Карла Мартелла, деда императора. Зато библейские аллюзии, прямо или косвенно отсылающие к эпизодам Священной истории, пронизывают собой весь текст жития св. Эгидия. Так, из пятнадцати совершенных им чудес девять имеют прообраз в евангельских эпизодах (исцеляет девицу от горячки, а также бесноватых и расслабленного, воскрешает юношу и т. п.), одно – в житии св. Мартина (делится туникой), причем неоднократно подчеркиваются горячие молитвы Эгидия Богу.

Обитатели ада и рая не маскируются в его житии под земные сущности. Бес, мучивший бесноватого, представлен в древнеан-

глийском тексте именно как «злой дух», «враг рода человеческого» (se awergede gast, mancynnes feond); в латинском источнике бесноватый тоже мучим «демоном», «злым духом», «врагом рода человеческого» (a daemonio, maligno spiritu, humani generis inimice)[3]; покидая исцеленного Эгидием человека, бес вопит, как подобает бесу, а не причитает, как «старица-дьяволица» в житии св. Николая. Ангел же сам является в алтаре Эгидию именно как «ангел Господень» (лат. angelus Domini, древнеангл. Godes engel) и кладет на престол послание с отпущением грехов королю Карлу.

Наиболее же яркое свидетельство теснейшего контакта Эгидия с миром трансцендентным дает описание его смерти. В латинском источнике его переход в мир иной сопровождается чудесными знамениями: «верные, присутствовавшие при его кончине, рассказывали, что слышали ангельские хоры, с ликованием переносившие на небеса святую душу» (Кувшинская 2015, с. 29) (Affuerunt enim in illius transit fideles, qui dicerent se choros angelorum audivisse sanctam illius animam in caelum cum laudibus ferentium <Treharne 1997a, p. 206>). В древнеанглийском переложении эти ангельские хоры направляет сам архангел Михаил, упоминаемый по имени (Treharne 1997a, p. 147). Как древнеанглийский текст, так и латинский источник жития заканчиваются молитвенным обращением автора к святому Эгидию с просьбой о заступничестве перед Богом. Подобная концовка, воссоздающая атмосферу храмового богослужения, направлена на то, чтобы обеспечить читателю столь же тесный контакт с потусторонним миром, каким обладал Эгидий. Отметим при этом, что житие св. Николая не упоминает его кончины и загробной участи.

В житиях святых дев-мучениц Агаты и Агнес, принадлежащих Эльфрику Грамматику, земное время и пространство детализовано еще менее, чем в житии отшельника Эгидия. В обоих упоминаются происхождение и посмертные чудеса дев, однако земной хронотоп их житий, относящихся к разряду passio, ограничен временем и местом их мученичества. Это Сицилия времен правления Квинтиана для Агаты, Рим времен правления префекта Симпрония для Агнес. Рассказ Эльфрика включает меньшее число имен собственных по сравнению с латинскими редакциями: опущены имена императора Декия, апостола Петра, городов Катании и Палермо, не названы

[3] Здесь и далее древнеанглийское житие св. Эгидия и его латинский источник цит. по (Treharne 1997a). Мой перевод древнеанглийского жития св. Эгидия опубликован в [Гвоздецкая 2018]. Перевод анонимного латинского жития св. Эгидия принадлежит И.В. Кувшинской (Кувшинская 2015).

по имени сообщники Квинтиана, хотя упомянут вулкан Этна, чье извержение было остановлено надгробным покровом Агаты.

Мученичество обеих дев сопровождается непосредственным явлением сил ангельских и бесовских, которые прямо обнаруживают свой сверхъестественный характер, чем обеспечивается введение в рассказ трансцендентного времени и пространства. В доме блудниц, куда была отослана Агнес, ей помогает ангел Божий, озаряя все небесным светом и прикрывая туникой ее наготу; в темнице Агате является сквозь запертую дверь седовласый муж (в латинском тексте – апостол Петр), который мгновенно исцеляет ее увечную грудь. При погребении Агаты ангел в образе юноши устанавливает табличку с надписью на ее гробнице, свидетельствуя о святости девы. Обе девы неоднократно обращаются с молитвой к Богу, имена Божии неоднократно появляются в их диалогах с мучителями, языческие идолы трактуются как обиталище бесов, а дьявол упоминается как сразивший сына префекта, пытавшегося осквернить Агнес. Агата прямо говорит о вмешательстве трансцендентного мира в ее судьбу: «Коль пожелаешь ты напустить на меня диких зверей, они будут тотчас укрощены именем Спасителя. Коль приготовишь для меня костер, скоро снидет на меня целительная роса от ангелов Господних. Коль будешь грозить мне бичеванием, так на это есть у меня Дух Святой, чрез Коего смогу я отразить все твои удары» (Гвоздецкая 2022, с. 63)[4]. Смерть Агаты трактуется как переход в вечность: «она отдала Богу душу и отошла ко Господу» (Гвоздецкая 2022, с. 66); по смерти Агата является родителям вместе с сонмом небесных дев.

Встречаются в житиях Агаты и Агнес также библейские аллюзии, показывающие, что события укоренены в сакральном пространстве и времени Священной истории. Ответы дев мучителям включают парафразы библейских цитат (так, Агнес образно описывает своего Небесного жениха и Его духовные дары в терминах телесных украшений, встречающихся в Книге Песни песней). Сомнения Симпрония, вначале не желавшего казнить Агнес, напоминают сомнения Понтия Пилата, а крики народа, требовавшего ее казни – вопли толпы, требовавшей казни Христа.

Перейдем к поэтическому изложению мученичества святой девы Юлианы, созданному Кюневульфом на основе латинских версий ее жития. Здесь обнаруживаются те же виды пространственно-временных координат, что и в житиях прозаических (земные, сакральные, трансцендентные, опять-таки с преобладанием двух последних), которые, однако, приобретают несколько иной характер вследствие

[4] Древнеанглийское житие Агаты здесь и далее цит. в моем переводе (Гвоздецкая 2022).

гиперболизации и эпизации повествования, свойственных древнегерманской поэтической традиции. Композиция поэмы отвечает житийному канону дев-мучениц, отразившемуся в житиях Агаты и Агнес. Тут присутствуют все те же основные сюжетные структуры: экспозиция (сообщение о месте и времени событий), завязка (отказ девы знатному жениху-язычнику), развитие действия (диалоги и пытки), кульминация (помощь деве посланца Божия и посрамление диавола), развязка (мученическая смерть и принятие девы в небесные обители) и постпозиция (смерть мучителя). Однако выдержано повествование в иных, героико-эпических тонах.

В прозаических житиях зачины указывают место и время действия кратко, через топонимы и имена правителей. В «Юлиане» зачин разрастается почти до двадцати поэтических строк, чем подчеркиваются эпические масштабы происходящего, причем эпизация обнаруживается уже в обращении поэта к слушателям, имитирующем приемы устного сказительства (Hwæt! We ðæt hyrdon / hæleð eahtian, / deman dædhwate, Juliana, 1–2a «Вот, мы прослышали, / как герои сказывали, / судили деяньми славные»)[5]. Содержание поэмы представляется как достояние молвы, передатчиками которой выступают члены дружинного сообщества (подобный образ дружинника-скопа рисует поэма «Видсид»).

Действие поэмы происходит в царствование римского императора Максимиана в Никомидии, где правит префект Элевсий. Пределы власти Максимиана обретают невиданные масштабы: его царство столь обширно, что и гонения его на христиан получают вселенский характер, распространяясь по всему «срединному» (обитаемому) миру (ofer middangeard, 3b), в наименовании которого слышатся отзвуки представлений о Мидгарде, центре вселенной в германской мифологии. Преследования Максимиана удваиваются в начале рассказа: вслед за его собственными действиями перечисляются действия его сподвижников.

Столь же эпизирована и гиперболизирована аудитория, перед которой Юлиана произносит обличительную речь против Элевсия. В тексте сказано, что дева говорила «перед толпой мужей» (on wera mengu, 45b). Оскорбительным представляется Элевсию именно то, что Юлиана якобы оклеветала его «перед народом» (fore þissum folce, 74a). Напротив, собеседники дев в текстах Эльфрика вполне конкретны: Агата возражает Афродосии, Агнеса – своему жениху и его родне. Свойственная эпосу публичность диалогов (в «Беовульфе», например, таковые носят почти что церемониальный ха-

[5] Здесь и далее древнеанглийский текст поэмы «Юлиана» цит. с указанием номеров поэтических строк по: (Foys 2019). Перевод мой. – *Н. Г.*

рактер [Гвоздецкая 2016]) подчеркивается и далее. Когда Юлиана возражает Элевсию на суде, красотой девушки восхищаются воины (duguð, букв. «дружина») и весь народ. Элевсий также произносит свои угрожающие слова «перед народом» (for þam folce, 184a).

Речи Юлианы не только занимают больше места по сравнению с прозаическими житиями, но и отличаются более воинственным настроем. Она сама приравнивает столкновение с отцом к битве, говоря, что ее не страшит «грохот сраженья» (hildewoma, 136). А Элевсий уподобляет ее борьбу против языческих богов войне, великому и страшному бою (Læt þa sace restan, / lað leodgewin, 200a–201b). В ответ Юлиана называет Элевсия «зло-вредителем» (womsceaða, 211a), утверждая, что Спаситель защищает ее от «хватки врагов», чар злых духов (scinlace... gromra gripe, 214–215a). В речах Юлианы бесы трактуются как антигерои, лишенные того, что отличает испытанную дружину, – добродетели, понимаемой в контексте героического мира как сила и власть (duguþ): так, об идолопоклоннике говорится, что он не найдет «добродетели (иначе: силы) у бесов» (duguþe mid deoflum, 221a). Прославление Юлианой Бога завершается (как в хвалебной песни, прославлявшей вождя дохристианских времен) формульным словосочетанием þæt is soð cyning (224b) «то есть истинный конунг». Героико- и мифоэпическая фразеология используются в «Юлиане» и по отношению к Элевсию, мучителю девы: он выступает одновременно и как folctoga (225a) «воевода», и как laðgeniðla (232a) «мерзкий враг» (эпитет мифических чудовищ).

В героико-эпических терминах битвы выдержан диалог Юлианы с демоном, явившимся к ней в тюрьму. Уже само по себе появление сверхъестественного существа, с которым святая вступает не только в словопрения, но и в физическую схватку (с помощью Божией она оказывается способной схватить беса и крепко держать его до конца диалога), ставит ее в один ряд с эпическими героями наподобие Беовульфа, что отображается в тексте через использование по отношению к Юлиане эпитета bealdor «храбрец, герой, вождь» (mægþa bealdor, 568a «из дев храбрейшая»). Бес удивляется отваге Юлианы, вопрошая ее, как она, «дерзкая разумением, стала способной к битве» (hu þu gedyrstig / þurh deop gehygd, / wurde þus wigþrist, 431–432a). При этом бес именуется не только через латинское заимствование deofol «диавол» или через кальки эпитетов, известных из континентальной христианской литературы (unclæne gæst, 418b «нечистый дух»; þystra stihtend, 419b «князь тьмы»), но и через выражения, подобающие мифическим монстрам (aglæca, 319a «чудовище», этим словом называется великан Грендель в «Беовульфе»). Диавол в «Юлиане» – это и «враг рода че-

ловеческого» (feond moncynnes, 317b), и вместе с тем «соперник героев» (hæleþa gewinna, 345b).

Отметим также введение эпической темы изгнания, которая выражается в таких наименованиях злого духа, как werga «отверженный», earmsceapen «жалкое создание», earm aglæca «жалкое чудовище». Бес, побежденный в споре с Юлианой, начинает стенать и сетовать на свою участь, подобно персонажам героических элегий: «несчастный и печальный, запел он скорбную песнь» (hearmleoð agol, / earm ond unlæd, 615b–616a). Интересно, что пребывание в аду Элевсия со спутниками, погибшими в кораблекрушении, трактуется как лишение их дружинного образа жизни: они не могут больше просить у вождя сокровищ, «чтоб в винном зале на скамьях пиршественных витое золото и кольца они получали» (þæt hy in winsele / ofer beorsetle / beagas þegon, / æpplede gold, 686b–688a).

Эпическая тема пира и пиршественного зала, как и тема битвы, неоднократно звучит в «Юлиане». Отец Юлианы, Африкан, напуганный тем, что дочь отказала в сватовстве его начальнику-префекту, стремится заслужить милость своего господина не где-нибудь, а в «винных бургах» (winburgum in, 83a). Данный композит, непонятный в контексте жития, на самом деле просто варьирует обозначение пиршественного зала (winsele «винный зал») в условиях римских реалий (укрепленных городов). Тем самым поведение Африкана сближается с поведением верного дружинника. При этом разгневанный префект именуется «страж царства» и «копьеносец» (rices hyrde, 66b; daraðhæbbende, 68a).

Связан с темой пира и мотив сокровищ. Через упоминание сокровищ жениха, представляемых в эпических терминах (feohgestreona, 102a), отец пытается добиться согласия девы на брак, а символом его гнева служит его отказ в дарении дочери сокровищ (117–118). Эпические темы появляются и в рассказе беса – так, затеянная им распря между соперниками начинается, разумеется, в «винном зале» (in winsele, 487b), а сам он окутывает людей своим «ядовитым дыханием» (þurh attres ord, букв. «ядовитым острием», 471a), как мифический дракон в «Беовульфе» (в «Юлиане» – в переносном смысле, ослепляя их дурными мыслями).

Таким образом, введение в поэму героико-эпических реалий преобразует хронотоп житийного нарратива, придавая ему пространственно-временные координаты мифа и легенды. Мир новый, ранее неизвестный англосаксам (как земной, так и трансцендентный), предстает в знакомых образах древних германских преданий.

Вместе с тем эпизация рассказа не мешает его дидактической направленности, что достигается за счет расширения отсылок к библейской, Священной истории в речах демона, которого Юлиана

вынуждает сознаться, что он – виновник всех бед в истории человечества (упоминаются грехопадение Адама и Евы, распри между народами, усекновение главы Иоанна Предтечи, распятие Христа, казни апостолов, и т. п.). Речи беса становятся источником сведений, позволявших монастырскому поэту объяснить пастве природу зла и познакомить как с историей его появления, так и с «техникой» его воздействия на человека. А евангельские аллюзии в предсмертной речи Юлианы, в которой она призывает народ положить в основание жизни «Живой Камень», т. е. Христа (ср. to þam lifgendan / stane stiðhydge / staþol fæstniað, 653b–654), превращают ее в настоящую проповедь. Святая призывает слушателей «укреплять свой дом» (т. е. не строить его на песке, ср. Мф. 7:24), чья «стена» должна противостоять «натискам бурь, греховным помыслам» (ср. þæt ge eower hus / gefæstnige, / þy læs hit ferblædum / windas toweorpan. / Weal sceal þy trumra / strong wiþstondan / storma scurum, / leahtra gehygdum, 649b–652a).

Поведем итоги. Хронотоп древнеанглийской агиографии в целом отвечает континентальным житийным канонам, включая в себя три вида пространственно-временных координат, отображающих 1) земные события в жизни святых, 2) отсылки к Священной истории и 3) взаимодействие святых с потусторонним, трансцендентным миром. В житии святого епископа земной план превалирует над двумя другими, что отвечает характеру его деятельности и власти. В рассказе о жизни отшельника-аскета, напротив, значительное место занимает отсылка к библейским, особенно евангельским событиям (прообразующим поступки святого), а также его контакты с миром трансцендентного. В житиях дев-мучениц последние выдвигаются на первый план, в то время как земные координаты сведены к минимуму, а библейские аллюзии выполняют назидательную роль. В поэтическом житии девы-мученицы Юлианы значительно возрастает влияние германской мифоэпической традиции, которое проявляется в эпизации и гиперболизации обрисовки мира земного и трансцендентного благодаря использованию героико-эпических мотивов и фразеологии.

Источники

Гвоздецкая 2017 – Древнеанглийское житие святителя Николая / пер. с древнеангл., коммент., науч. ред. Н.Ю. Гвоздецкой // Сретенский сборник: Научные труды преподавателей СДС. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. Вып. 7–8. С. 127–148.

Гвоздецкая 2022 – Эльфрик Грамматик. Житие святой Агафии / Пер. с древнеангл., коммент., науч. ред. Н.Ю. Гвоздецкой // Сретенский сборник: Научные труды

преподавателей СДА. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2022. Вып. 11–12. С. 61–67.

Кувшинская 2015 – Житие святого Эгидия, составленное неизвестным автором (“Acta Sanctorum”) / пер. И.В. Кувшинской // Святой Эгидий, византиец на Западе: Житие и почитание / ред.-сост. М.Г. Талалаи. СПб.: Алетейя, 2015. С. 19–38.

Donovan 1999a – Women Saints’ Lives in Old English prose / ed. by L.A. Donovan; transl. from Old English with introduction, notes and interpretive essay. Cambridge: D.S. Brewer, 1999. 142 p.

Foys 2019 – Old English poetry in facsimile 2.0 / ed. by M. Foys et al. Center for the History of Print and Digital Culture, University of Wisconsin-Madison, 2019. URL: https://oepoetryfacsimile.org (дата обращения 25.12.2024).

Skeat 1966 – Ælfric’s Lives of Saints / ed. by W.W. Skeat. 2 vols. L.: N. Trübner & Co., 1881–1885, 1890–1900. Reprinted as 2 vols, 1966. URL: https://en.wikisource.org/wiki/%C3%86lfric%27s_Lives_of_Saints (дата обращения 10.12.2024).

Treharne 1997a – The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. 219 p.

Литература

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Гвоздецкая 2016 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беовульф») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 168–178.

Гвоздецкая 2018 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Преподобный Эгидий – уроженец Афин и святой Франции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. Вып. 56. С. 109–124.

Donovan 1999b – *Donovan L.A.* Introduction // Women Saints’ Lives in Old English prose / ed. by L.A. Donovan; transl. from Old English with introduction, notes and interpretive essay. Cambridge: D.S. Brewer, 1999b. P. 1–23.

Donovan 1999c – *Donovan L.A.* Interpretive essay. The gendered body as spiritual problem and spiritual answer in the Lives of Women Saints // Women Saints’ Lives in Old English Prose / Ed. Leslie A. Donovan. Transl. from Old English with Introduction, Notes and Interpretive Essay. Cambridge: D.S. Brewer, 1999c. P. 121–134.

Treharne 1997b – *Treharne E.M.* Introduction // The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. P. 1–78.

Treharne 1997c – *Treharne E.M.* Appendix I: The transmission of the legend of St. Giles // The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / Ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. P. 125–130.

References

Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki* [Essays on literature and aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.

Donovan, L.A. (1999), "Introduction", in Donovan, L.A., ed., *Women Saints' Lives in Old English prose*, D.S. Brewer, Cambridge, UK, pp. 1–23.

Donovan, L.A. (1999), "Interpretive essay. The gendered body as spiritual problem and spiritual answer in the Lives of Women Saints", in Donovan, L.A., ed., *Women Saints' Lives in Old English prose*, D.S. Brewer, Cambridge, UK, pp. 121–134.

Gvozdetskaya, N.Yu. (2016), "Formularity and lexicon of ritual speech in the Old English heroic epic (on the material of the introduction of direct speech in the poem "Beowulf")", Science Journal of Volgograd State Univercity. Linguistics, vol. 15, no. 4, pp. 168–178.

Gvozdetskaya, N.Yu. (2018), "Venerable Egidius – a native of Athens and a saint of France", *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*, iss. 56, pp. 109–124.

Treharne, E.M. (1997), "Introduction", in Treharne, E.M., ed., *The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles*, University of Leeds, Leeds, UK, pp. 1–78.

Treharne, E.M. (1997), "Appendix I: The transmission of the legend of St. Giles", in Treharne, E.M., ed., *The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles*, University of Leeds, Leeds, UK, pp. 125–130.

Информация об авторе

Наталья Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19/3; ngvozd@yandex.ru

Information about the author

Natalia Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia; bld. 19/3, Bolshaya Lubyanka street, Moscow, Russia, 107031; ngvozd@yandex.ru

УДК 82-1(410.1)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-93-119

Функции хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники

Инна Г. Матюшина
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, innamat@hotmail.co.uk

Аннотация. В статье аргументируется предположение, что в поэтических вставках в Англосаксонскую хронику сочетаются различные способы изображения времени: абсолютное календарное время от Рождества Христова (Anno Domini); сакральное время, заданное церковными праздниками; относительное время, измеряемое правлением монарха от восшествия на престол до кончины; генеалогическое время, основанное на династических именованиях правителя и представителей его рода; пространственное время, определяемое хронотопом. Хронотоп выполняет композиционную функцию во всех поэмах Хроники: в «Битве при Брунанбурге» акцент на хронотопе позволяет расширить пространственно-временную перспективу и оценить значимость победы в масштабах вселенной; в «Завоевании пяти бургов» с помощью хронотопа легитимизируется освоение нового пространства и возвращение исконных земель; в поэтической вставке о коронации Эдгара Миролюбивого восшествие на трон земного монарха уподобляется благодаря хронотопу посвящению в чин духовного лица. Хронотоп поэмы о кончине Эдгара Миролюбивого приобретает апокалиптический символизм, устанавливая пространственно-хронологическую обусловленность природных катаклизмов и бедствий в стране кончиной короля. В поэме об убийстве Альфреда хронотоп получает аллюзивную функцию, наделяющую его ассоциациями с панегирической поэзией и позволяющую противопоставить былое величие англов их бесславному настоящему. Хронотоп в поэме о кончине Эдуарда Исповедника вводит контраст преходящей, временной власти над земным королевством и вечного спасения в мире ином. Изучение хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники, проведенное в статье, позволяет пролить свет на восприятие времени и способы освоения пространства в средневековой Англии.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, Англосаксонская хроника, Битва при Брунанбурге, Завоевание пяти бургов, Коронация Эдгара, Кончина Эдгара, Кончина Альфреда Этелинга, Кончина Эдуарда Исповедника

© Матюшина И.Г., 2025

Для цитирования: *Матюшина И.Г.* Функции хронотопа в поэмах Англосаксонской хроники // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 93–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-93-119

The functions of the chronotope in the Anglo-Saxon Chronicle poems

Inna G. Matyushina
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
innamat@hotmail.co.uk

Abstract. The article argues that the Chronicle poems depict not only events, such as victories over enemies or coronations or deaths of rulers, but also their spatiotemporal coordinates, presented in inextricable interdependence. The Chronicle poems, as demonstrated in the article, integrate various methods of measuring time: absolute calendar time based on the birth of Christ (Anno Domini); sacral time linking events to Church feasts; relative time assessed by the reign of a monarch from his accession to the throne until his death; genealogical time rooted in the dynastic names of the ruler and his ancestors; and spatial time defined by the use of the chronotope. In the *Battle of Brunanburh,* the chronotope broadens the spatiotemporal perspective, evaluating the victory on a universal scale. In the *Capture of the Five Boroughs,* the chronotope legitimises the acquisition of new space and the return of ancestral lands, ensuring long-lasting glory for the subject of praise. In the poem about the *Coronation of Edgar*, the chronotope establishes a parallel between the coronation of an earthly monarch and the consecration of the head of the Church, thereby affirming the king's dominion over a sacred space. The chronotope of the poem about the *Death of Edgar* acquires apocalyptic symbolism, establishing the spatiotemporal determinacy of natural cataclysms and disasters within the kingdom by the king's death. In the poem on the *Death of Alfred*, the chronotope is imbued with allusive functions that contrast the past greatness of the nation with its treacherous present. The chronotope in the poem concerning the *Death of Edward* presents a contrast between the fleeting, temporary power over terrestrial space, which is handed down to a worthy successor (Harold Godwinson), and the promise of eternal salvation in the heavenly kingdom. The study of the chronotope in the poems of the Anglo-Saxon Chronicle, as conducted in the article, sheds light on the perception of time and space acquisition in medieval England.

Keywords: chronotope, time, space, Anglo-Saxon Chronicle, Battle of Brunanburh, Capture of the Five Boroughs, Death of Alfred, Death of Edward, Coronation of Edgar, Death of Edgar

For citation: Matyushina, I.G. (2025), "The functions of the chronotope in the Anglo-Saxon Chronicle poems", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 5, pp. 93–119, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-93-119

Англосаксонская хроника содержит шесть поэтических вставок, которые сохранились в четырех рукописях: Паркерской хронике (рукопись A: MS. 173, Corpus Christi College, Cambridge, X в.), Первой Абингдонской хронике (рукопись B: MS. Cotton Tiberius A.vi, X в.), Второй Абингдонской хронике (рукопись C: MS. Cotton Tiberius B.i, XI в.) и Вустерской хронике (рукопись D: Cotton MS Tiberius B IV, XI в.). Все дошедшие до нас поэмы Хроники посвящены правителям Британских островов: они воспевают победы английских монархов («Битва при Брунанбурге» 937 г., «Завоевание пяти бургов» 942 г.), изображают восшествия на престол («Коронация Эдгара» 973 г.), смерть королей или наследников престола («Кончина Эдгара» 975 г., «Кончина Альфреда» 1036 г., «Кончина Эдуарда» 1065 г.). Поэмы Англосаксонской хроники обращены не к германскому героическому прошлому, но к современным событиям и потому представляют собой не менее важный источник исторических сведений, чем прозаическая часть Хроники. Поэмы Хроники не раз привлекали внимание исследователей [Bredehoft 2001; O'Brien O'Keefe 2005; Trilling 2009, pp. 194–213; Clarke 2012, pp. 57–79], однако, насколько известно, не рассматривались в связи с изображением пространства и времени. В предлагаемой статье аргументируется предположение о том, что в поэтических вставках в Англосаксонскую хронику увековечиваются не только изображаемые события, но их пространственно-временные координаты, явленные в неразрывной взаимообусловленности.

1. Хронотоп в «Битве при Брунанбурге»

Композиция поэтического текста, включенного в Хронику под 937 г. и посвященного прославлению победы короля Этельстана, определяется хронотопом вводной части, развернутым в качестве рамочной конструкции («в это лето» – «в битве... под Брунанбургом»): «В это лето Этельстан / державный, // кольцедробитель, / и брат его, наследник, // Эдмунд, в битве / добыли славу // и честь всевечную / мечами в сечи // под Брунанбуром» (*пер.*

В.Г. Тихомирова)[1]. Хронологические координаты (летом 937 года от Рождества Христова) объединяются с пространственными (ymbe Brunanburh), которые устанавливаются в зависимости от интерпретации словосочетания с предлогом ymbe – «вокруг», прилагательным brunan – «коричневый» и существительным burh – «укрепленное поселение, крепость»[2]. Brunanburh можно понять не только как сложное собственное имя (топоним Брунанбург), но и как два имени нарицательных («коричневая крепость») или одно нарицательное («крепость») и одно собственное (топоним Брун), т. е. крепость Бруна. В зависимости от этого можно предполагать, что битва велась у (или вокруг) «бурга», возможно, стоящего на реке Брун, или у «коричневой крепости», или у Брунанбурга[3].

В описании схватки на мечах («рубили щитов ограду... Эадверда отпрыски, / как это видится // в их роде от предков, / ибо нередко недругов // привечали они мечами, / защищая жилище, // земли свои и золото, / и разили противника», *пер. В.Г. Тихомирова*) временное измерение вводится с помощью отсылки к «их роду от предков» и династического именования правителей – Этельстан и его младший брат Эдмунд называются «отпрысками Эадверда» (afaran Eadweardes). Упоминание об отце Этельстана и Эдмунда уэссекском короле Эдуарде Старшем, сыне Альфреда Великого, воскрешает в памяти аудитории, к которой обращена поэма, его славные деяния на благо страны: расширение границ королевства, возведение крепостей, победы над викингами, завоевание пяти бургов (Дерби, Лестера, Стэмфорда, Ноттингема и Линкольна), присоединение Эссекса, полное подчинение Мерсии. Генеалогия используется в поэме как средство временной отсылки к прошлому – «к их роду от предков», т. е. к Эдуарду Старшему и Альфреду Великому, в то время как локализация событий прошлого связа-

[1] Здесь и далее перевод «Битвы при Брунанбурге» В.Г. Тихомирова цит. по: Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. (Лит. памятники)

[2] Текст «Битвы при Брунанбурге» цит. по: The Anglo-Saxon minor poems // Anglo-Saxon poetic records / ed. by E.V.K. Dobbie. N.Y., 1942. Vol. 6. P. 16–20.

[3] Определение места сражения, для которого привлекают данные археологии, топонимики, письменные свидетельства и фольклорные предания, до сих пор вызывает наибольший интерес исследователей. Предлагались более 30 топонимов, производных от слов с компонентом Брун-, однако большая их часть отвергалась на основании лингвистического анализа [Cavill 2008, pp. 303–319; Cavill 2011, pp. 251–276; Cavill 2023, pp. 19–38].

на со «страной, сокровищем и домами» (land ealgodon, hord and hamas), которые правителям Уэссекса приходилось оборонять от врагов.

Как средство обозначения пространства употребляются этнонимы: «скотты и мореходы» – Sceotta leoda and scipflotan, «северные мужи» (скандинавы) – guma norþerna. Пространственное измерение сопрягается с временным: целый день продолжается кровавая сеча («сколько скоттов / и морских скитальцев // обреченных пало / – поле темнело // от крови ратников / с утра, покуда, // восстав на востоке, / светило славное // скользило над землями, / светозарный светоч // Бога небесного, / рубились благородные, // покуда не спокоились», *пер. В.Г. Тихомирова*). С помощью хронотопа изображается локализация в пространстве поля боя, которое «темнело от крови мужей» (feld dænnede / secga swate), и хронология битвы от ее начала («на рассвете») до ее завершения – на закате. Пространственные координаты (поле сражения) неразрывно связаны с временными указателями («с утра, покуда, восстав на востоке, светило славное, скользило над землями»). Как замечает О.А. Смирницкая, «поле битвы, над которым солнце совершает свой дневной путь, обозревается с некоей высокой точки, соответствующей масштабности событий» [Смирницкая 1982, с. 304–305]. Хотя в битве при Брунанбурге участвуют только англосаксы, скандинавы и скотты, ее описание в поэме предстает картиной всеобщего, тотального уничтожения.

Ключевые мотивы всемирной сечи воспроизводятся во второй части поэмы, которая открывается наречием места þær – «там», использованном во временном значении («тогда»): «тогда/там полегло много мужей, копьями уничтоженных»; «скольких северных // мужей в сраженье / положили копейщики // на щиты, уставших, / и так же скоттов, // сечей пресыщенных». Время сражения выступает в неразрывной связи с его локализацией: скандинавы и скотты пали в битве, которая длилась один день. Те, кому удалось спастись, бежали с поля боя, уэссекская конница преследовала их до ночи: «косили уэссекцы, // конники исконные, / доколе не стемнело, // гоном гнали / врагов ненавистных, // беглых рубили, / сгубили многих // клинками камнеостренными» (*пер. В.Г. Тихомирова*). Локализация битвы расширяется благодаря введению пространственного мотива преследования и вновь сопрягается с обозначением временного промежутка – действие поэмы происходит «доколе не стемнело».

Хронотоп третьей части поэмы тоже вводится с помощью наречия места þær – «там», наделенного временной семантикой («тогда»). Пространственные координаты приобретают в этой

части семантическую нагруженность и доминируют над хронологией: бегство побежденного войска по Дингес-морю назад в Дублин противопоставляется триумфальному возвращению победителей в Уэссекс. В описании вражеского отступления глаголы с семантикой перемещения в пространстве используются четыре раза, обозначая серию параллельных действий (кинулся – отчалить – уносит – упасает): «Кинулся в бегство // знатный норманн – / нужда его понудила // на груди ладейной / без людей отчалить, – // конь морской по водам / конунга уносит // по взморью мутному, / мужа упасая» (*пер. В.Г. Тихомирова*). Параллелизм в изображении пространственного перемещения противников скрывает контраст: Анлаф (Олав) явился воевать с королем Этельстаном «по бурным волнам» (ofer æra gebland), теперь он бежит «по взморью мутному» (on fealene flod); «седовласый воин» Константин пустился в бегство и покинул юного сына, который навечно остался на поле павших из-за полученных ран (and his sunu forlet on wælstowe wundum forgrunden, geonge æt guðe)[4]. При помощи хронотопа подчеркивается и возрастное противопоставление Константина и его юного сына, и пространственно-временное (бегство с поля боя «седовласого воина» и вечный покой его сына), и морально-этическое (вызывающая презрение трусость старика и достойная восхищения отвага сына).

Использование хронотопа позволяет создателю поэмы изобразить разгром скандинавов в X в. в пространственно-временной перспективе Великого переселения народов и завоевания англосаксами Британии: «Не случалось большей // сечи доселе / на этой суше, // большего в битве / смертоубийства // клинками сверкающими, / как сказано мудрецами // в старых книгах, / с тех пор, как с востока // англы и саксы / пришли на эту // землю из-за моря» (*пер. В.Г. Тихомирова*). С помощью хронотопа, заключающего песнь, значение битвы при Брунанбурге оценивается не только для того поколения англосаксов, безопасность которых обеспечена правлением великих уэссекских королей (от Альфреда Великого до его внука Этельстана), но и для всей страны (пространственная перспектива) и ее истории (временные координаты): «доселе, на этой суше»; «с тех пор, как пришли на эту землю». Если в начале поэмы речь идет о династии уэссекских королей, наследниками которых называются Этельстан и Эдмунд, то в заключении их победа

[4] Ср. замечание Н.Ю. Гвоздецкой о том, что «целостный образ битвы... последовательно разложен на компоненты, которые позволяют представить живописную картину сражения, как бы разворачивающегося на глазах у читателя» [Гвоздецкая 2000, с. 82].

изображается в широчайшем историческом контексте, как событие важное не только для Уэссекса, но и для всего народа. Прозаические записи Англосаксонской хроники остаются в сфере интересов Уэссекса (или Мерсии), однако ее поэтические вставки расширяют национальные границы, обобщая и размах сечи, и величие победы до вселенских масштабов.

2. Хронотоп в поэме «Завоевание пяти бургов»

Поэма о завоевании пяти бургов в 942 г. воспевает восстановление королевства в границах, унаследованных от знаменитых предков: область пяти бургов, завоеванная Эдуардом Старшим, отцом короля Эдмунда, была захвачена в 939 г. Олавом Гудфриддссоном, королем Дублина и Йорка, и Эдмунду удалось вернуть ее под власть Уэссекса лишь три года спустя. В рукописях поэма предваряется наречием места her – «здесь» во временном значении «тогда»: «Тогда король Эдмунд, правитель англов, хранитель мужей, дорогой вершитель дел, покорил Мерсию, которую обрамляет Дор, Врата Уайтвелла, и река Хумбра, широкий морской проток. Пять бургов, Лестер и Линкольн, Ноттингем, и также Стэмфорд и Дерби» (1–5)[5]. Композиция поэмы определяется хронотопом: покорение Эдмундом Мерсии, включающей область пяти бургов, помещается в сетку временных («тогда» – her... «прежде» – æror... «долгое время» – lange þrage... «пока» – oþ) и пространственных координат (к названию области добавляется определительное придаточное, вводящее список уточняющих топонимов: «которую обрамляет Дор, Врата Уайтвелла и река Хумбра»). Список топонимов, включающий названия пяти бургов («Лестер и Линкольн, Ноттингем, Стэмфорд и Дерби»), представляет собой интерполяцию, синтаксически независимую и от первой, и от второй части поэмы. Семантически этот список связан с ее первой частью, следовательно, его можно считать пространственным расширением топонима Мерсия, закрепляющим в памяти людей распространение королевской власти на вновь возвращенные регионы.

Завоевательная кампания пяти бургов представляется создателем поэмы как поход ради духовного освобождения порабощенного населения Мерсии: «Даны были прежде долгое время силой

[5] Здесь и далее текст поэмы о завоевании пяти бургов цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 20–21; перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

принуждены северными мужами к узам язычества, пока их не освободил защитник воинов, сын Эдуарда, король Эдмунд, себе во славу». Освободителем Мерсии в поэме изображается Эдмунд – он «прошел, покорил» (geeode), «развязал узы, освободил» (alysde) данов. Если король показан активным субъектом, «вершителем дел» – dædfruma, «защитником воинов» – wiggendra hleo, «хранителем мужей» – mæcgea mundbora, то с освобожденным им народом (данами – Dæne) ассоциируется религиозная, духовная, пространственная пассивность. С Эдмундом создатель поэмы связывает мотив движения, доминантный для хронотопа: он будто врывается в замкнутое ограниченное пространство и прерывает насильственное заключение его обитателей, разбивая их оковы. Напротив, даны, как и населяемое ими пространство, описываются как пассивные объекты действия: Мерсия отделена рекой, а ее жители скованы узами язычества. Создатель поэмы разграничивает «данов» (Dæne) хронологически и локально, т. е. отделяет второе и третье поколение викингов, осевших на Британских островах и обратившихся в христианство, от «северных мужей» (Norðmenn), «язычников» (hæþena), вторгшихся в страну вместе с Олавом Гудфридссоном и его вождями[6]. Четырнадцатилетнее правление Этельстана, как полагают исследователи [Stenton 1971, p. 354], привело к тому, что даны в восточной Мерсии стали считать себя законными подданными английского короля.

Согласно хронологии Симеона Даремского, местность пяти бургов находилась под скандинавским владычеством не более двух лет[7]. Однако создатель поэмы утверждает, что «даны были долгое время силой принуждены северными мужами к узам язычества». Использованное в поэме формульное выражение «долгое время» – lange þrage может показаться эпическим преувеличением, особенно если вспомнить, что в древнеанглийском эпосе это словосочетание обычно употребляется для обозначения длительного периода времени (ср. «долго – longe þrage – правил твердыней данов Беовульф датский» – 54, *пер. В.Г. Тихомирова*)[8]. Скорее всего, в контексте поэмы о завоевании пяти бургов семантика формулы ослаблена, а сама формула использована как технический прием или поэтическое клише.

---

[6] *Mawer A.* The redemption of five boroughs // English Historical Review. 1923. Vol. 38. No. 152. P. 544–555.

[7] *Simeon of Durham.* Historia regum Anglorum (sub anno 939) // Symeonis monachi opera Omnia / ed. by T. Arnold. Cambridge, 2012. Vol. 2. P. 94.

[8] То же словосочетание употребляется в «Беовульфе» для обозначения периода времени, не превышающего суток (1257).

Формульные именования главного и единственного героя поэмы включают указание на его генеалогию («отпрыск Эдуарда, Эдмунд конунг» – afera Eadweardes, Eadmund cyning), т. е. отсылают к прошлому героя. Династическое обозначение, очевидно, употребляется как знак воинской доблести и благородного происхождения правителя, унаследованного от его знаменитых предков. Помимо династических именований, в поэме о завоевании пяти бургов используется синонимичное словосочетание, включающее этноним: «правитель англов» – Engla þeoden, основанное на парономастическом использовании омонимов engle – «ангел» и Engle – «англ»[9], регулярно воспроизводимом в духовном эпосе в обозначениях Бога («Книга Бытия» 2643, «Исход» 432, «Христос» 332, 791, «Андреас» 290, 900). Обозначения правителя, ассоциирующиеся с духовными поэмами, соответствуют контексту поэмы о короле-воине и христианине, призванном освободить народ от уз язычества.

Перегруженность именами – в 13 строках имена собственные используются три раза (Eadmund 1a, 13b, Eadweard 13a), топонимы – восемь раз (Dor, Hwitanwyllesgeat, Humbra, Ligoraceaster, Lincylene, Snotingaham, Stanford, Deoraby), этнонимы – четыре раза (Engle, Myrce, Dæne, Norðmenn), – дало основание исследователям предполагать, что поэма о завоевании пяти бургов имеет не панегирическую, но мнемоническую функцию [O'Brien O'Keefe 1990, p. 123]. Можно, однако, высказать и другое предположение, сравнив древнеанглийскую поэму с панегирическими стихами скальдов, тоже включающими списки топонимов как средства доместикации покоренного пространства. В древнеанглийской поэме, как и в скальдических висах, на топонимы, этнонимы и собственные имена возлагаются важные коммуникативные задачи – они превращают условное описание битвы в сообщение о конкретном историческом сражении. Называние собственных и династических имен, отсылающих к великому прошлому правителя, списки отвоеванных земель и освобожденных народов, указывающих на освоение нового пространства и возвращение исконных земель, индивидуализируют ситуацию и служат прославлению героя. Главные функции хронотопа, на котором основана композиция поэмы, воспевающей хвалу правителю, состоит в том, чтобы обеспечить ему долгую славу и легитимизировать в памяти людей возвращение им пространства, завоеванного предками. В отличие от древнеанглийских героических песней, повествовательных, устремленных в прошлое и почти никогда, за исключением «Битвы

[9] Прием парономазии angelorum – anglorum восходит к Бэде Достопочтенному [Karkov 2004, p. 88].

при Брунанбурге», не избирающих своим предметом сиюминутное настоящее, поэма о завоевании пяти бургов – в полном смысле панегирик королю, которому историк XII в. Иоанн Вустерский дал прозвище Великолепный (Magnificus), сохранившееся в веках.

3. Хронотоп в поэме «Коронация Эдгара»

Поэму «Коронация Эдгара» обычно относят к жанру королевского панегирика [Salvador-Bello 2008, pp. 252–272; Carroll 2007, pp. 113–132; Smith 2011, pp. 105–137], однако восхваление короля в ней отсутствует. В поэме дается указание на время от Рождества Христа и сообщается о месте коронации Эдгара Миролюбивого: «973 г. Тогда Эдгар, властитель англов, был посвящен в правители в большом собрании в древнем городе Акеманнескеастер... Так почти тысяча лет пробежала со времени Господа Побед, когда это произошло, и отпрыску Эдмунда, стойкому в ратных деяниях, исполнилось двадцать девять зим в этом мире, когда это случилось, и тогда на тридцатый год он был посвящен в правители»[10]. Первые и последние строки поэмы посвящены пространственно-временным координатам изображаемого события, следовательно, ее композиция задана хронотопом.

Имя короля употребляется в поэме только один раз в утверждении о его возрасте: «973 г. Тогда Эдгар, властитель англов...», король называется здесь при помощи этнонима, указывающего на место его правления: «властителем англов» – Engla waldend, в котором обыгрываются паронимы (англы – ангелы). В последних строках король именуется при помощи генеалогической формулы – «отпрыском Эдмунда» (Eadmundes eafora), «стойким в ратных деяниях» (niðweorca heard). В контексте поэмы это династическое именование можно истолковать как напоминание о воинской доблести короля, унаследованной от предков: отец Эдгара, король Эдмунд, покорил Мерсию, включающую область пяти бургов.

Возраст короля дважды упоминается в поэме: hæfde nigon and XX wintra on worulde (17–18) – «ему было двадцать девять зим в мире», «он был миропомазан на тридцатый год жизни (þa on ðam XXX wæs ðeoden gehalgod, 20). Тридцать лет – это минимальный возраст для духовного посвящения; к тридцатилетнему возрасту Евангелист Лука относит «помазание» Христа Духом Святым во время крещения и начало Его служения (Лк. 3:23). Указание на

[10] Текст поэмы «Коронация Эдагара» цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 21–22, перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

возраст соотносится в поэме с календарными координатами: король Эдгар был миропомазан (gehalgod 2b, 20b) в праздник Пятидесятницы (8a) или праздник сошествия Святого Духа, отмечавший начало существования Церкви: «Великая радость была сотворена для всех в тот благой день, который дети людей называют и именуют днем Пятидесятницы». Упоминая праздник, традиционный для церемоний крещения и епископского рукоположения, создатель поэмы имплицитно уподобляет короля духовному лицу, а церемонию его коронации – посвящению в духовный чин[11]. Он говорит, что на церемонии присутствует большое число священников и монашеской братии («Там собрались, как я слышал, священники многие, великая сила монахов, ученых людей»), создавая образ единой и неделимой Церкви, поддерживающей своего монарха [Salvador-Bello 2008, p. 261]. Коронация короля соотносится с сакральным временем – церковным праздником Пятидесятницы.

Как и время, место, где происходила церемония, неоднократно упоминается создателем поэмы. Коронация совершается «в древнем городе Акеманнескеастер», который «мужи, живущие на острове, именуют... также иным словом – Бат». Очевидно, для создателя Хроники важно подчеркнуть, что церемония происходила не в Кингстоне, обычном месте коронования уэссекских королей, о коронации которых в Хронике обычно сообщается сугубо лаконично (ср. «924 г. от Р.Х. ... Этельстан был избран королем мерсийцами и посвящен в Кингстоне»[12]). Коронация Эдгара совершилась в Бате – городе, который был основан римлянами, возможно, самим Юлием Цезарем, и считался в римские времена сакральным местом, посвященным богине Сулис Минерве. Создатель поэмы не случайно приводит его латинизированное название (Акеманнескеастер – Acemannes ceaster[13]), первый компонент которого, возможно, связан с латинским названием города Aquae Sulis. Бат находится на границе Уэссекса и Мерсии, т. е. одновременно принадлежит двум центральным областям страны, господство над которыми удостоверяет церемония коронации.

Хронотоп в поэме о коронации сближает ее с прозаическими записями Англосаксонской хроники, составители которой неизменно

---

[11] Описание коронации Эдгара сохранилось в «Житии Святого Освальда» Бюрхтферта (997 г.), который изображает ее как посвящение в сан духовного владыки См.: *Byrhtferth V.O.* The historians of the Church of York and its archbishops / ed. by J. Raine. L., 1879. Vol. 1. P. 437. (Rolls Series; vol. 71)

[12] Two of the Saxon Chronicles parallel: with supplementary extracts from the others. A revised text edited with introduction, notes, appendices, glossary / ed. by J. Earle, Ch. Plummer. Oxford: OUP, 1963. Vol. 1. P. 111.

[13] Acemannes ceaster или Acemannes burh – название города Бат.

сопровождают каждое событие его пространственно-временной характеристикой, включающей указание на абсолютную хронологию Anno Domini (ср., например, приведенную выше запись: «924 г. от Р.Х. Тогда Этельстан был избран королем мерсийцами и посвящен в Кингстоне»). В поэме о коронации присутствуют и другие черты анналистической прозы. Как и все прозаические записи, она начинается с наречия «здесь, в этом месте» – "her": Her Eadgar wæs... to cyninge gehalgod – «Здесь Эдгар был помазан в короли». Употребление наречия "Her", которое обычно переводят как «тогда», восходит к условным обозначениям, принадлежащим писцу и отмечающим то место, где к анналам должен был добавлен текст.

Композиционно поэма о коронации близка к анналистической прозе. Поэма начинается с констатации факта: Эдгар был помазан на царство, затем называется то место, где это произошло (Акеманнескеастер или Бат), и время (праздник Пятидесятницы), упоминается о присутствующих на торжестве, в заключение приводятся числа, отделяющие это событие от Рождества Христова, и возраст Эдгара. Коронация земного монарха дважды соотносится в поэме с пришествием в мир Спасителя: «К тому времени из прошедших десяти сотен зим, посчитанных числом со времени рождения прославленного Конунга, Хранителя светочей, осталось только двадцать семь зим, как говорится в писаниях», «пробежала почти тысяча лет по приходе победоносного Господа, когда это произошло». Помазание Эдгара на царство тем самым помещается в контекст всей христианской истории. Хронологии коронации создатель поэмы уделяет особое внимание – ему посвящена почти половина всех строк, в которых на время церемонии несколько раз указывается при помощи эпической вариации: дважды говорится о надвигающемся конце тысячелетия, возможно, в связи с милленаристскими настроениями («пробежала почти тысяча лет», «к тому времени из прошедших десяти сотен зим»). Можно сделать вывод о том, что не только описание коронации составляет основное содержание поэмы, но и сакральность ее пространственно-хронологического воплощения.

4. Хронотоп в поэме «Кончина Эдгара»

На хронотопе основана композиция поэмы, сообщающей о кончине Эдгара Миролюбивого через два года после его коронации[14].

[14] Этой поэме обычно отказывали в поэтических достоинствах, называя ее аллитерированной прозой. См.: The battle of Brunanburh // ed. by A. Campbell. L.: Heinemann, 1937. P. 37.

Главный акцент в ней ставится на хронологии, так как называется не только год, но и месяц и даже день, когда произошло событие: «975 г. В этот год оставил земные радости Эдгар, король англов, он избрал иной свет, прекрасный и радостный, и покинул это скудное и преходящее житие. Сыны людей, мужи на земле, повсюду в этой благой стране, те, кто были правильно научены искусству счета, июлем называют тот месяц, на восьмой день которого юный Эдгар, кольцедаритель мужей, расстался с жизнью. Его сын после этого наследовал королевство, малое дитя, предводитель мужей, чье имя было Эдуард»[15]. Может показаться, что в поэме отсутствует структурное единство[16], однако все перечисляемые в ней события подчинены единой пространственно-временной схеме: событие происходит «в благой стране» «на восьмой день июля» 975 г. Как и в памятниках древнегерманского эпоса, в основе поэмы лежит представление о том, что хороший правитель несет благоденствие своей стране, а его кончина сопровождается народными бедствиями и вселенскими катастрофами[17].

Если поэма о коронации Эдгара и другие поэмы Англосаксонской хроники, например «Битва при Брунанбурге», открываются наречием места (Her – «здесь») во временном значении («тогда») и именем короля, о котором в них рассказывается (Her Eadgar wæs..., Her Æthelstan cyning...), то в поэме о кончине Эдгара в абсолютном начале стоит личная форма глагола geendian – «завершить, закончить», за которой следует прямое дополнение eorðan dreamas – «земные радости», предшествующее подлежащему Eadgar, Engla cyning – «Эдгар, король англов». Стилистическая инверсия позволяет выделить мотив окончания земного бытия и во временном, и в пространственном значении. Эдгар изображается здесь как активно действующее лицо: он по своей воле «оставил земные радости» – geendode eorðan dreamas, «избрал иной свет» – ceas... oðer leoht, «покинул это скудное и бренное житие» – þis wace forlet, lif þis læne. Действия короля передаются при помощи переходных глаголов в активном залоге, помогающих подчеркнуть добровольность выбора. Предпочтение вечного и отказ от преходящего, сиюминутного сближает образ короля в поэме Хроники с героем

[15] Здесь и далее текст поэмы о кончине Эдгара цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 22–24, перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

[16] Именно так полагает большинство исследователей, ср., например: [Salvador-Bello 2008, p. 265].

[17] В заключении «Беовульфа» геатская плакальщица провидит грядущие беды, которыми чревата гибель правителя (3148–3155).

древнеанглийской элегии «Морестранник», которому принадлежат памятные слова: «ведь только Господним я дорожу блаженством, а не жизнью мертвой, здесь преходящей, ведь я не надеюсь, что на земле сей благо продлится вечно» (65–67, *пер. В.Г. Тихомирова*). Как и в древнеанглийских элегиях, для обозначения героя в поэме используется традиционная поэтическая лексика – Эдгар называется «юным» (se geonga), «кольцедарителем мужей» (beorna beahgyfa), а наследовавший ему Эдуард именуется «предводителем мужей» (eorla ealdor). Обозначение почившего Эдгара как «юного» (se geonga), а его наследника – как малого, «невыросшего ребенка» (cild unweaxen), тоже подчеркивает временной мотив внезапной кончины короля и предвосхищает грядущие беды.

В элегический тон поэмы, повествующей о бренности всего земного, властно вмешивается ключевой для Хроники мотив времени: юный, безвременно покинувший земные радости король, его малютка сын, июль, восьмое число, мужи, наученные правильному летоисчислению. Во всей поэме об Эдгаре говорится всего в восьми строках из 37, основная ее часть представляет собой версифицированный перечень различных событий 975 г., которые повлекла за собой кончина короля. Как и в прозаических записях, сообщение о каждом из этих событий предваряется вводным союзным наречием времени þa – «тогда, потом, в это время», отмечающим переход к новой теме (ср. þa wearð 16, 24, 29). Повторы, с одной стороны, нагнетают впечатление усиливающегося несчастья, – каждое следующее событие оборачивается новой бедой, а с другой, имплицитно устанавливают причинно-следственную хронологическую связь, соотнося каждое событие с предшествующим. Хотя в перечне отсутствует синтаксическое подчинение, а все сообщения о произошедших событиях объединены сочинительной связью, сама последовательность сцен в поэме предполагает, что все они вызваны кончиной короля, рассказ о которой содержит первая часть.

Вторая часть поэмы начинается с сообщения о том, что предшествовало воцарению юного Эдуарда – в Мерсии произошла смута, сопровождавшаяся рассеянием монастырей: «Тогда везде и повсюду в Мерсии, как я слышал, хвала Господу была на земле низвергнута. Многие из мудрых слуг Божиих были рассеяны». В этих строках идет речь об антимонастырской реакции, наступившей в краткий период правления Эдуарда[18]. Кончина короля Эдгара развязала руки противникам монастырской реформы, пожелавшим вернуть отданные монастырям земли. В поэме, включенной в

[18] *Fisher D.J.V.* The anti-monastic reaction in the reign of Edward the Martyr // Cambridge Historical Journal. 1952. Vol. 10. P. 254–270.

Паркерскую и Абингдонские рукописи Хроники, отсутствуют их имена. Создатель поэмы использует пассивные конструкции: wæs... afylled – «была низвергнута», weard todræfed – «были рассеяны», wæs forsewen – «был отвергнут», изображая монахов жертвами настигших их бед. Отсутствие активных конструкций помогает создателю поэмы не называть виновных и избежать осуждения. Однако временные координаты остаются сопряженными с пространственными («Тогда везде и повсюду в Мерсии») и во второй части поэмы: повторяется наречие времени «тогда» (þa) и топоним Мерсия, указывающий на место катастрофических для страны событий.

Хронотоп в поэме приобретает почти апокалиптический символизм: во время краткого правления Эдуарда в небесах появляется комета, в стране наступает голод, однако Господь спасает людей, возвращая им благую участь: «И тогда появилась высоко в небесах звезда на небосклоне, которую герои, твердые духом, мудрые разумом, люди, искусные в знании, мудрые речами, везде называют именем кометы. Гнев Господа был широко известен всему роду людскому, голод на земле, который потом Хранитель небес, Господин ангелов, облегчил, снова вернул благодать каждому жителю острова земными плодами». Упоминания о природных катаклизмах, таких как появление кометы, нечасто встречаются в записях Хроники и неизменно предрекают грядущие беды, мятежи, гибель правителей[19]. В поэме об Эдгаре приближение кометы предвещает и голод в стране, и «династический кризис» – борьбу за престол двух наследников, предвосхищая гибель одного из них.

Подобно поэме о коронации, поэма о кончине Эдгара имеет кольцевую композицию, которая задается пространственно-временными координатами изображаемого события: она открывается и завершается пространственным образом земли (eorðan), который ассоциируется с радостью в настоящем (eorðan dreamas – «земные радости»), с надеждой на будущее искупление с изобилием плодов земных (eorðan westm). Главное для создателя поэмы – не столько судьба земного владыки, кончина которого рассматривается в контексте других бедствий: голода, рассеяния монастырей, изгна-

[19] Так, в основных рукописях Хроники за 903 г. рассказывается о восстании Этельвольда; в Мерсийской рукописи (Mercian Register) добавляется запись за 904 г. о лунном затмении, которое сопровождало это восстание. Во Второй Абингдонской рукописи (C) запись за 978 г. сообщает о мученической гибели короля Эдуарда, в следующей записи говорится о «кровавом облаке, похожем на огонь» (blodig wolcen... on fyres gelicnesse) (Two of the Saxon Chronicles parallel. P. 128).

ния епископа и алдермена, сколько хвала Всемогущему Создателю (waldendes lof), дающего людям надежду на вечное спасение после всех смут и природных катаклизмов[20].

Поэмы о короле Эдгаре, включенные в Паркерскую и Абингдонские рукописи, трудно отнести к королевским панегирикам, так как в них говорится не столько о самом короле, сколько о времени и месте связанных с ним памятных событий – его коронации (973 г.) и кончине (975 г.). Акцент на хронотопе позволяет предположить, что поэмы об Эдгаре функционально тождественны прозаическим записям. Подобно прозаическим анналам, поэмы об Эдгаре отмечают время и пространство, помещая изображаемые события (коронацию и кончину) в контекст всеобщей истории Спасения.

5. Хронотоп в поэме «Кончина Альфреда»

Пространственно-временные рамки определяют композицию поэтической вставки «Кончина Альфреда», в которой земные страдания мученика противопоставляются вечному блаженству, ожидающему его после смерти: поэма строится на контрасте наречий þa – «тогда» и nu – «ныне». Повествовательная структура первой части обусловлена рамочной конструкцией, которая включает наречие времени (syþþan – «после»): Ne wearð dreorlicre dæd / gedon on þison earde, // syþþan Dene common / and her friðmamon – «Не было совершено на этой земле деяния страшнее, / После того как пришли даны и мир здесь заключили (или нарушили)»[21]. В отличие от «Битвы при Брунанбурге», в которой та же формула (Ne wearð... syþþan – «не было... с тех пор, как») соотносит торжество победы с другим важным событием – переселением народов и приходом англосаксов на Британские острова, в поэме об Альфреде за основу хронологической соразмерности берется трагический эпизод английской истории. Убийство Альфреда называется создателем поэмы самым кровавым преступлением, совершенным с тех пор, как Кнут и его потомки захватили английский престол. Импли-

[20] Следует согласиться с мнением, высказанным Дж. Кэрролл: «смысл поэмы о кончине Эдгара... состоит в том, что смерть короля не более чем часть Божественного промысла, непостижимого, но великого, и жизнь человека, даже короля, ничто по сравнению с последующей жизнью в райском блаженстве» [Carroll 2007, p. 125].

[21] Текст поэмы «Кончина Альфреда» цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 24–25; перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

цитно присутствующие ассоциации с хронологическими рамками предшествующих поэм заставляют аудиторию осознать, до каких глубин падения дошел народ, допустивший скандинавов в свою страну и позволивший им править собой. Даны занимают в поэме о смерти Альфреда место англосаксов, и в качестве завоевателей Британии, и в качестве правящей династии, которая пришла на смену уэссекским королям, сознательно и жестоко уничтоженным своею же знатью. Создатель поэмы возлагает на англосаксов вину не только за скандинавское завоевание, но и за убийство Альфреда, обвиняя в злодеянии Годвине и уподобляя совершенное им предательство государственной измене [Bredehoft 2001, pp. 110–111]. Хронотоп приобретает в поэме об убийстве Альфреда аллюзивную функцию, наделяющую его ассоциациями с панегирической поэзией и позволяющую подчеркнуть контраст между величием прошлого и бесславным преступным настоящим.

Строки, задающие новую временную точку отсчета (завоевание данов), разделяют поэму на две части. Разрыв между частями отмечается употреблением в абсолютном начале строки наречия Nu – «теперь, ныне», палеографически выделенного в Абингдонской рукописи черным минускулом высотой 4 мм [O'Brien O'Keefe 2005, p. 106]: «Ныне должно верить в Возлюбленного Господа, что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом». С помощью палеографии акцентируется переход к кульминации поэмы, описанию мученической смерти и погребения Альфреда Этелинга. Во второй части создатель повествует об участи самого Этелинга (11–16), следуя той же антитетической схеме: сначала говорит об увечьях, нанесенных телу, и о месте погребения (18–20a), а затем завершает утверждением, что душа Альфреда пребывает с Христом (20b).

Повествовательная канва второй части поэмы тоже задается пространственно-временной рамочной конструкцией: «Этелинг был еще жив, всяческим злом ему грозили, / Пока не было решено, что его отвезут / Так связанного в город Эли. / Как только он пристал (к берегу) на корабле, его ослепили, / И так ослепленного доставили его к монахам. / И там он пребывал то время, что был жив. / Потом его похоронили, как ему подобало, / С полным почетом, как он был достоин». Благодаря употреблению хронотопа место действия (в город Эли, на корабле) сопрягается с наречиями времени («еще», «пока», «то время», «потом»), которые пронизывают вторую часть поэмы. Текст заключается указанием не только на время, но и на место погребения Альфреда: «На западной стороне, близко от башни, / В южном боковом приделе; / Его душа пребывает со Христом» (æt þam westende, / þam styple ful gehende, / on

þam suðportice; / seo saul is mid Criste). Предполагается, что столь точное указание места погребения связано с почитанием Альфреда как мученика [Kries 2005, pp. 49–50], которое отражено уже в «Энкомии королеве Эмме»: «Однако много чудес происходит там, где находится его гробница, как сообщают люди, которые часто говорят, что их видели»[22]. Повтор семантически значимого суффикса – ende (ср. древнеангл. существительное ende – «конец, окончание, смерть») в рифме westende: gehende, подчеркивает мысль о надвигающемся конце всей уэссекской династии и неотвратимости прихода к власти датских правителей, потомков Кнута. Отпрыск королевской крови, неприкосновенный согласно англосаксонским законам, становится жертвой, когда в страну приходят даны и похищают мир.

В поэме об Альфреде прослеживается преображение земного человека в «небесного святого» (heofonlic sanct), начинающееся с рассказа о мучениях и смерти, продолжающееся в описании его погребения – участи тела, и завершающееся утверждением о его посмертной судьбе. Гибель Альфреда рассматривается в поэме не только в исторической, но и в агиографической плоскости: Альфред изображается как христианский мученик, на могиле которого творятся чудеса. При помощи хронотопа самоуправство земных владык противопоставляется той вечной справедливости, которая устанавливается на небесах: мучители Альфреда, лишившие его не только надежды на престол, но и самой жизни, не смогли воспрепятствовать его вечному спасению. Создатель поэмы находит оптимистическое решение для своей трагической антитезы – окончание земного пути мученика ведет к вечному райскому блаженству.

6. Хронотоп в поэме «Кончина Эдуарда»

Пространственно-временными координатами задается и композиция поэмы, посвященная кончине короля Эдуарда Исповедника: «Тогда король Эдуард, господин англов, / вверил свою благочестивую душу Христу, / Господней заботе – дух святой» – Her Eadward kingc, Engla hlaford, / sende soþfæste sawle to Criste / on godes wæra, gast haligne[23]. Наречие места (Her – «здесь») приобретает в контексте поэмы временное значение («тогда»): время наделяется

[22] Encomium Emmae Reginae / ed. by A. Campbell. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 44–46.

[23] Текст поэмы «Кончина Эдуарда» цит. по: The Anglo-Saxon minor poems. P. 25–26; перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

пространственным измерением. Создатель поэмы рассказывает о длительности правления короля и о том, какие народы он сплотил под своею короной: «Здесь в миру он жил до времени... двадцать четыре с половиной года по счету зим, / знатный властитель разделял богатства; / повелитель мужей, отпрыск Этельреда, / много прославленный, правил валлийцами и скоттами, / и бриттами также, англами и саксами, боевыми мужами». Эдуард пришел к власти после смерти Хардакнута в июне 1042 г., а скончался в январе 1066 г., следовательно, правил 23 с половиной года. В поэме не сообщается точная дата кончины Эдуарда, но говорится лишь, что это произошло через 24 года (Вустерская рукопись) или через 24 с половиной года (Абингдонская рукопись) после его восшествия на престол: «двадцать четыре с половиной года по счету зим разделял богатства» – XXIIII wintra gerimes weolan brytnode, 6a-7). Формульное выражение «расточать богатство по счету зим» воспроизводится во втором временном ориентире, который относится в поэме к владычеству данов: «28 зим по счету, расточали богатство» (XXVIII wintra gerimes welan brytnodon, 20b-21). Датское правление началось с вторжения Свейна, изгнавшего Этельреда в Нормандию в ноябре 1013 г., и закончилось со смертью Хардакнута в июне 1042 г., т. е. продолжалось 28 с половиной лет с перерывами.

Абсолютное исчисление времени дополняется в поэме генеалогическим: в обозначениях правителя акцентируется генеалогия Эдуарда, который именуется «отпрыском Этельреда» (byre æðelredes). Имя Этельреда упоминается в поэме еще раз в связи событиями прошлого, «когда Кнут взял верх над родом Этельреда» (kynn Æðelredes), т. е. над Эдуардом и его младшим братом Альфредом. Создатель поэмы, возможно, обыгрывает имя отца Этельреда, называя Эдуарда «искусным в советах» (cræftig ræda), ведь имя Этельреда (Æðelrædes) значит «благородный совет». События прошлого, воскрешаемые в поэме, включают изгнание юного Эдуарда в Нормандию во времена скандинавского господства: «Был блажен духом король безгрешный, / хотя много раньше, лишенный страны, / он жил на дорогах изгнания далеко на земле, / когда Кнут взял верх над родом Этельреда, / и даны правили дорогим королевством, землями англов, 28 зим по счету, расточали богатство». Хронотоп объединяет временную характеристику изгнания Эдуарда (28 зим) и его пространственные координаты («жил на дорогах изгнания далеко на земле» – wunode wræclastum wide geond eorðan). Локализация в пространстве подчеркивается в изображении возвращения Эдуарда на родину, где он, подобно германскому вождю, защищает отчизну, страну и народ (eðel bewerode, // land and leode).

В соответствии с канонами героической поэзии, Эдуард изображается щедро раздающим богатства тем народам, которыми он правит во всех концах королевства: Walum and Scottum and Bryttum eac... Englum and Sexum – «валлийцами и скоттами и бриттами также... англами и саксами». Перечень этнонимов, напоминающий тулы из поэмы «Видсид», способствует выделению основных черт Эдуарда как правителя: доместикацию пространства, объединение королевства под властью монарха, сплочение населяющих его народов.

Создатель поэмы рассказывает о восшествии Эдуарда на престол, его правлении, кончине и посмертной судьбе: «Потом вперед выступил король, знатный в доспехах, великий достоинствами, чистый и кроткий, Эдуард благородный, защищал родину, страну и людей, пока внезапно злая смерть не пришла и не похитила такого дорогого вождя с земли. Ангелы препроводили благочестивую душу в небесный свет». Глубина чувства, испытываемого народами при кончине своего правителя, выражается при помощи эмотивного словосочетания «смерть злая» (deaþ se bitera), о которой говорится, что она «внезапно похитила» благого и справедливого короля. Словосочетание со слабым прилагательным в постпозиции композиционно сопоставлено в поэме с другим словосочетанием со слабым прилагательным в постпозиции, причем почти в непосредственном соседстве: «Эдуард благородный» (Eadward se æðela), что подчеркивает контекстуальную связь между ними. Соотнесенность двух субъектов действия проясняется повтором слова æþele в строке: oðþæt lungre becom // deaþ se bitera, / and swa deore genam // æþelne of eorðan – «пока внезапно злая смерть не пришла и не похитила такого дорогого вождя с земли». Высокие достоинства Эдуарда как доброго правителя способствуют спасению его души, о которой в поэме говорится два раза, причем с помощью одного и того же выражения: в начале (soþfæste sawle – «благочестивая душа», gast haligne 3 – «дух святой») и в конце (soþfæste sawle 29). Повтор омонимов в начале и в конце поэмы: ангелы (englas 28) и англы (в конвенциональном обозначении Эдуарда как «господина англов» – Engla hlaford 2) позволяет создать идеализированный образ короля-христианина, наделяя его самыми высокими коннотациями. Словосочетание Engla hlaford используется в поэме вместо синонимичных выражений, engla waldend и engla drihten, которые встречаются в Хронике и широко распространены в духовной поэзии[24].

[24] Было замечено [O'Brien O'Keefe 2005, p. 169], что формула Engla + þeoden, waldend, etc., в которой первый компонент обозначает не топоним «Англы», но нарицательное существительное «ангелы», широко распространена в духовной поэзии.

С духовной поэзией сближает поэму рассказ о добродетелях Эдуарда, получающих истолкование в контексте его прошлого: даны завладели королевством на 28 лет и обрекли Эдуарда на жизнь в чужой стране, однако он не таит злых намерений и не помышляет о мщении (bealuleas < bealo – «зло, злоумышление, вред» + leas – «лишенный»). Эдуард остается радостным, блаженным духом (bliðemod < bliðe – «блаженный, радостный» + mod – «дух»), несмотря на выпавшие на его долю испытания, о которых говорится в уступительных придаточных («хотя много раньше, лишенный страны, он жил на дорогах изгнания далеко на земле»). Образ правителя, блаженного духом и простившего злые дела своим врагам, напоминает не земных владык, но героев агиографических сочинений.

Тема вечного спасения задается в поэме рассказом об управлении Эдуардом земным королевством («Здесь в миру он жил до времени в славе королевской, мудрый в советах») и о том, кому он передает его по наследству («мудрый (Эдуард) вверил королевство высокородному мужу, самому Харольду»). Оставляя преходящую, временную власть на своего законного преемника, усопший король переходит в иное вечное царство: «Ангелы препроводили благочестивую душу в небесный свет» (englas feredon // soþfæste sawle / innan swegles leoht). Земное царство, уязвимое под напором нормандских завоевателей, меркнет по сравнению с тем вечным светом, куда стремится душа правителя: sende soþfæste sawle to Criste – «вверил свою благочестивую душу Христу». Поэма об Эдуарде из Хроники – одновременно и конвенциональный панегирик правителю, и первый подступ к его житию. Агиографические мотивы, которые вплетаются в поэму, уводят ее от древнегерманских источников – хвалебной песни.

* * *

Итак, попытаемся в самом общем виде охарактеризовать те представления о времени и пространстве, которые можно наблюдать на примере поэм, включенных в Англосаксонскую хронику. Понимание времени в поэмах Хроники отличается и от индивидуального переживания времени героем лирической поэзии, и от «абсолютной эпической дистанции»[25], отделяющей персонажей эпоса от эпического певца и его слушателей. Так, в Беовульфе действие происходит в далеком прошлом, в незапамятные времена (in geardagum), а более краткие временные промежутки обозначаются при помощи неопределенных словосочетаний «сто полуго-

[25] *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 456–464.

дий» – hund missera (1498, 1769) или пятьдесят зим – fiftig wintra (2209). Если в эпической картине мира время не обладает высокой ценностью, что побудило историков говорить о «безразличии ко времени» и «иррелевантности времени» в средневековой Европе, то в поэмах Хроники пространственно-временные координаты выступают в качестве композиционной основы, на которой строится повествование.

Как и в лирической поэзии, время в поэмах Хроники осмысляется не как цикличное, но как линейное со всей его необратимостью и неизбежностью. Если в лирике время дискретно и сводится к одному эмоционально переживаемому времени года, зимнему (Морестранник 14, Скиталец 24, 102), и к одному времени суток, раннему утру – “uht(a)” (Жалобы жены 35, Скиталец 8), то в поэмах Хроники время измеряется при помощи конкретных, вариативых и семантически нагруженных временных единиц: «в это лето», ему исполнилось «двадцать девять зим», был миропомазан «на тридцатый год» (жизни). Начальные записи Англосаксонской хроники основаны на «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного и, подобно труду Беды, используют абсолютное календарное время от Рождества Христа. Возможно, на исчисление времени в поэмах Хроники оказал влияние трактат Беды об измерении времени (De temporum ratione, 725 г.), посвященный обоснованию способов определения даты Пасхи, в заключительном разделе которого идет речь о завершающей эпохе в истории, после Христа и до Судного Дня и конца света, в «последние времена», когда время близится к концу [Luizza 2013, pp. 131–154].

Сакральное время отмечается в Хронике по отношению к церковным праздникам (ср. «в день Пятидесятницы» в поэме «Коронация Эдгара»), изображаемое событие тем самым помещается в контекст христианской истории Спасения. Эпитафии Беды в «Церковной истории англов» (Григорию Великому, Феодору Тарсийскому, архиепископу Уилфриду из Йорка, правителю Кэдвалле), сочетающие указания на временное измерение (возраст священнослужителя и время его перехода в вечную жизнь) и пространственные координаты (отождествление духовного лица со всей христианской церковью и одновременно с построенными по его указанию материальными зданиями – церквями и соборами), могли повлиять на трактовку хронотопа в поэмах Хроники, изображающих окончание земного пути правителя («Кончина Эдгара», «Кончина Альфреда», «Кончина Эдуарда»).

В поэмах Хроники употребляется относительное исчисление времени с момента восшествия на престол короля (или его коронации), утверждающего его право управлять временем и устанав-

ливать власть над страной, областью, местностью (ср. поэму «Завоевание пяти бургов»). Правление короля значимо для страны в течение его жизни, однако должно остаться в памяти и после его смерти и пространственного расширения границ королевства (ср. поэму о кончине Эдгара). Относительная хронология устанавливается в поэмах Хроники при помощи генеалогического метода исчисления времени, основанного на династических наименованиях правителя (ср. поэму о коронации Эдгара). Королевская генеалогия, прослеживающая происхождение правителя к его сородичам, становится в поэмах Хроники не только средством введения временных координат и исчисления времени. Перечисление имен, увековечивающее предков, подтверждает легитимность власти и позволяет правящей династии представить прошлое с точки зрения их собственной истории [Dumville 1977, p. 83]. Для временных координат поэм Хроники характерна парциальность, отнесенность к определенному периоду времени и сочетанию обстоятельств или событий, которые не могут повториться.

В поэмах Хроники используются пространственные способы представления времени, не только благодаря употреблению наречия места, приобретающего контекстуальное временное значение, но и при помощи введения хронотопа – пространственно-временных координат, исполняющих функцию нарративного центра и задающих повествовательную рамку изображения событий. Хронотоп в поэтических вставках о коронации и кончине Эдгара унаследован из прозаических записей Англосаксонской хроники, составители которой неизменно сопровождают каждое событие его пространственно-временной характеристикой, включающей указание на абсолютную хронологию Anno Domini. Все события, о которых говорится в прозе, соотносятся с единой точкой отсчета – Рождеством Христовым. Эта точка отсчета задается в первой прозаической записи Хроники: «Христос родился» – Crist wæs acenned, начиная с которой все анналы организуются по календарному принципу. В поэтических вставках присутствуют и другие черты анналистической прозы: как и прозаические записи, они начинаются с наречия «здесь, в этом месте» (“her” обычно переводят как «в тот год»), которое изначально восходит к условным обозначениям, принадлежащим писцу и отмечающим то место, где к анналам должен добавляться текст. Композиционно поэтические вставки близки к анналистической прозе: они включают возраст правителя, место, где произошло событие, и время, отделяющее его от Рождества Христова.

Хронотоп в «Битве при Брунанбурге» исполняет функцию расширения пространственно-временной перспективы, позволяя

оценить значение победы англосаксов для истории страны и увековечить ее в масштабах вселенной. В «Завоевании пяти бургов» хронотоп индивидуализирует ситуацию, отсылает к великому прошлому правителя, легитимизирует в памяти людей освоение нового пространства и возвращение исконных земель, обеспечивая долгую славу объекту восхваления. В поэтической вставке «Коронация Эдгара» Миролюбивого хронотоп выполняет функцию уподобления коронации земного монарха посвящению в чин духовного лица и удостоверяет господство короля над сакральным местом. Хронотоп поэмы «Кончина Эдгара» приобретает апокалиптический символизм, устанавливая пространственно-хронологическую обусловленность природных катаклизмов и бедствий в стране кончиной короля. В поэме «Кончина Альфреда» хронотоп наделяется аллюзивными функциями, позволяющими противопоставить былое величие бесславному настоящему, а земные страдания мученика – вечному райскому блаженству, ожидающему его после окончания земного пути. Хронотоп в поэме «Кончина Эдуарда» Исповедника вводит контраст преходящей, временной власти над земным королевством, которая передается достойному преемнику (Харольду), и перспективы спасения в ином вечном царстве, позволяя соединить конвенциональный панегирик правителю с мотивами, традиционными для агиографии. Подобно германскому эпосу, поэма о кончине Эдуарда Исповедника обращена в прошлое и проникнута ностальгией по мирным временам, с которыми ассоциировалось правление последнего уэссекского короля. С кончиной Эдуарда угасла не только династия уэссекских королей, правившая страной пять с половиной столетий, но и традиция аллитерационного стиха в Англии.

Литература

Гвоздецкая 2000 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Поэтическое осмысление англосаксонской истории в «Битве при Брунанбурге» // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (исследования и тексты): Сб. научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Иваново, 2000. С. 73–88.

Смирницкая 1982 – *Смирницкая О.А.* Битва при Брунанбурге // Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 304–305. (Литературные памятники)

Bredehoft 2001 – *Bredehoft T.A.* Textual histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle. Toronto, 2001. 229 p.

Carroll 2007 – *Carroll J.* Engla Waldend, Rex Admirabilis: Poetic representations of King Edgar // The Review of English Studies. New Series. 2007. Vol. 234. No. 58. P. 113–132.

Cavill 2008 – *Cavill P.* The site of the battle of Brunanburh: Manuscripts and maps, grammar and geography // A commodity of good names: Essays in honour of Margaret Gelling / ed. by O. Padel, D. Parsons. Donnington: Shaun Tyas, 2008. P. 303–319.

Cavill 2011 – *Cavill P.* The place-name debate // The battle of Brunanburh: A casebook / ed. by M. Livingston. Liverpool: Liverpool University Press, 2011. P. 251–276.

Cavill 2023 – *Cavill P.* The battle of Brunanburh: The Yorkshire hypothesis // English Studies. 2023. Vol. 104. No. 1. P. 19–38.

Clarke 2012 – *Clarke K.* Writing power in Anglo-Saxon England. Texts, hierarchies, economies. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2012. 206 p.

Dumville 1977 – *Dumville D.N.* Kingship, genealogies and regnal lists // Early Medieval kingship / ed. by P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds: University of Leeds, 1977. P. 72–104.

Karkov 2004 – *Karkov C.E.* The ruler portraits of Anglo-Saxon England. Woodbridge: Boydell, 2004. 240 p.

Kries 2005 – *Kries S.* Danish rivalry and the mutilation of Alfred in the 11th-century chronicle poem 'The Death of Alfred' // Journal of English and Germanic Philology. 2005. Vol. 104. No. 1. P. 49–50.

Luizza 2013 – *Luizza R.* The sense of time in Anglo-Saxon England // Bulletin on the John Rylands University Library of Manchester. 2013. Vol. 89. No. 2. P. 131–154.

O'Brien O'Keefe 1990 – *O'Brien O'Keefe K.* Visible song: Transitional literacy in Old English verse. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 228 p.

O'Brien O'Keefe 2005 – *O'Brien O'Keefe K.* Deaths and transformations: Thinking through the 'End' of Old English verse // New directions in oral theory / ed. by M. Amodio. Arizona: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2005. 341 p.

Salvador-Bello 2008 – *Salvador-Bello M.* The Edgar panegyrics in the Anglo-Saxon Chronicle // Edgar, King of the English 959–975. New interpretations / ed. by D. Scragg. Woodbridge: Boydell, 2008. P. 252–272.

Smith 2011 – *Smith S.T.* The Edgar poems and the poetics of failure in the Anglo-Saxon Chronicle // Anglo-Saxon England. 2011. Vol. 39. P. 105–137.

Stenton 1971 – *Stenton F.* Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford University Press, 1971. 807 p.

Trilling 2009 – *Trilling R.R.* The aesthetics of nostalgia. Historical representation in Old English Verse. Toronto, 2009. 352 p.

References

Bredehoft, T.A. (2001), *Textual histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle*, Toronto, Canada.

Carroll, J. (2007), "Engla Waldend, Rex Admirabilis: Poetic representations of King Edgar", *The Review of English Studies. New Series*, vol. 234, no. 58, pp. 113–132.

Cavill, P. (2008), "The site of the battle of Brunanburh: Manuscripts and maps, grammar and geography", in Padel, O. and Parsons, D., eds., *A commodity of good names: Essays in honour of Margaret Gelling*, Shaun Tyas, Donnington, UK, pp. 303–319.

Cavill, P. (2011), "The place-name debate", in Livingston, M., ed., *The battle of Brunanburh: A casebook*, Liverpool University Press, Liverpool, UK, pp. 251–276.

Cavill, P. (2023), "The battle of Brunanburh: The Yorkshire hypothesis", *English Studies*, vol. 104, no. 1, pp. 19–38.

Clarke, K. (2012), *Writing power in Anglo-Saxon England. Texts, hierarchies, economies*, Boydell and Brewer, Woodbridge, UK.

Dumville, D.N. (1977), "Kingship, genealogies and regnal lists", in Sawyer, P.H. and Wood, I.N., eds., *Early Medieval kingship*, University of Leeds, Leeds, UK, pp. 72–104.

Gvozdetskaya, N.Yu. (2000), "The poetic view of Anglo-Saxon history", in *Formy istoricheskogo soznaniya ot pozdnei antichnosti do epokhi Vozrozhdeniya (issledovaniya i teksty): Sbornik nauchnykh trudov pamyati Klavdii Dmitrievny Avdeevoi* ['The Battle of Brunanburh' in forms of historical awareness from Late Antiquity to the Renaissance (studies and texts). Collected scholarly studies in memory of Klavdia Avdeeva], Ivanovo, Russia, pp. 73–88.

Karkov, C.E. (2004), *The ruler portraits of Anglo-Saxon England*, Boydell, Woodbridge, UK.

Kries, S. (2005), "Danish rivalry and the mutilation of Alfred in the 11th-century chronicle poem 'The Death of Alfred' ", *Journal of English and Germanic Philology*, vol. 104, no. 1, pp. 49–50.

Luizza, R. (2013), "The sense of time in Anglo-Saxon England", *Bulletin on the John Rylands University Library of Manchester*, vol. 89, no. 2, pp. 131–154.

O'Brien O'Keefe, K. (1990), *Visible song: Transitional literacy in Old English verse*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

O'Brien O'Keefe, K. (2005), "Deaths and transformations: Thinking through the 'End' of Old English verse", in Amodio, M., ed., New directions in oral theory, Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, Arizona, USA.

Salvador-Bello, M. (2008), "The Edgar panegyrics in the Anglo-Saxon Chronicle", in Scragg, D., ed., *Edgar, King of the English 959–975. New interpretations*, Boydell, Woodbridge, UK, pp. 252 272.

Smirnitskaya, O.A. (1982), "The battle of Brunanburh", in Smirnitskaya, O.A. and Tikhomirov, V.G., comps., *Drevneangliiskaya poeziya* [Old English poetry], Moscow, USSR, pp. 304–305. (*Literaturnye pamyatniki*)

Smith, S.T. (2011), The Edgar Poems and the Poetics of Failure in the Anglo-Saxon Chronicle, *Anglo-Saxon England*, vol. 39, pp. 105–137.

Stenton, F. (1971), *Anglo-Saxon England*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Trilling, R.R. (2009), *The aesthetics of nostalgia. Historical representation in Old English verse*, Toronto, Canada.

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; innamat@hotmail.co.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; innamat@hotmail.co.uk

УДК 82-13(410.1)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-120-130

Ожидание Страшного Суда и хронотоп древнеанглийского христианского эпоса

Мария В. Яценко
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, maria.yatsenko1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются хронотопические особенности сцен ожидания Страшного Суда, включенных в произведения древнеанглийского христианского эпоса. Обращение к данной теме предполагало описание будущих событий, что было не характерно для эпического повествования, основной объект которого – идеализированное прошлое. Нарушение эпической дистанции (доступность описываемых событий оценке с внеположенной им точки зрения) было характерно и для героического эпоса англосаксов. В данной работе показано, что христианский эпос предполагал не только возможность оценки событий, но и совмещение разных временных пластов, более конкретное, чем в героическом эпосе, описание плана будущего, а также включение в повествование плана настоящего, т. е. времени рассказывания эпоса. Такого рода изменение хронотопа отличает христианский эпос от героического и допускает возможность его выделения как самостоятельного жанра, учитывая условность жанрового деления в данной поэтической традиции.

Ключевые слова: хронотоп, Страшный Суд, христианский эпос, героический эпос, жанры древнеанглийской поэзии

Для цитирования: *Яценко М.В.* Ожидание Страшного Суда и хронотоп древнеанглийского христианского эпоса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 120–130. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-120-130

© Яценко М.В., 2025

Waiting for Doomsday and the Chronotope of the Old English Christian epic

Maria V. Yatsenko
Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia;
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
maria.yatsenko1@yandex.ru

Abstract. The article examines the chronotope features of the scenes that depict waiting for Doomsday in Old English Christian epic. Addressing this theme in a poetic work involved portraying future events, which was atypical for epic narration, as its fundamental subject was depicting the idealised past. The violation of the "epic distance" by evaluating the described events from an external perspective could occur in the heroic epic of the Anglo-Saxons. This paper demonstrates that the Christian epic employs not only the ability to assess events but also combines different temporal layers and describes the future in more concrete terms than the heroic epic while incorporating the present – that is, the time of the narration – into the narrative perspective. This change in chronotope differentiates Christian epic from heroic epic, allowing for the distinction of the former as a separate genre, particularly in the light of the ambiguous boundaries between genres within Old English poetic tradition.

Keywords: chronotope, Doomsday, Christian epic, heroic epic, Old English poetic genres

For citation: Yatsenko, M.V. (2025), "Waiting for Doomsday and the Chronotope of the Old English Christian epic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 5, pp. 120–130, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-120-130

Абсолютная эпическая дистанция как характерная особенность эпического жанра, отделяющая мир эпопеи от современности [Бахтин 1975b, с. 456], реализовывалась в эпических традициях по-разному. Рассматривая поэму «Беовульф», О.А. Смирницкая пишет, что в ней «прошлое уже не имеет присущей эпосу абсолютной завершенности и замкнутости. Оно оказывается доступным для оценки с новой, не вытекающей из него самого и определяющей лирическую тональность поэмы точки зрения и ищет себе продолжения в настоящем» [Смирницкая 1982, с. 225]. Оценка в эпосе англосаксов осуществляется с точки зрения христианских ценностей и идеалов и предполагает трансформацию эпической

дистанции. В произведениях христианского эпоса эта трансформация выявляется не только на уровне нравственной оценки, но и за счет изменения хронотопа.

Представления об историческом процессе как целенаправленном движении в будущее, ко времени Второго пришествия Христа и Страшного Суда, характерные для христианской философии истории, обусловили появление плана будущего в христианском эпосе. Эсхатологические образы возникают и в языческих мифологических системах, в том числе в германо-скандинавской мифологии. Однако их отражение в древнеисландской словесности было противоречивым. А.Я. Гуревич, рассматривая королевские саги, отмечает, что авторы саг «не ставят и, естественно, не могут сознательно поставить проблемы смысла человеческой истории» [Гуревич 2006, с. 115]. И это существенно отличает исландскую раннесредневековую словесность от англосаксонской. Последняя находилась под более сильным воздействием средневековой богословской мысли.

Описания Страшного Суда[1] встречаются в ряде прозаических сочинений англосаксов: Толкование на Апокалипсис Беды Досточтимого, «Проповедь Волка англам» *(Sermo Lupi ad Anglos)* Вульфстана Йоркского, проповеди Эльфрика, древнеанглийские переводы апокрифических сочинений «Евангелие от Никодима», «Апокалипсис Фомы» и др. Изобилуют описаниями этой темы и поэтические тексты: третья часть поэмы «Христос» (Christ III), две поэмы о Судном дне (Judgment Day I, II), поэма «О сошествии во ад» (The Descend into Hell), вторая часть поэмы «Христос и Сатана». Размышления о «частном» Суде, т. е. о времени разделения души и тела, изложены в двух поэмах «О душе и теле». Тема Страшного Суда возникает и в ряде эпических произведений («Исход», «Елена», «Юлиана» и др.), сюжеты которых напрямую с ней не связаны.

Отражение понимания времени в поэтике художественных произведений раннего Средневековья представляет значительный интерес. М.И. Стеблин-Каменский, пытаясь найти взаимосвязь между осмыслением времени в скандинавской мифологии и художественным временем в песнях «Эдды», отмечает, что «Представление об обратимости времени – это вместе с тем отсутствие четкого противопоставления прошлого и настоящего будущему, и, таким образом, это представление подразумевает внутреннюю точку зрения на время» [Стеблин-Каменский 1976, с. 56]. В приведенной выше характеристике эпоса англосаксов О.А. Смирницкой подчеркивается наличие в этой традиции иной, внеположенной

[1] Подробный сравнительных анализ представлений англосаксов о загробном мире и Страшном Суде можно найти в монографии [Kabir 2001].

событиям эпоса точки зрения. Очевидно, что именно проблема влияния христианских представлений о ходе развития истории на художественное время произведений раннесредневекового эпоса требует внимательного рассмотрения. Применительно к древнеанглийскому христианскому эпосу такое рассмотрение еще не предпринималось. Поэтому в качестве объекта анализа выбраны те произведения древнеанглийской поэзии, где пророчества о Судном Дне включаются в эпические повествования и происходит объединение разных временных пластов. Анализ проводится с целью проследить изменения хронотопа эпического текста.

Включение темы Страшного Суда в эпический нарратив предполагает использование специфических композиционных приемов в ряде произведений. В поэме «Христос и Сатана» нарушается хронологическая последовательность Евангельских событий, они дополняются апокрифическим сюжетом о Схождении Христа в ад, поэт последовательно использует прием изменения точки зрения.

В первой части поэмы содержится ряд монологов Сатаны, находящегося в аду, и его дружины. Участь этих героев предопределена грехопадением, а речи наполнены сожалением о прошлом времени блаженства у престола Небесного Царя. Настоящее Сатаны и его дружины также осмыслено вполне конкретно – это бездонное адское пламя, мучения, от которых негде скрыться. Рассказ от лица Сатаны и находящихся с ним в аду перемежается обращениями повествователя к своей аудитории (Ch&S 194–224, 283–315[2]) с наставлениями о том, как должен жить каждый воин (*hæleđa æghwylc*), чтобы не попасть в ад.

Вторая часть поэмы повествует о мучениях грешников в аду и Сошествии туда Христа после Воскресения, разрушении адских стен и спасении для праведников. Далее описывается сам Судный День (Ch&S 598–643), когда протрубит труба по всей земле, явится Господь и умершие восстанут из земли (*Þonne of þisse moldan / men onwecnađ; // deade of duste arisađ / þurh Drihtnes miht*; Ch&S 604–605 – «Тогда из той земли / люди восстанут // мертвые из праха подымутся / по воле Господней»), а затем будут отделены грешники от праведников. При этом рассказчик рисует картины рая, к которому должны стремиться все смертные: это «более прекрасная земля» – *fæg[e]re land* (Ch&S 213), «светлая и полная великолепными плодами, которые сияют в городах» – *wlitig and wynsum; / wæstmas scinađ // beorhte ofer burgum* (Ch&S 214–215).

[2] Текст древнеанглийских поэм цит. по: (Christ and Satan 1925; Exodus 1953; Elene 1891) с указанием номера строки и сокращениями Ch&S, Ex, Ele соответственно. Перевод автора статьи, если не указано иного.

Упоминания о городе, городах (ср. далее Ch&S 295, 363, 459, 613, 687), безусловно, рождают ассоциации с Небесным Иерусалимом, описанным в Откровении Иоанна Богослова как место пребывания праведников после Страшного Суда. Вместе с рассказом о прекрасных золотых стенах Небесного Града (Ch&S 649–655) появляется и наставление о том, как до́лжно жить человеку, чтобы заслужить небесное блаженство. В заключительной части поэмы точка зрения рассказчика вновь перемещается: он излагает историю искушения Христа в пустыне.

Таким образом, композиция поэмы «Христос и Сатана» построена с использованием обратной перспективы. Сцена Страшного Суда становится центральной в структуре поэмы. Ей предшествуют описания адских мучений, представленные в сопоставлении с райским блаженством, т. е. фактически рассказ о существовании после Суда, когда изменение участи уже невозможно. Следует за описанием Суда повествование об искушении в пустыне Христа, где не только подчеркивается Его всемогущество, но и предлагается пример противостояния злу и искушениям, т. е. путь подготовки к Страшному Суду.

Ориентация на Страшный Суд ясно прослеживается в композиции и других поэтических текстов. Так, сюжет библейской Книги Исход напрямую не связан с событиями конца света, однако в первых же строках одноименной древнеанглийской поэмы появляются мысли именно о посмертном воздаянии, о том, что каждого человека ждет *æfter bealuside / bote lifes* (Ex 5) («после смертного пути / о воздаянии за жизнь»). Далее повествование переходит к описанию судьбы Моисея, исхода из Египта и перехода через Красное море, но завершается поэма сценой ожидания Страшного Суда и размышлениями об участи человека после смерти.

Размышления о судьбах человечества, своеобразные лирические эпилоги, становятся характерной чертой поэм, приписываемых Кюневульфу («Елена», «Юлиана», «Судьбы апостолов»). Заключительные строки этих поэм содержат не только «подпись» этого поэта, вплетенную в основной текст при помощи рунических знаков, но и раздумья повествователя о своей судьбе и судьбах мира. Наиболее развернутый эпилог представлен в поэме «Елена», где возникает размышление рассказчика о собственной старости (Ele 1236–1245), благодарность Богу за свершенное дело (Ele 1246–1256), воспоминания о быстро проходящем времени силы и молодости (Ele 1256–1275), а также описание предстоящего Суда и участи разных людей (Ele 1276–1320). В эпилоге «Елены», по словам Н.Ю. Гвоздецкой, «Англосаксонский поэт приглашает читателя выйти за пределы циклического времени героико-эпиче-

ской идиллии с ее сменой пиров и битв и обрести себя в ином времени, связанном с индивидуальной ответственностью за прожитую жизнь» [Гвоздецкая 2017, с. 109].

Другой лирический монолог включен в поэму «Юлиана» и содержит прямое обращение к аудитории, просьбу ко всякому человеку молиться за автора поэмы. Здесь также появляются указания на время Страшного Суда, при этом дважды использована лексема *tid*, которая в древнеанглийской традиции означала время, определенное для совершения действия [Чупрына 2000, с. 130]. Суд в «Юлиане» представлен как единение лиц Св. Троицы, описание и восхваление которых рассказчик считает целью своего повествования. Грешники при этом не упомянуты. «Великий день» Суда описан как «Предвечный совет», в котором пребывают ипостаси Пресвятой Троицы. Само повествование устремлено в будущее, предпринята попытка описать вечность бытия Бога.

Описание Страшного Суда языком эпической традиции предполагало использование не глагольных способов выражения темпоральности, поскольку в древнеанглийском языке значение будущего времени не было закреплено за определенной формой глагола. В поэме «Христос III» содержится наиболее последовательное и развернутое описание Страшного Суда, картины которого во многом повторяют Откровение Иоанна Богослова. Влиянием этой книги можно объяснить использование глаголов в прошедшем времени для описания предстоящего события.

В эпилогах поэм, приписываемых Кюневульфу, происходит разрыв эпической дистанции за счет появления образа рассказчика. Особенно наглядно это заметно в поэме «Елена», где поэт описывает себя как конкретное лицо, которое мыслит себя в конкретной обстановке [Гвоздецкая 2017, с. 102]. Это не абстрактный рассказчик героического эпоса. Его взгляд направлен не только на героев рассказа, но и о свою судьбу и посмертную участь: *Wen is geswiðrad, // gomen, æfter gearum, / geogoð is gecyrred, // ald onmedla. / Ur wæs geara // geagoðhades glæm. / Nu synt geardagas // æfter fyrstmearce / forð gewitene, // lyfwynne geliden, / swa Lago toglideð, // flodas gefysde* (Ele 1264–1270) – «Дряхлеет радость, // гаснет с годами / блеск былой, // тает богатство, / со временем вянет // юности цвет, / вдаль уплывают // в час назначенный / дни нашей жизни, // словно воды скользят, / непогодой гонимые // быстрые волны»[3]. Эти размышления обретают непреходящий характер, они

[3] *Кюневульф*. Поэма «Елена». Фрагмент: главы 11–15 / пер. с древнеангл. и коммент. Н.Ю. Гвоздецкой, Е.Н. Клёминой) // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2015. № 7. С. 161.

отнесены как к вечности, так и к настоящему. При этом чередуются основы супплетивного глагола «быть» (is: Ele 1264, 1265, synt 1267; wæs: Ele 1243, 1257, 1266; bið: Ele 1270, 1294, 1298, 1306, 1310, 1312, 1316; beoð: Ele 1295, 1304, 1308). В заключительной части рассказа преобладают формы от основы beon, рассматриваемые исследователями как способ обозначения вечной истины (так как они часто используются в гномических формулах), либо как уникальные для данного глагола формы будущего времени[4]. Таким образом, описывая Страшный Суд, поэт говорит о прошлом, настоящем, вечном, но и о том, что должно случиться.

Обращение к плану будущего предполагает разрыв эпической дистанции. В рассматриваемых эпизодах ожидания Страшного Суда в древнеанглийской поэзии, помимо планов прошедшего и будущего, последовательно используется еще и план настоящего, т. е. времени рассказывания. Включение этого временного пласта происходит за счет местоимений первого лица, а также наречия *nu* – «сейчас, теперь». Оно начинает «Гимн Кэдмона» и как бы всю древнеанглийскую христианскую поэзию, указывая на актуальное настоящее, время, когда англосаксы обрели возможность славить Бога своим родным поэтическим языком. *Nu,* таким образом, соотносит повествование со временем рассказывания эпоса и временем христианской проповеди.

Пространственные координаты Страшного Суда по-разному осмыслены в древнеанглийских поэмах. Так, в эпилоге поэмы «Елена» подробно описываются три места, где будут пребывать люди после смерти. Их положение соотнесено с адским пламенем: праведники находятся от него выше всех других (Ele 1289–1290), грешники окажутся в середине пламени, третий же удел предполагает мучение про́клятых на самом дне пламени. Всё место, куда придет Господь на Суд, названо *morðorhrofe* (Ele 1303), т. е. «место мучений / страданий / смерти».

Не только место мучений, но и место ожидания Суда описаны в финале поэмы «Исход»: *Þis is læne dream, // wommum awyrged, / wreccum alyfed, // earmra anbid. / Eðellease // þysne gystsele / gihðum healdað, // murnað on mode, / manhus witon // fæst under foldan, / þær bið fyr and wyrm* (Ex 574–579) – «Это – тщетная мечта, // грехами загубленная, / странникам дарованная, // несчастных упование. / Одаля лишенные // в том пиршественном зале / грустью овладеют, // опечалятся в душе, / о доме зла узнают, // крепком под землей, / где будет огнь и червь». Наименования людей изгнанниками,

[4] *Mitchell B., Robinson F.C.* A guide to Old English. Oxford: Blackwell, 1992. 376 p.

использовавшиеся в тексте поэмы по отношению к израильтянам, обозначают в ее финале уже всех людей. Это описание также соотносится с планом прошлого (время рассказа) и планом актуального настоящего (время рассказывания эпоса) за счет употребления местоимения *we* «мы» и наречия *nu* в предшествующих строках (Ex 571–574). Смыкание двух времен – времени рассказа и времени рассказывания – позволяет автору поэмы передать христианское представление о бренности человеческого существования, о том, что перед Богом всякий человек предстает один и сам отвечает за свои грехи.

В поэме «Исход» появляются конкретные пространственные координаты, связанные со Страшным Судом. Это дом, находящийся под землей, *manhus* – «дом мерзостей, преступлений, зла». Далее упоминаются огонь, змии / черви и бездна – основные атрибуты ада. Еще один локус в данном отрывке: *meðelstede* – досл. «место встречи / собрания». Выше в «Исходе» эта же лексема обозначала место жертвоприношения Авраама. В финальном эпизоде поэмы именно на этом «месте собрания» должен произойти Суд, т. е. определение Богом судьбы умерших. Причем древнеанглийский поэт описывает только благоприятный исход Суда, не упоминая грешников, что может соотноситься с сюжетом поэмы, где воплощением грехов и грешников являются египтяне, погибшие в Красном море.

Наибольший интерес и сложность для истолкования представляет упоминание в этом фрагменте пиршественного зала, который обозначен лексемой *gystsele*. Она употреблена в «Исходе» единственный раз. В поэме «Беовульф» она же встречается для описания Хеорота, причем в контексте, где он рассматривается с философской точки зрения как часть бренного мира, которому суждено погибнуть, и сравнивается с человеческим телом (Beo 991–1008). Временная соотнесенность всего фрагмента специфична: его можно понимать и как описание конца света и прихода антихриста, т. е. будущих событий. Контекст употребления лексемы *gestsele* в «Беовульфе» позволяет говорить о ее негативных коннотациях. Она описывает Хеорот, украшенный для празднества, но и обреченный на погибель. А конечность, бренность земного существования человека мыслится как путь от пиршественного зала до могилы. Посмертная жизнь человека описана в «Беовульфе» лишь как вечная слава в памяти потомков.

Среди причин изменения хронотопа в христианском эпосе можно назвать не только особенность самой темы Страшного Суда (связь ее с планом будущего и адресация каждому отдельному человеку), но и влияние на эпическую традицию жанра христианской проповеди. В «Проповеди Волка англам» *(Sermo Lupi ad Anglos)*

Вульфстана Йоркского события современности смыкаются с событиями Апокалипсиса, конца света и Страшного Суда. Этот текст и ряд проповедей Эльфрика, затрагивающих данную тему, предполагали прямое обращение к аудитории, предостережения, наставления и нравоучения. Для традиции прозаических проповедей более типично, чем для эпоса, совмещение разных временны́х пластов: времени основного повествования, т. е. библейского сюжета, и времени автора проповеди и его аудитории. Возможность влияния жанра прозаической проповеди на поэтические сочинения можно объяснить спецификой системы жанров средневековой словесности, для которой была характерна подвижность и зависимость от функции текста.

Жанровое деление в поэтической традиции англосаксов сравнивается с цветовым спектром, так как почти каждый ее текст можно отнести к двум или более жанрам одновременно [Смирницкая 1982, с. 183–185]. Однако части этого спектра остаются не до конца осмысленными. Проведенный в данной работе анализ основывается на утверждении М.М. Бахтина о ведущем жанровом значении хронотопа [Бахтин 1975а, с. 235]. Мы предлагаем рассматривать размыкание эпической дистанции в произведениях, содержащих повествования о Страшном Суде, как характерное свойство жанра христианского эпоса. Последний, таким образом, может быть выделен из эпической традиции не только за счет определенной тематики, но и специфики хронотопа, в котором прошлое соотносится с планом будущего и вечности, а также настоящего (времени рассказывания эпоса).

Источники

Christ and Satan 1925 – Christ and Satan. An Old English poem / ed. with introd., notes and glossary by M.D. Clubb. Connecticut: Yale University Press, 1925. 196 p.

Elene 1891 – Elene: an Old English poem by Cynewulf / ed. with introd., Latin original, notes and complete glossary by Ch.W. Kent. Boston, L.: Ginn&Company, 1891. 149 p.

Exodus 1953 – Exodus. The Old English Exodus / ed. with introd., notes and glossary by E.B.Jr. Irving. New Haven: Yale University Press, 1953. 134 p.

Литература

Бахтин 1975а – *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике» // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бахтин 1975b – *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 447–483.

Гвоздецкая 2017 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Лирический эпилог к древнеанглийской поэме «Елена»: проблема жанра // Лирическая эволюция: к 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича) / сост. и ред. В.Я. Малкина, В.И. Тюпа М.: Эдитус, 2017. С. 98–109.

Гуревич 2006 – *Гуревич А.Я.* Язычество христиан и христианство язычников // Гуревич А.Я. Избранные труды: Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 109–115.

Смирницкая 1982 – *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 171–232.

Стеблин-Каменский 1976 – *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.

Чупрына 2000 – *Чупрына О.Г.* Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка). М.: Прометей, 2000. 151 с.

Kabir 2001 – *Kabir A.J.* Paradise, death and Doomsday in Anglo-Saxon literature. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 210 p.

References

Bakhtin, M.M. (1975), “Forms of time and chronotope in the novel (Scetches on historical poetics)”, in Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*, [Issues of literature and esthetics: research of various years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 234–407.

Bakhtin, M.M. (1975), “Towards a methodology for the study of the novel)”, in Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let,* [Issues of literature and esthetics: research of various years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 447–483.

Chupryna, O.G. (2000), *Predstavleniya o vremeni v drevnem yazyke i soznanii (na materiale drevneangliiskogo yazyka)* [Time perception in old language and mindset (on Old English)], Prometei, Moscow, Russia.

Gurevich, A.Ya. (2006), “Paganism of Christians and Christianity of Pagans”, in Gurevich, A.Ya., *Izbrannye trudy: Krest’yanstvo srednevekovoi Norvegii*, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 109–115.

Gvozdetskaya, N.Yu. (2017), “Lyrical epilogue to the Old English poem ‘Elene’: genre problem”, in Malkina, V.Ya. and Tyupa, V.I., eds., *Liricheskaya evolyutsiya: k 70-letiyu Darvina (Mikhaila Nikolayevicha)* [Lyrical evolution: to the 70-th anniversary of Darvin (Mikhail Nikolaevich)],, Editus, Moscow, Russia, pp. 98–109.

Kabir, A.J. (2001), *Paradise, death and Doomsday in Anglo-Saxon literature*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Smirnitskaya, O.A. (1982), “The poetic art of Anglo-Saxons”, in Smirnitskaya, O.A. and Tikhomirov, V.G., comps., *Drevneangliiskaya poeziya*, Nauka, Moscow, USSR, pp. 171–232.
Steblin-Kamenskii, M.I. (1976), *Mif* [Myth], Nauka, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Мария В. Яценко, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия; 193232, Россия, Санкт-Петербург, пр-кт Большевиков, д. 22, корп. 1;

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; maria.yatsenko1@yandex.ru

Information about the author

Maria V. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia; bldg. 1, bld. 22, Bolshevikov Av., Saint Petersburg, Russia, 193232;

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; maria.yatsenko1@yandex.ru

Хронотоп в культуре Византии, Италии и Франции

УДК 82-343
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-131-144

Миф о рождении Зевса на острове Крит: византийский оригинал, венецианская копия и парижское ренессансное произведение

Марина А. Курышева
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, kurysheva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются три миниатюры, изображающие миф о рождении Зевса на острове Крит, из трех разных греческих рукописей. Оригинальное изображение находится в византийской рукописи XI в., содержащей античный текст дидактической поэмы об охоте *Кинегетика* Оппиана из Апамеи III в. н. э. Вторая миниатюра, которая является ее копией, находится в ренессансной итальянской рукописи XVI в. венецианского писца Бартоломео Занетти. Третья миниатюра, скопированная в Париже в 1554 г. анонимным миниатюристом, работавшим вместе со знаменитым каллиграфом критского происхождения Ангелосом Вергикиосом, с итальянской копии, кардинально меняет художественное решение протографа. В итоге миниатюра парижской рукописи превращается в настоящий картоид, вписывающий в мифологическое пространство Крита элементы его актуальной географии – крупнейшие города времени господства над островом Венеции. Византийское изображение перерабатывается в ренессансный мини-шедевр.

Ключевые слова: греческие рукописи, миниатюры, картоид, остров Крит, миф о рождении Зевса, Оппиан из Апамеи, Ренессанс, Ангелос Вергикиос, Бартоломео Занетти, Byzance après Byzance

Для цитирования: *Курышева М.А.* Миф о рождении Зевса на острове Крит: византийский оригинал, венецианская копия и парижское ренессансное произведение // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 131–144. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-131-144

© Курышева М.А., 2025

The myth of Zeus's birth on the island of Crete: A Byzantine original, a Venetian copy, and a Parisian Renaissance artwork

Marina A. Kurysheva
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kurysheva@yandex.ru

Abstract. The article explores three miniatures illustrating the myth of Zeus's birth on the island of Crete, sourced from three different Greek manuscripts. The original image is located in the 11th-century Byzantine manuscript containing the ancient text of the didactic poem on hunting, the Cynegetica, by Oppian of Apamea from the third century A.D. The second miniature, a copy, is located in the 16th-century Renaissance Italian manuscript by the Venetian scribe Bartolomeo Zanetti. The third miniature, which was copied in Paris in 1554 by an anonymous miniaturist (collaborating with the renowned Cretan calligrapher Angelo Vergecio) from an Italian version, radically transforms the artistic approach of the protograph. As a result, the miniature of the Parisian manuscript becomes a true cartoid, incorporating elements of the actual geography of Crete and the major cities during Venice's domination over the island into its mythological space. The Byzantine image is transformed into a Renaissance mini-masterpiece.

Keywords: Greek manuscripts, miniatures, cartoid, Crete, myth of the birth of Zeus, Oppian of Apamea, Renaissance, Angelo Vergecio, Bartolomeo Zanetti, Byzance après Byzance

For citation: Kurysheva, M.A. (2025), "The myth of Zeus's birth on the island of Crete: A Byzantine original, a Venetian copy, and a Parisian Renaissance artwork", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 131–144, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-131-144

В трех иллюминированных греческих рукописях разного времени содержатся скопированные друг с друга миниатюры, на которых изображен миф о рождении Зевса на острове Крит. Возможность проследить случаи такой репликации редки в истории византийской и поствизантийской книжности, поскольку обычно античные и византийские протографы погибают после изготовления нового кодекса. Все три рассматриваемые рукописи богато иллюстрированы, что также является не слишком частым явлением, ведь иллюминированных рукописей с античными текстами сохранилось очень мало. Здесь же есть возможность непосредственно проследить механизм возрождения античной традиции в период

Ренессанса XVI в. путем ее «изобретения заново» [Hobsbawm 1983, pp. 1–14], т. е. посредством копирования, переработки и модернизирующего обогащения византийского образца.

Все три рукописи содержат текст поэмы Псевдо-Оппиана или Оппиана из Апамеи (автор первой половины III в. н. э.) «Об охоте» (Κυνηγετικά, *Cynegetica*) [Sánchez 2002][1]. Эту греческую дидактическую поэму из 2144 гекзаметров в 4 книгах автор-сириец посвятил, как следует из текста, императору Марку Аврелию Северу Антонину Августу (Каракалле) (император в 211–217 гг.) (о дискуссии вокруг этого вопроса, см. [Sánchez 2002, p. 15]).

Самая древняя из упомянутых рукописей – BNM *Marc. gr. Z* 479 была создана в Константинополе в первой половине – середине XI в. и хранится в Библиотеке св. Марка в Венеции (Biblioteca Nazionale Marciana). Она поступила туда в составе собрания рукописей знаменитого кардинала Виссариона (1403–1472), которое было подарено им Венецианской республике в 1468 г. В описи кардинала Виссариона кодекс имел номер 464[2]. Рукопись небольшого формата (235 × 190 мм) очень богато иллюстрирована. Ее обширной иллюстративной программе посвящена отдельная монография И. Спафаракиса [Spatharakis 2004]. Рукопись содержит 167 миниатюр, каждая из которых воспроизведена в монографии в полном цвете с обширными комментариями, касающимися соотношения миниатюр с текстом, с применением иконографического и стилистического анализа, а также с исследованием литературных и художественных источников изображений и с попытками датировать архетип и прототип на широком фоне византийского искусства его классического периода.

Эта венецианская пергаменная рукопись является самой древней в традиции передачи текста этой поэмы Псевдо-Оппиана и соответственно самой ранней и единственной иллюстрированной копией античного охотничьего трактата этого автора. Сопровождающие текст полихромные миниатюры изображают людей, лошадей, собак и животных, на которых охотятся, их повадки и методы их ловли (охоту на львов, тигров, леопардов, шакалов, рысей, мед-

---

[1] *Apameensis O.* Cynegetica. Eutecnius Sophistes: Paraphrasis metro soluta / rec. M. Papathomopoulos. München; Leipzig: Bibliotheca Teubneriana, K.G. Saur Verlag, 2003, 2013. 258 p.; *Pseudo-Oppian.* Kynegetika: Griechisch-deutsch / Hrsg. und übersetzt von S. Renker. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021. 217 p.

[2] *Omont H.* Inventaire des manuscrits grecs et latins donnés à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion en 1468. P.: Libraire É. Bouillon, 1894. P. 40.

ведей, волков, лисиц, гиен, кабанов, диких ослов, диких лошадей, газелей, дикобразов и т. д.). Все это перемежается мифологическими сценами. Большое количество миниатюр, их высокое качество и редкость изображенных сцен делают эту рукопись одной из самых важных иллюминированных византийских рукописей позднего Македонского ренессанса.

Рис. 1. BNM, *Marc. gr. Z* 479. Л. 40

На л. 40 в *Marc. gr. Z* 479 (рис. 1) на первой миниатюре в центре листа нарисован окруженный со всех сторон морем зеленый остров с неровными очертаниями, в центре которого Рея в красном хитоне с рыжими волосами прячет маленького Зевса за холмиком. Другие действующие лица – три курета – изображены на разных стадиях превращения из людей во львов: крайний слева первый курет почти полностью превратился во льва, но стоит на задних лапах, как человек, и бьет в барабан; изображенный рядом с ним второй курет с туловищем льва и головой человека играет на флейте; наконец, третий курет с львиными лапами вместо ног держит в поднятых руках некий инструмент, но миниатюра в этом месте пострадала, и данный инструмент не идентифицируется. Художник полностью следовал тексту поэмы, графически изобразив превращение куретов во львов, описанное у Оппиана. Куреты, согласно распространенной античной легенде, создавали шум, гремя своим оружием, ударяя копьями о щиты и танцуя, чтобы скрыть от Кроноса младенческий плач при рождении маленького Зевса. Считается, что художник венецианской рукописи перепутал куретов (= мифические спутники Реи) и корибантов (= последователей Кибелы) и именно поэтому изобразил куретов с музыкальными инструментами – атрибутами корибантов. Путаница, возможно, объясняется тем, что в антич-

ности Кибела из римского пантеона часто идентифицировалась с Реей [Spatharakis 2004, p. 117, pl. 166–168]. К. Вайцман обнаружил в нескольких иллюминированных рукописях того же времени, что музыкальные инструменты, на которых играют корибанты и куреты на изображающих рождение Зевса миниатюрах, идентичны показанным на нашей миниатюре. Речь идет о таких рукописях XI в. с сочинениями Григория Назианзина и Псевдо-Нонна, как: Иерусалим, Πατριαρχική Βιβλιοθήκη, Παναγίου Τάφου 14 (л. 310); Mount Athos, Panteleimon 6 (Lambros 5512) (л. 162–163); BnF Paris. Coisl. 239 (л. 121) и BAV Vat. gr. 1947 (л. 146) [Weitzmann 1984, pp. 38–41, 78–79, 127–128, 143, fig. 36–37, 39]. Однако ни в одной из перечисленных рукописей нет изображений, превращающихся во львов куретов. Поэтапное превращение куретов во львов в соответствии с текстом Псевдо-Оппиана нарисовал только художник венецианского манускрипта *Marc. gr.* Z 479. Эти две традиции изображения спутников Реи (куреты с оружием или корибанты с музыкальными инструментами) различаются обликом куретов-корибантов и положением Реи, а также наличием или отсутствием фигуры Кроноса. На рассматриваемой венецианской миниатюре Рея прячет Зевса за холмиком, а Кронос отсутствует. В то время как на иллюстрациях Псевдо-Нонна окруженный корибантами Зевс изображается в колыбели, а Рея отходит от ребенка, давая камень Кроносу, т. е. миниатюра из *Marc. gr. Z* 479 была полностью придумана и изобретена художником *Кинегетики*, а не скопирована им откуда-то [Weitzmann 1984, pp. 93–95; Spatharakis 2004, p. 117].

Вторая иллюминированная рукопись *Кинегетики* Псевдо-Оппиана была создана почти через 500 лет после создания рукописи *Marc. gr.* Z 479 – сейчас это рукопись *Paris. gr.* 2736 хранится в Национальной Библиотеке Франции (рукопись полностью оцифрована и доступна для просмотра на сайте BnF, gallica: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b60005116). Дорогостоящую копию на пергамене хорошего качества и большого формата (ее размер 320 × 225 мм) изготовил в Венеции известный переписчик и печатник эпохи Возрождения Бартоломео Занетти (1486/1487 – после 1547) [Gamillscheg, Harlfinger 1989, p. 41 (n°45); Cataldi Palau 2000, pp. 81–144]. Он был родом из Кастерзаго (Casterzago, *совр.* Castrezzato) в провинции Брешиа, итальянский переписчик и печатник работал во Флоренции и Риме, а с 1535 по 1545 гг. – в Венеции, где имел свою типографию. Занетти вместе со своими сыновьями Камилло и Кристофоро выпустил многочисленные издания греческих и латинских авторов. Его сын Кристофоро имел собственную типографию с 1555 по 1576 г., а его потомки продолжали работу до середины XVII в. Сам Бартоломео Занетти был не только типографом, но и необычайно

плодовитым писцом, оставившим после себя более 70 рукописей античных и византийских авторов: от Аристотеля до Пахимера, от Полибия до Иоанна VII Кантакузина, включая Оппиана с Константином Манасси, описывающим жизнь Оппиана [Gamillscheg, Harlfinger 1981, p. 44 (n° 31); Gamillscheg, Harlfinger, Eleuteri 1997, p. 43 (n° 56)]. Вплоть до недавнего времени ученые продолжают выявлять его новые автографы [Surace 2024, pp. 348–350].

Точную дату рукописи *Paris. gr.* 2736 установить невозможно, но ее *terminus ante quem* – выход в свет печатного издания *Кинегетики* Псевдо-Оппиана в типографии Альда Мануция в 1517 г., для которого, по-видимому, эта рукопись послужила источником текста (см. ниже).

Миниатюры в *Paris. gr.* 2736 нарисовал неизвестный художник. На некоторых миниатюрах сохранились сделанные золотыми чернилами подписи, написанные почерком, отличным от почерка основного писца. Это означает, что Бартоломео Занетти скопировал византийский манускрипт *Marc. gr. Z* 479 на заказ, работая в сотрудничестве с анонимным художником.

Рис. 2. BnF, *Paris. gr.* 2736. Л. 34

Миниатюра, иллюстрирующая миф о рождении Зевса на острове Крит, находится в верхней части л. 34 (рис. 2). На ней можно видеть довольно примитивное копирование византийского оригинала без подписей. Изображен бесформенный «зеленый блин» на синем фоне с тремя фигурами куретов, частично превращенных во львов, и женщиной в сером хитоне, прячущей ребенка за поросший травой холм.

Заказчиком рукописи *Paris. gr.* 2736 был венецианский гуманист Джан Франческо д'Азола (ок. 1498 – ок. 1557). Из-за того, что *ex-libris* владельца оказался аккуратно счищен на нижнем поле л. 1, рукопись выпала из поле зрения исследователей, занимающихся изучением его библиотеки. Сложно сказать, для чего д'Азола заказал Бартоломео Занетти пергаменную копию иллюминированной византийской рукописи. Скорее всего этот экземпляр был сделан для создания *editio princeps* – первого печатного издания *Кинегетики*, опубликованного в 1517 г. в Венеции как раз д'Азолой[3] (Oppianus 2003, p. XIX).

Этот издатель сыграл очень важную роль в продолжении деятельности типографии Альда Мануция (†1515) с 1517 по 1529 гг. Отмечу, что сам Альд Мануций успел издать около 140 книг – собственно, «альдин», а под руководством Джана Франческо д'Азолы было напечатано еще около 120 изданий, считающихся «альдинами». Современники того времени называли типографию "asolana". Его деятельности посвящена монография А.К. Катальди-Палау, которая, однако, не учитывает рукопись *Paris. gr.* 2736 [Cataldi Palau 1998].

В 1542 г. более 84 рукописей Джана Франческо д'Азолы через посредничество французского посла в Венеции 1539–1542 гг. Гийома Пелисье (ок. 1490–1568) были куплены для королевской библиотеки в Фонтенбло [Cataldi Palau 2000, p. 98]. Во Франции кодекс *Paris. gr.* 2736 около 1550 г. получил новый художественный ренессансный сафьяновый переплет с гербом французского короля Генриха II (1547–1559)[4] (подробно о переплете, см.: Laffitte 2001, p. 115, n° 304). По-видимому, тогда же из рукописи исчез и экслибрис предыдущего владельца.

Затем, в 1554 г., эта венецианская рукопись-копия *Paris. gr.* 2736 была в свою очередь скопирована уже в Париже знаменитым греческим писцом-каллиграфом критского происхождения и сотрудником королевской библиотеки в Фонтенбло Ангелосом Вергикиосом (1505–1569), датированные рукописи которого известны с 1535 по 1569 гг. [Gamillscheg, Harlfinger 1981, pp. 25–26 (n° 3); Gamillscheg, Harlfinger 1989, pp. 25–27 (n° 3); Gamillscheg, Harlfinger, Eleuteri 1997, p. 27 (n° 3)]. Замечательно, что в протографе Вергикиоса, т. е. в *Paris. gr.* 2736, на пергаменном защитном л. A сохранилась его

[3] Ὀππιανοῦ ἁλιευτικῶν βιβλία πέντε. Τοῦ αὐτοῦ κυνηγετικῶν βιβλία τέσσαρα. Venetiis: In aedibus Aldi et Andreae Soceri, 1517.

[4] *Laffitte M., Le Bars F.* Reliures royales de la Renaissance: la Librairie de Fontainebleau, 1544–1570. Catalogue de l'exposition. P.: Bibliothèque nationale de France, 1999. P. 163 (no. 82).

собственноручная помета как хранителя королевской библиотеки в Фонтенбло о содержании рукописи: «+ Ὀππιανοῦ κυνηγετικὰ : +». Тем самым Вергикиос оставил свой «след» в протографе, с которым он работал.

Переписанная Вергикиосом рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции под шифром – *Paris. gr.* 2737 (на сайте Национальной библиотеки Франции можно увидеть полную цифровую копию рукописи – https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b60005220/f1.item). А в конце рукописи *Paris. gr.* 2737 на л. 106 находится колофон писца – запись на греческом языке, в которой указано место написания рукописи – Париж, имя заказчика – король Генрих II, собственное имя писца – «Ангелос Вергикиос критянин» и дата написания рукописи – 1554 г.: Ἐγεγράφει τὸ παρόν βιβλίον, ἐν Λευκιτίᾳ τῶν παρησίων, ἐπὶ βασιλέα Ἐρρίκου βου΄, χειρὶ Ἀγγέλου Βεργικίου τοῦ Κρητὸς ˏαφφνδ΄ – «Настоящая книга написана в Левкитии парижиев, при короле Генрихе Втором, рукой Ангела Вергикия критянина в 1554 году».

Рукопись *Paris. gr.* 2737 сохранилась в оригинальном художественном ренессансном переплете, сделанном в королевской мастерской. На верхней крышке в центре в медальоне изображен герб французского короля Генриха II, а на нижней крышке помещен живописный медальон с изображением Дианы де Пуатье в виде охотницы Артемиды. Переплет украшен головами львов, изображением луков, колчанов, стрел и монограммами Генриха и Дианы[5] [Laffitte 2001, p. 117]. Рукопись состоит из 106 бумажных листов, имеет большой формат 332 × 215 мм, отличается очень богатой иллюстративной программой. В новую книгу Вергикиос переписал посвященные охоте и животным тексты из разных источников. Из рукописи *Paris. gr.* 2736 он скопировал *Кинегетику* Псевдо-Оппиана.

Ангелос Вергикиос работал в паре с неким анонимным художником, который сотрудничал с ним и в других проектах [Peers 2012]. Этот миниатюрист Вергикиоса явно превосходил художника рукописи-протографа *Paris. gr.* 2736 по своей художественной технике, однако он достаточно точно копировал последовательность миниатюр и цветовые решения своего предшественника. Исключение составляют только измененные сюжеты на л. 8 (история о Буцефале) и на л. 21 (вместо миниатюры с морским сражением нарисована миниатюра с двумя коровами), а на л. 28 одна миниатюра с животными была добавлена. К этому же ряду переработанных им изображений относится и миниатюра

[5] Ibid. P. 215 (no. 112).

с мифом о рождении Зевса, которая находится на л. 35 рукописи *Paris. gr.* 2737 (рис. 3).

Миниатюра в *Paris. gr.* 2737 по-новому передает очертания острова, которые теперь больше напоминают собой настоящий картоид мифологического Крита, а не абстрактный «зеленый блин» из *Paris. gr.* 2736. Все герои мифа гораздо более узнаваемы, и их имена подписаны рукой самого Вергикиоса красными чернилами. На миниатюре *Paris. gr.* 2737 слева виден сидящий, скрестив ноги и подперев голову рукой, скучающий Кронос с косой; затем два частично превращенных во львов курета с музыкальными инструментами в руках; после прячущая маленького Зевса в пещере Рея; и снова два размахивающих пустыми руками курета.

Все действие происходит на фоне острова с горным хребтом и пещерой посередине как на настоящей карте. Самый заметный естественно-географический локус, изображенный на ней, – пещера, где родился и был спрятан младенец Зевс. Поскольку на Крите есть несколько пещер, которые по народным представлениям ассоциировались с этим мифом [Rutkowski, Nowicki 1996], то на карте она размещена просто в центре острова. Ее расположение отражает не реальную локализацию, а ее особую роль центрального места события.

Рис. 3. BnF, *Paris. gr.* 2737. Л. 35

Очертания изображенного в *Paris. gr.* 2737 острова повторяют типичные изображения венецианского Крита на печатных картах первой половины XVI в., например, в издании атласа Птолемея

1535 г.[6], а сам вид карты с горами и городами в виде крепостей напоминает распространенные немного позднее полихромные гравированные изображения Крита в венецианских печатных изданиях 1560-х гг. (см., например: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52511418h). На миниатюре в виде небольших крепостей розового цвета изображены, но не подписаны, четыре города. Три из них можно уверенно идентифицировать как крупнейшие укрепленные венецианские центры – Canea (*совр.* Ханья), Rettimo (*совр.* Ретимно) и «столица» Candia (*совр.* Ираклион) [Georgopoulou 2001, pp. 15–42]. Четвертый город определить сложнее, но это, скорее всего, Sitia (*совр.* Айос-Николаос), административный центр четвертой области Крита, находящийся к востоку от Кандии / Ираклиона [Georgopoulou 2001, p. 26, 119]. В этих городах во время венецианского господства сохранились не только греческие общины, но и греческие церковные приходы со своим клиром [Georgopoulou 2001, pp. 172–173].

Такое совмещение схемы расположения опорных портов-крепостей венецианской власти с античным мифологическим сюжетом – типичная для Ренессанса «гибридизирующая» художественная стратегия. Византийская в своей основе условная схема была «модернизирована» – на нее как бы «наложен дополнительный слой» актуальной политической географии Венецианской морской империи. Таким образом, созданная во Франции ренессансная карта-миниатюра мифологического Крита как бы «проявляет» и обогащает новыми деталями примитивный размытый образец из итальянской копии, восходящей к византийскому протографу, т. е. попытка возрождения элемента античной традиции приводит к созданию художественного произведения в стилистике уже новой европейской, в данном случае французской, культуры.

Во всей рукописи *Paris. gr.* 2737 на внешнем поле напротив миниатюр рукой Вергикиоса красной краской написаны пометки для ориентации: παράδειγμα, παραβολή, ὁμοιώματα, εἰκών, ἱστορία. Можно полагать, что это – указания писца для художника, где размещать миниатюры с разными сюжетами. Напротив же рассматриваемой миниатюры с изображением Крита на внешнем поле написано слово ἱστορία, а на внутреннем поле у корешка написано Κρήτη. Это единственное изображение в рукописи с двумя такими заметками. А Крит – единственный географический локус, специально отмеченный Вергикиосом по названию. Вполне естественно, что созда-

[6] Claudii Ptolemaei Alexandrini Geographicae enarrationis libri octo. Lugduni: Ex officina Melchioris et Gasparis Trechsel fratrum, 1535. P. 223v–224r.

тель рукописи, критский грек, уделил особое внимание карте своей утраченной родины.

Отсутствие подписей названий венецианских городов на о. Крит означает, что и писец, и его художник и без этого знали, что это за города, а для французского заказчика рукописи эти астионимы были совершенно безразличны. Внимание к таким деталям изображения Крита и правильное взаимное расположение городов на карте острова говорит о том, что автор миниатюры, скорее всего, как и Вергикиос, был критянином. Более того, сам художник-миниатюрист явно проявил особую заинтересованность как раз в изображении этого острова. Возможно, это – один из дополнительных ключей к его личности.

В двух иллюстрированных рукописях Вергикиоса – *Paris. gr.* 1649 и *Paris gr.* 2737 – на маленьком листе, приклеенном к защитному бумажному листу переплета, имеется запись рукой Ш. Дюканжа (1610–1688) со ссылкой на устную традицию и издание *Scaligeriana*, т. е. заметки Ж.-Ж. Скалигера (1540–1609), о том, что художником Ангелоса Вергикиоса была его неизвестная по имени дочь. Это утверждение пытался оспорить А. Дэн, найдя свидетельство современника-библиофила Анри де Месме (см. о нем и его собрании книг и рукописей [Jackson 2009]) об отсутствии у Вергикиоса наследников, претендующих на оставшиеся после его смерти рукописи[7]. Между тем, у того, что в самом конце жизни у Ангелоса Вергикиоса не было наследников, могут быть самые разные объяснения, например, отъезд или смерть его дочери.

В пользу версии Скалигера-Дюканжа говорит то, что на протяжении 30 лет Ангелос Вергикиос при написании рукописей для самых знатных заказчиков всегда пользовался услугами одного и того же художника. И этот человек, как мы показали выше, тоже явно проявил интерес к карте Крита – родине Вергикиоса. Таким образом, речь идет о близком к Вергикиосу человеке.

Примечательно также, что только одна, последняя рукопись Вергикиоса *Paris. gr.* 2526 (https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b11000279k), написанная в 1568 г., осталась без иллюстраций. Поскольку рукопись содержала стихотворения Мануила Фила, ее должны были украшать изображения животных [Peers 2012, p. 82], и Ангелос Вергикиос оставил пустые места для миниатюр, которые так и не были заполнены художником. Соответственно, дочери-наследницы уже не было рядом с ним, и его последняя рукопись осталась без иллюстраций.

---

[7] *Dain A.* La Fille d'Ange Vergèce // Humanisme et Renaissance. 1934. T. 1. No. 1/4. P. 133–144.

Сравнение миниатюр с мифом о рождении Зевса из трех рукописей – небольшой, сугубо частный, но очень показательный пример того, как античный сюжет сохраняется на византийском носителе, датируемом периодом так называемого Македонского Ренессанса, затем прямолинейно копируется в ренессансной Италии и потом радикально модернизируется в ренессансной Франции двумя носителями, писцом и художником, греческой книжной культуры *Byzance après Byzance*.

Источники

Oppianus 2003 – Oppianus Apameensis: Cynegetica. Eutecnius Sophistes: Paraphrasis Metro Soluta / rec. M. Papathomopoulos. München; Leipzig: Bibliotheca Teubneriana, K.G. Saur Verlag, 2003. 258 p.

Литература

Cataldi Palau 1998 – *Cataldi Palau A.* Gian Francesco d'Asola e la tipografia aldina. La vita, le edizioni, la biblioteca dell'Asolano. Genova: Sagep, 1998. 832 p.

Cataldi Palau 2000 – *Cataldi Palau A.* Bartolomeo Zanetti stampatore e copista di manoscritti greci // Η ελληνική γραφή κατά τους 15ο και 16ο αιώνες [Greek writing from the 15th to the 16th century] / éd. S. Patoura. Athens: Institute for Byzantine Research, 2000. P. 83–144.

Gamillscheg, Harlfinger 1981 – *Gamillscheg E., Harlfinger D.* Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 1. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Grossbritanniens. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 227 p. (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik)

Gamillscheg, Harlfinger 1989 – *Gamillscheg E., Harlfinger D.* Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachtrage zu den Bibliotheken Grossbritanniens. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1989. 227 p.

Gamillscheg, Harlfinger, Eleuteri 1997 – *Gamillscheg E., Harlfinger D., Eleuteri P.* Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 3. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Roms mit dem Vatikan. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. 251 p.

Georgopoulou 2001 – *Georgopoulou M.* Venice's Mediterranean colonies: architecture and urbanism. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 400 p.

Hobsbawm 1983 – *Hobsbawm E.* Introduction: Inventing tradition // The invention of tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Renger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.

Jackson 2009 – *Jackson D.-F.* Greek manuscripts of the de Mesmes Family // Scriptorium. 2009. Vol. 63. No. 1. P. 89–121.

Laffitte 2001 – *Laffitte M.-P.* Reliures royales du Département des manuscrits (1515–1559). P.: Bibliothèque nationale de France, 2001. 133 p.

Peers 2012 – *Peers G.* Forging Byzantine animals: Manuel Philes in Renaissance France // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. 2012. Vol. 49. P. 79–103.

Rutkowski, Nowicki 1996 – *Rutkowski B., Nowicki K.* The Psychro cave and other sacred grottoes in Crete. Warsaw: Polish Academy of Science, 1996. 90 p.

Sánchez 2002 – *Sánchez T.S.* Sobre el texto de los Cynegetica de Opiano de Apamea. Cádiz: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Cádiz, 2002. 222 p.

Spatharakis 2004 – *Spatharakis I.* The illustrations of the cynegetica in Venice. Codex Marcianus Graecus Z 479. Leiden: Alexandros Press, 2004. 288 p.

Surace 2024 – *Surace D.* Appunti su copisti greci del Cinquecento: a proposito di Bartolomeo Zanetti, Costantino Rhesinos, Nicola Choniates e Manuele Baclas // Νέα Ῥώμη. Rivista di ricerche bizantinistiche. 2023. Iss. 20. Roma: Università degli studi di Roma "Tor Vergata", 2024. P. 347–363.

Weitzmann 1984 – *Weitzmann K.* Greek mythology in Byzantine art. Princeton: Princeton University Press, 1984. 300 p.

References

Cataldi Palau, A. (1998), *Gian Francesco d'Asola e la tipografia aldina. La vita, le edizioni, la biblioteca dell'Asolano*, Sagep, Genova, Italy.

Cataldi Palau, A. (2000), "Bartolomeo Zanetti stampatore e copista di manoscritti greci", in Patoura, S., ed. Η ελληνική γραφή κατά τους 15ο και 16ο αιώνες [Greek writing from the 15th to the 16th century], Institute for Byzantine Research, Athens, Greece, pp. 83–144.

Gamillscheg, E. and Harlfinger, D. (1981), *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 1. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Grossbritanniens*, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, Austria.

Gamillscheg, E. and Harlfinger, D. (1989), *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachtrage zu den Bibliotheken Grossbritanniens*, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, Austria.

Gamillscheg, E., Harlfinger, D. and Eleuteri, P. (1997), *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 3. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Roms mit dem Vatikan.* Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, Austria.

Georgopoulou, M. (2001), *Venice's Mediterranean colonies: architecture and urbanism*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Hobsbawm, E. (1983), "Introduction: Inventing tradition", in Hobsbawm, E. and Renger, T., eds., *The invention of tradition,* Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 1–14.

Jackson, D.-F. (2009), "Greek manuscripts of the de Mesmes Family", *Scriptorium*, vol. 63, no. 1, pp. 89–121.

Laffitte, M. (2001), *Reliures royales du Département des manuscrits (1515–1559)*, Bibliothèque nationale de France, Paris, France.

Peers, G. (2012), "Forging Byzantine animals: Manuel Philes in Renaissance France", *Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici*, vol. 49, pp. 79–103.

Rutkowski, B. and Nowicki, K. (1996), *The Psychro cave and other sacred grottoes in Crete*, Polish Academy of Science, Warsaw, Poland.

Sánchez, T.S. (2002), *Sobre el texto de los Cynegetica de Opiano de Apamea*, Servicio de Publicaciones de la Universidad de Cádiz, Cádiz, Spain.

Spatharakis, I. (2004), The illustrations of the cynegetica in Venice. Codex Marcianus Graecus Z 479, Alexandros Press, Leiden, Netherlands.

Surace, D. (2024), "Appunti su copisti greci del Cinquecento: a proposito di Bartolomeo Zanetti, Costantino Rhesinos, Nicola Choniates e Manuele Baclas", in *Νέα Ῥώμη. Rivista di ricerche bizantinistiche*, iss. 20, Università degli studi di Roma «Tor Vergata», Roma, Italy, pp. 347–363.

Weitzmann, K. (1984), *Greek mythology in Byzantine art*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Информация об авторе

Марина А. Курышева, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; kurysheva@yandex.ru

Information about the author

Marina A. Kurysheva, Cand. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; kurysheva@yandex.ru

УДК 82-311.8(4+7)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-145-160

Категории пространства и времени в средневековой западноевропейской литературе путешествий

Анна В. Топорова
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), Москва, Россия,
anna.toporova@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется, как функционируют категории пространства и времени в западноевропейской литературе путешествий XIII–XV вв. Будучи основными координатами всякого путешествия, пространство и время, тем не менее, предстают в весьма различном виде в зависимости от жанровой модификации путевых заметок и, главное, от той «культурной роли», которую берет на себя ее автор и которая определяет модальность повествования. Соответственно, в отчетах миссионеров, купеческих записках, хрониках Крестовых походов и дневниках паломников эти категории имеют свои индивидуальные очертания. Анализ сочинений Одорико Порденоне, Джованни да Пьяно дель Карпини, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло, Жоффруа Виллардуэна, Жана де Жуанвиля, Никколо да Поджибонси и других авторов паломнической литературы позволяет сделать вывод о том, что способы представления времени и пространства в средневековой литературе путешествий многообразны, они определяются теми задачами, которые ставит перед собой автор, его социальным статусом, уровнем образования, а также аудиторией, для которой предназначено его сочинение.

Ключевые слова: литература путешествий, категории времени и пространства, литература Средних веков

Для цитирования. *Топорова А.В.* Категории пространства и времени в средневековой западноевропейской литературе путешествий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 145–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-145-160

© Топорова А.В., 2025

Categories of space and time in Medieval Western European travel literature

Anna V. Toporova
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia,
anna.toporova@gmail.com

Abstract. The paper examines the functions of the categories of space and time in the Western European travel literature of the 13th – 15th centuries. Although space and time are primary coordinates of any voyage, they are manifested in different forms depending on the specific genre of travel notes and, more importantly, on the "cultural role' assumed by the author, which determines the modality of their narrative. Thus, within missionary accounts, merchants' notes, chronicles of the Crusades, and pilgrims' diaries, these categories exhibit distinctive characteristics. An analysis of the works of Odorico da Pordenone, Giovanni da Piano del Carpini, William of Rubruck, Marco Polo, Geoffroi de Villehardouin, Jean de Joinville, Niccolò da Poggibonsi, and other authors of travel literature demonstrates that numerous distinct means of representing space and time exist in medieval travel literature. They are determined by the author's aims, social status and education, and the audience to whom the work is directed.

Keywords: travel literature, categories of space and time, medieval literature

For citation: Toporova, A.V. (2025), "Categories of space and time in Medieval Western European travel literature", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 145–160, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-145-160

Пространство и время – это основные категории всякого путешествия, они образуют систему координат, делающую возможной само путешествие. Но эти категории не абсолютны, они определяются эпохой, их формирующей. По словам А.Я. Гуревича, «человек не рождается с "чувством времени", его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [Гуревич 1972, с. 27]. Кроме того, эти категории предстают в весьма различном виде в зависимости от жанровой модификации путевых заметок и, главное, от той «культурной роли», которую берет на себя ее автор и которая определяет цели его повествования. О ее важности пишет М.Г. Шадрина, характеризуя литературный мир путешествия как «слепок действительности,

параметры и качество которого определяются позицией субъекта (путешественника) в объективном мире и той культурной ролью (ученый, купец, посол и т. д.), которую он в этом мире играет» [Шадрина 2003, с. 312].

Важной составляющей жанра путешествий является принцип свободы, выражающийся в следовании автором своей воле в отборе материала и выстраивании фабулы, в модальности описаний [Гуминский 2017, с. 2–7]. Добавим, что проявляется этот принцип и в обращении с категориями времени и пространства. Посмотрим, как представлены эти категории в записках средневековых западноевропейских путешественников.

Отчеты миссионеров

Средневековое христианство имеет отчетливо выраженный миссионерский характер [Гуревич 1972, с. 69], проявлявшийся в стремлении к расширению христианского пространства, к его трансформации из языческого в сакральное. В XIII в. это стремление приобретает конкретные формы миссионерских путешествий на Восток, что связано, в первую очередь, с укреплением и распространением монголо-татарского присутствия. Европейцы боялись военных успехов монголо-татар и страх этот имел основания – с конца 30-х гг. XIII в. началось вторжение на Русь, в 40-е гг. татары нападали на польские и венгерские земли, что послужило поводом для папы Иннокентия IV призвать к христианизации исламского мира (первый Лионский собор, 1245). И сразу же несколько миссионерских групп отправляется в Орду. Людовик IX тоже дважды посылал миссионеров к ханам. Их целью было заключить с татарами политический союз и, если возможно, обратить их в христианство. По возвращении миссионеры составляли отчеты о путешествии. Посмотрим, как в этих сочинениях представлены категории пространства и времени.

Джованни да Пьяно дель Карпине

Джованни да Пьяно дель Карпине – францисканский монах (1180/85–1252), родом из окрестностей Перуджи, ученик св. Франциска Ассизского, отправился в 1245 г. с посольством в Орду. В июле 1246 г. Карпини прибыл в Сыр-Орду, где присутствовал на церемонии избрания великого хана Гуюка, которому он передал папские письма. Его отчет Папе носит название «История монго-

лов, называемых нами татарами» и имеет несколько редакций. Оно состоит из девяти глав, в которых ярко и систематично повествуется о земле татар, о людях, обычаях, нравах, государственном устройстве, войнах, подчиненных странах, о том, как надлежит действовать в сражениях с татарами, о пути в Орду, о дворе императора. Карпини выступает как этнограф, бытописатель, отчасти историк, миссионер, в значительно меньшей степени как путешественник. Поэтому не следует удивляться, что категории пространства и времени маргинальны в его опусе. Строго говоря, они присутствуют лишь в первой и последней главах.

Первый параграф первой главы называется «О положении земли татар», в нем широкими мазками очерчены границы татарских владений:

> «...вышеуказанная страна находится в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же находятся земля китаев, а также земля солангов; к югу – земли сарацин <земля сарацин>; между западом и югом расположена земля уйгур; к западу – область найманов; с севера она омывается водами океана. Одна часть этой страны весьма гористая, а другая – равнинная, но почти вся покрыта гравием, смешанным большей частью с песком. В одной части страны есть небольшие леса, другая же – полностью безлесна» (Карпини 2022, с. 130).

Как мы видим, географическая картина не вполне определенна и уж ни в коей мере не научна. В последней главе Карпини повествует о пути, который он совершил, направляясь к татарам, и о положении земель, через которые проехал. Из нее мы узнаем, вновь в самых общих чертах, о его маршруте – из Лиона через Германию, Богемию, Силезию, Польшу, южную Русь, Хорезм, Семиречье, Тарбагатай он добрался до Сарая и затем Каракорума[1]. Маршрут обозначен пунктирно: как миссионер добирался от одного пункта до другого, какое расстояние их разделяет или какое время требуется, чтобы доехать из одного места до другого, не сказано. Соответственно, и о положении и размерах пересекаемых земель читатель может сделать лишь самые приблизительные выводы. Единичны обозначения типа «три недели быстрого пути», «за шесть дней» (Карпини 2022, с. 189).

[1] Маршрут его путешествия подробно изложен в кн.: *Берг Л.С.* Аральское море: Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908. С. 14–16. (Известия Туркестанского отделения Императорского Русского Географического Общества; т. 5, вып. 9)

Что касается обозначения времени, то, по сути дела, оно отсутствует, во всяком случае, в его абсолютном значении. Лишь в последней главе мы встречаем несколько указаний на церковные праздники – «Затем, в понедельник после Quinquagesima [Прощеного воскресенья], мы уехали с ним, и он сопроводил нас до первой татарской заставы. И когда мы в первую пятницу после Пепельной среды на закате остановились...»; «И в понедельник после первого воскресенья Великого поста мы отправились в путь» (Карпини 2022, с. 174, 176), – которые служат своеобразными временными вехами. И это не потому, что автор живет в «библейском» времени, абстрагируется от светского «времени купцов», а потому, что время не является принципиально важной константой его повествования; время и пространство не образуют для Джованни да Пьяно дель Карпини ось координат, в которую вписывается его повествование. Ему важно не движение в пространстве и времени, а устройство жизни татар, с которыми предстоит или дружить, или воевать христианской Европе. Цель отчета определяет его модальность. Примечательно, что, рассказывая в пятой главе об истории татарской «державы», Карпини не указывает дат, хотя общую историческую канву соблюдает.

Вильгельм де Рубрук

Иную картину мы наблюдаем у Вильгельма де Рубрука (1220–1293), фламандского францисканца, отправившегося в 1253 г. по поручению Людовика IX к сыну Батыя Сартаху. Прибыв из Константинополя в Солдайю (Судак) морским путем, далее он продвигался по суше сначала к Сартаху, который отправил его к своему отцу Батыю, затем за разрешением остаться к Мангу-хану, где он получил отказ. Его маршрут подробнейшим образом описан в его отчете, известном под названием «Путешествие в восточные страны». Рубрук – ученый-миссионер. Географическая, этнографическая, религиозная информация, содержащаяся в его сочинении, представляет несомненный научный интерес. Исследователи пишут об «этнографическом мышлении» Рубрука [Khanmohamadi 2014, pp. 58–59]. Что касается обозначений пространства и времени, то и здесь Рубрук предельно точен и сведущ. Он знаком с географическими данными, содержащимися у Исидора Севильского и Солина, на которых он неоднократно ссылается; он узнает у местного населения названия стран и городов; он беседует с теми, кто ранее побывал в этих местах – и в результате не просто описывает пересекаемые им пространства,

но и сообщает множество ценных сведений, ранее не известных. Так, в частности, он выяснил, что Каспийское море не имеет сообщения с океаном, вопреки утверждениям Исидора («Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это – залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей», – Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук 1911, с. 96).

Его описания пространства отличаются подробностью и систематичностью, это не просто беглые наблюдения путешественника, а почти научный отчет об увиденном. Вот как он представляет Солдайю и Понт:

> «...в лето Господне 1253 г. седьмого мая, въехали мы в море Понта, именуемое в просторечии великим (majus) морем. Как я узнал от купцов, оно имеет в длину 1400 миль и разделяется как бы на две части. Именно около его средины находятся два выступа земли: один на севере, а другой на юге. Тот, который находится на юге, именуется Синополь, и это – крепость и гавань султана Турции; тот, который находится на севере, занят некоей областью, именуемой ныне Латинами Газария; Греками же, живущими в ней по берегу моря, она именуется Кассария, то есть Цезария. И <там> есть некие мысы, выдающиеся в море, именно с юга в направлении к Синополю; между Синополем и Кассарией триста миль, так что от этих выступов считается в направлении к Константинополю семьсот миль в длину и ширину и семьсот в направлении к востоку, то есть к Иверии, которая есть область Георгии. Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона, в котором был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят, руками ангельскими. В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия, который обращен к Синополю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руссии и северных стран и желающие переправиться в Турцию» (Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук 1911, с. 66).

Как мы видим, для Рубрука важно и местоположение, и названия, и расстояния, и форма описываемых территорий. Как правило, он указывает и средства передвижения между разными пунктами – кораблем, в телегах, в крытых повозках, верхом на лошадях, на быках. Отметим, что для каждой земли он сообщает, кто ее населяет, какой веры придерживается, на каком языке говорит.

Подобные географические пассажи мы встречаем на протяжении всего сочинения Рубрука. Создается впечатление, что его интерес к незнакомому пространству не столько практический, как у многих путешественников, желавших оставить своего рода путеводитель для будущих поколений, сколько сугубо исследовательский. И неоднократные ссылки на Исидора дают возможность предположить, что Рубрук стремился подражать его энциклопедизму уже в новых, более благоприятных условиях. Ни у кого из средневековых авторов, описывающих то или иное путешествие, мы не находим столь обширных и точных географических пассажей, как у Рубрука.

Преодоление пространства всегда выражено в единицах времени. У Рубрука присутствует как абсолютное время – лето Господне 1253, седьмое мая, начало путешествия, 21 мая – прибытие в Солдайю, – так и «библейское»:

> «Итак, мы поднимались вдоль Аракса с праздника святого Климента и до второго воскресенья Четыредесятницы, пока не добрались до истока реки. И по ту сторону горы, на которой начинается Аракс, есть хороший город, по имени Аарзерум, принадлежащий турецкому султану; там поблизости начинается Евфрат, в северном направлении, у подошвы гор Кургии <...> С другого бока Кавказских гор, к югу, начинается Тигр» (Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук 1911, с. 171).

Одорико Порденоне

Францисканский монах из Фриули Одорико Порденоне (1265/1285–1331) в 1317 г. отправился с миссионерскими целями в Индию и в Китай по примеру другого известного миссионера Джованни Монтекорвино, за четверть века до того предпринявшего такое путешествие и ставшего впоследствии первым архиепископом Пекина. В Индии Одорико не смог проповедовать из-за плохого отношения к христианам. Он обрел в городе Тхана останки четырех своих собратьев по Ордену, принявших мученическую смерть, и перевез их в Китай, где и захоронил в Зайтоне. По пути, вероятно, побывал на Суматре, Яве, Борнео. До 1328 г. оставался в Китае, в 1330 г. вернулся в Падую.

Отчет о путешествии содержится в его сочинении «О чудесах света» (или «Донесение о чудесах у восточных татар»), которое он продиктовал францисканцу Гульельмо из Соланьи. По этому тексту маршрут путешествия Одорико не выстраивается геогра-

фически. Более того, неизвестно, везде ли он побывал сам или использовал сведения из «Книги» Марко Поло, с которой был знаком. Одорико не путешественник, его не интересует география, пространственные обозначения носят самый общий характер; нередко топонимы переданы в искаженном виде. Есть некоторая доля вероятности, что ответственность за часть ошибок лежит на брате Гульельмо, неверно записавшем названия, что в целом не меняет общей картины, так как цель этого сочинения обозначена в его названии – это рассказ о чудесах, т. е. модальность повествования отнюдь не научная. Ср. некоторые примеры:

> «Сперва я пересек Великое море и прибыл в Трапезунт, который в древности назывался Понтом... <Оттуда> я направился в Великую Армению, в город, который называется Арчерон» (гл. I).
>
> «Из этой страны отправился я на юг и за пятьдесят дней пришел я морем-океаном в некоторую землю, название которой Ламори, и стал я там терять из виду Полярную звезду, ибо ее поглотила земля» (гл. XII).
>
> «Покинув эту страну и плывя к югу по морю-океану, посетил я много островов и стран, и побывал я на одном из островов, который называется Никуверам. Это очень большой остров – в окружности он добрых две тысячи миль, и у мужчин и у женщин здесь собачьи головы» (гл. XVI) (Одорико Порденоне – Thietmar 2004).

В последнем примере, как мы видим, вслед за «географической» информацией сообщается о кинокефалах, что, конечно, значительно снижает уровень достоверности сообщаемых сведений.

Время так же неважно для Одорико, временных указаний очень мало (вроде «времени комплета», т. е. вечерней молитвы) и они, чаще всего, мало информативны, поскольку либо носят общий характер («много дней»), либо если приводится конкретное число, оно не вписывается во временной контекст, который отсутствует. В целом в повествовании нередко нарушается хронологическая последовательность. Очевидно, что подлинно важны и вызывают живой интерес «чудеса», а также миссионерская деятельность, не вписанные в пространственно-временные координаты.

Купеческие записки

В «Книге о разнообразии мира» Марко Поло «культурная роль» купца, безусловно, определяет содержание и тон повествования. Марко не путешественник, а именно купец, предприимчивый, открытый к новому, наблюдательный [Топорова 2024]. Только

Пролог построен как описание путешествия, мотив движения присутствует в нем повсеместно. Это единственная часть «Книги», в которой без труда воспроизводится маршрут Поло; во всяком случае, читатель понимает, из какого пункта в какой двигались путешественники; изредка – сколько времени занимало преодолеть соответствующее расстояние. Вот некоторые примеры:

> «Посоветовались они между собой, да и решили идти в Великое море за наживой да за прибылью. Накупили всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в Солдадию» (Марко Поло 1956, с. 45).
>
> «Пришли они в Солдадию и решили идти далее. И что же? Вышли из города и пустились в путь; по дороге с ними ничего не случилось; так-то они и прибыли к Барка-хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае» (Марко Поло 1956, с. 45).

В основной части «Книги» маршрут становится второстепенным, что, собственно, и отмечают исследователи. Кричли приходит к выводу, что это не книга о путешествии, хотя кое-какие элементы ее присутствуют – в Прологе и в некоторых местах, например, при описании пути в Индию или обратного пути в Венецию [Critchley 1992, p. 110]. Магидович говорит о сложностях восстановить маршрут Поло из-за скудости и неточности сведений, имеющих место в «Книге». По его словам, комментаторы, пытавшиеся выстроить путь следования Поло, должны были опираться на косвенные показания, разбросанные в «Книге», а также на сочинения арабских географов и отчеты католических миссионеров и послов (Марко Поло 1956, с. 20). Это заявление очень важно для понимания той роли, которую категории времени и пространства играют в «Книге» Марко Поло.

Многочисленные названия мест, где побывал Поло, не образуют маршрута, поскольку путь к ним не указан. Иногда обозначается расстояние, в днях или милях, а также направление движения. В целом мотив передвижения слишком общий и имеет функцию организации материала [Larner 1999, p. 69]. Отметим также, что Марко редко пишет о средствах передвижения и сложностях преодоления пространства.

Хроники Крестовых походов

Хроники Крестовых походов тоже можно рассматривать как своего рода описания путешествий, но путешествий очень специфических, имеющих конкретную военную и религиозную цель.

М. Зенк в статье «Зачем надо рассказать о своем путешествии» [Zink 1976] на примере хроник Крестовых походов и дневников паломничества анализирует причины, побудившие авторов этих сочинений рассказать о своем опыте, и приходит к выводу, что в целом их можно объединить в две группы. В одном случае автор исходит из интересов тех, кто совершит аналогичное путешествие в будущем; в другом – он обращен на «презентацию» самого себя и своего окружения (религиозного, рыцарского и т. д.), т. е. элементы итинерария присутствуют не всегда. Не надо забывать и то, что жанры хроники и травелога существенно различаются, первый не предполагает вымысла, он строг и историчен; второй открыт для фантазии и художественных прикрас.

Как во всяком историческом сочинении, в хрониках обозначение времени имеет принципиально важное значение. Так, в «Истории завоевания Константинополя» Жоффруа Виллардуэна, участника четвертого Крестового похода 1204 г., описавшего его по горячим следам, каждая глава содержит, сразу вслед за названием, указание на временной промежуток, например: «Глава 1. Призыв к четвертому Крестовому походу. 1199–1201»; «Глава 2. Договор с венецианцами. Апрель 1201 г.». Каждый этап похода строго привязан к датам. Кроме того, внутри глав присутствуют обозначения времени через религиозные праздники: «В первую неделю Великого поста прибыли к месту своего назначения» (гл. 1); «После Пасхи, ближе к Троице, крестоносцы стали оставлять свои земли» (гл. 4) (Виллардуэн 1993). Здесь обозначения более расплывчатые, но в целом сочетание точности, свойственной историческим сочинениям, и церковного восприятия времени вполне соответствует жанру хроник Крестовых походов. Пространственные указания даны у Виллардуэна широкими мазками, указаны общие направления движения. Ср.: «По пути на юг воины Христовы проехали Бургундию, перевалили горы Альпы (через перевал Мон-Сени), затем пересекли Ломбардию и стали, таким образом, собираться в Венеции» (гл. 4) (Виллардуэн 1993). Конкретные этапы пути, способы преодоления пространства, расстояния автора, как правило, не интересуют; он не путешественник, не паломник, а историк, хронист, и время и пространство для него – это необходимая рамка для выстраивания событий, которые он хочет запечатлеть. Соответственно, никакого субъективного восприятия времени и пространства в его хронике нет.

У Жана де Жуанвиля, сопровождавшего Людовика IX в седьмом Крестовом походе (1248–1254) и написавшего «Жизнь Людовика Святого», где описываются, в частности, события этого похода, мы имеем дело с несколько иным подходом, чем у Виллардуэна.

Сочинение Жуанвиля сочетает в себе характеристики мемуарного жанра и хроники. Цель автора изобразить благочестие короля, справедливость его правления; повествование фокусируется на личных качествах Людовика, проявляющихся в его поступках. В первой же главе он заявляет, что начать он хочет с рассказа «о его мудрых поучениях и богоугодных разговорах» (Жуанвиль 2012). И хотя вторая часть сочинения Жуанвиля посвящена истории военных походов Людовика, личный аспект и здесь соседствует с историческим, если не преобладает над ним. Неудивительно, что некоторые пассажи напоминают сочинения паломников, купцов, отчасти миссионеров – о похоронных обрядах аборигенов, о старце горы, об обычаях бедуинов, о природных «чудесах». Разумеется, такой подход сказывается и на способе представления пространственно-временных характеристик. В первой части своего сочинения Жуанвиль не указывает точных дат, ср. «В середине того времени, когда он занимался делами своих владений, король Людовик так организовывал свой день...», «После возвращения во Францию, король расположился в замке Йер» (гл. 2) (Жуанвиль 2012). Во второй части временные рамки указаны, как и у Виллардуэна, сразу после названия главы. При этом внутри главы время дано через церковный календарь: «...король Людовик родился в день святого Марка Евангелиста, вскоре после Пасхи» (гл. 1) (Жуанвиль 2012). Собственно описание путешествия в Святую Землю через Египет начинается с третьей главы, изображающей плавание к Кипру (таково название главы). Указан год – 1248, далее временные обозначения спонтанные – в Марселе высадились в августе, в Египте высадились в марте 1249 г., для многих этапов путешествия время указано лишь годом и церковными праздниками. Интересно, что историк в Жуанвиле проявляется в указании дат жизни исторических лиц, которых он упоминает – королей, ханов. Пространство, еще в большей степени, чем у Виллардуэна, представлено пунктирно, особенно за пределами европейских земель. Отдельные названия мест, где происходят описываемые события, не создают маршрута, «географическая карта» не вырисовывается. Можно сказать, что агиограф доминирует над историком и путешественником.

Дневники паломничества

Хотя паломничество – это путешествие с религиозными целями, категории времени и пространства в них, скорее, светские, «купеческие», а не «библейские». Причина кроется в их жанровой

природе: выделяют три типа паломнических записок – собственно описание (descriptio), итинерарий и дневниковые записи. Для последних двух разновидностей характерен именно светский подход к обозначению времени и пространства. Как всегда, важна и установка автора, преследуемая им цель – религиозная или светская, точнее, их соотношение; часто это определяется социальным статусом паломника: монах, горожанин-купец, придворный.

В дневниках паломничества, построенных как итинерарий, время и пространство обозначены с предельной точностью, которая современному читателю может показаться избыточной и утяжеляющей повествование. Но здесь надо иметь в виду цель этих сочинений – послужить своего рода путеводителем для будущих паломников, в которых маршрут должен быть изложен предельно точно, буквально по шагам. Та же скрупулезность в указании размеров и расстояний присутствует и при описании святынь. Обязательным элементом таких сочинений является обозначение времени паломничества и его маршрута. Также указывается способ преодоления пространства – пешком, на корабле, на осле, на верблюде. Степень подробности варьируется от описания к описанию. Некоторые авторы обозначают маршрут пунктирно, другие – в малейших деталях, сообщая информацию о подходящих портах, морских путях, дорогах, вплоть до указания, сколько шагов надо пройти в Иерусалиме от одной святыни к другой и куда надо повернуть (уподобляясь в этом современным путеводителям). Так, особой склонностью к точности и энциклопедичности отличается дневник Никколо Поджибонси «Заморская книга» (1346–1350). В нем указываются не только точные или претендующие на точность сведения, необходимые для передвижения паломников: «Когда вы выходите из Иерихона, чтобы отправиться в Дамаск, надо идти все время между востоком и западом. В восьми милях от Иерихона находится строение, и там надо заплатить дань по полдрахмы с человека; идя по равнине, на расстоянии мили от реки Иордан, и пройдя так десять миль, рядом с мостом через Иордан на холме вы увидите дом»[2]. Алессандро Риннуччини тоже подробно излагает свой маршрут, сообщая названия населенных пунктов, время, которое занимает, чтобы добраться от одного до другого, расстояние между ними, скорость передвижения. Другие авторы ограничиваются просто обозначением населенных пунктов, через которые пролегает их маршрут, иногда указывая даты пребывания в них (как и подобает в дневниковых записях). Нередко священная

[2] *Никколо да Поджибонси*. Заморская книга / пер., коммент., вступ. ст. А.В. Топоровой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие. (В печати)

история вплетена в светскую, а время историческое сливается с церковным. Ср.: «Выехал я, Лионардо ди Никколо Фрескобальди, из своего имения августа в 9 день 1384, в канун блаженного господина святого Лаврентия, и отправился оттуда во Флоренцию»; или: «Затем ноября в XIX день мы тронулись из Газеры, чтобы идти в Землю обетованную, оставив с левой руки равнину города Рамы, где Самсон побил великие тысячи Филистимлян ослиною челюстью, как рассказывает Библия»[3] (Путевые записки 1982). Или у Сиголи: «Мы отправились из Флоренции сказанного года августа в 13 день, чтобы итти в Венецию, и прибыли туда сказанного месяца в 18 день, и затем сентября в 4 день, в воскресенье ночью по милости Божией подняли паруса, начав наш путь. И шли в продолжение четырех дней, как ночью Владычицы Нашей сентябрьской попали мы в величайшую бурю; и было это против морского жерла, пролива, который называется Карнаро, и по праву так его именуют, потому что это самое что ни на есть опасное место, и тянется он на 120 миль» (Путевые записки 1982).

У Джорджо Гуччи преобладает дневниковый тип записей, и в них также подробно фиксируются даты и топонимы, ср.:

> «Выехали мы из Флоренции месяца августа в XII день, года Господня тысяча триста восемьдесят четвертого, намереваясь итти путешествием к Святой Екатерине и к горе Синайской и ко святому и священному Гробу Христову, и к иным богочестным и святым местам. И в воскресение утром, сказанного месяца в XIV день мы прибыли в Болонью, и потом, сказанным же днем, откушав, выехали из Болоньи; и сказанного месяца в XV день, день Владычицы нашей, прибыли мы в Феррару и сказанным же днем из Феррары выехали. И сказанного месяца в XVII день мы прибыли в город Венецию, в каковом месте по непогоде и противным ветрам пробыли девятнадцать дней; и затем в воскресение, сентября в IV день, откушав, поднялись мы на корабль, на новую кокку, чтобы итти нашим путем в Александрию, и сказанною ночью мы поставили паруса и почти за восемь дней пришли к Модоне, которая от Венеции милях в С. И по противным ветрам несколько дней простояли в Модоне, и сказанного месяца в XIV день, от невозможности итти далее, пристали мы к одному острову подле Модоне в CXXX милях, который зовется Лиспанто, или же Джианто; в каковом месте пробыли до утра воскресения, до XVII дня сказанного месяца. И сказанным днем в ранний час отбыли, и пришли вечером в расстояние от Модоне X миль; и потом сказанного месяца в XIX день подошли

[3] URL: https://www.rulit.me/books/putevye-zapiski-italyanskih-puteshestvennikov-xiv-v-read-642358-1.html

к пристани Модоне и высадились на берег, где пробыли до вечера вторника, сказанного месяца XX дня: и сказанным вечером возвратились на корабль, и в среду, сказанного месяца в XXI день подняли паруса. И обогнули по пути остров Крит, и прибыли в Александрию в два часа ночи: считается от Венеции до Александрии около двух тысяч миль. Простояли мы у пристани всю ночь, и потом в среду, сказанного месяца в XXVIII день, около третьего часа, пошли в Александрию, в дом консула, который принимает паломников» (Путевые записки 1982).

А в светском дневнике паломничества Лукино даль Кампо, секретаря феррарского герцога Никколо д' Эсте, даты и топонимы указаны кратко, в качестве обязательного компонента сочинений этого жанра. Главная цель этого описания – прославление герцога и его двора, изображение придворно-рыцарского этикета, поэтому категории времени и пространства выступают здесь как второстепенные.

Как мы видим, способы представления времени и пространства в средневековой литературе путешествий многообразны, они определяются той «культурной ролью», которую берет на себя автор, стоящими перед ним целями и аудиторией, для которой предназначено его сочинение.

Источники

Виллардуэн 1993 – *Виллардуэн Ж., де*. Завоевание Константинополя / пер., примеч. М. Заборова. М.: Наука, 1993. 304 с. (Памятники исторической мысли) URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext1.htm (дата обращения 20.01.2025).

Жуанвиль 2012 – *Жуанвиль Ж., де*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / пер., примеч. Г. Цибулько, Ю. Малинина. М.: Евразия, 2012. 400 с. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Jean_Juanvil/text1.phtml?id=11253 (дата обращения 20.01.2025).

Иоанн де Плано Карпини. Вильгельм де Рубрук 1911 – *Иоанн де Плано Карпини*. История монгалов; *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. 232 с. (Переиздание: *Джиованни дель Плано Карпини*. История монгалов; *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / пер. А.И. Малеина. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957).

Карпини 2022 – *Карпини Д. да П.* История монголов: текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. латинского текста П.В. Лукина; пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина; коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; вступит. ст. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2022. 382 с.

Марко Поло 1956 – Книга Марко Поло / пер. И.П. Минаева. Вступит. ст. И.П. Магидовича. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1956. 376 с.

Одорико Порденоне – *Одорико Порденоне*. О чудесах света // Сетевая версия – Thietmar. 2004. Библиотека сайта XIII в. URL: https://vostlit.narod.ru/Texts/rus7/Odoriko/text1.htm (дата обращения 20.01.2025). Текст воспроизводится по изд.: После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / пер. Я.М. Света. М.: Наука, 1968. С. 170–195. Не переведенные Я.М. Светом места указаны в угловых скобках.

Путевые записки 1982 – Путевые записки итальянских путешественников XIV в. Фрескобальди, Лионардо ди Никколо; Сиголи, Симоне; Гуччи, Джорджо / Пер. Н.В. Котрелева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982. С. 9–113. URL: https://www.rulit.me/books/putevye-zapiski-italyanskih-puteshestvennikov-xiv-v-read-642358-1.html (дата обращения 20.01.2025).

Литература

Гуминский 2017 – *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 608 с.

Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972. 322 с.

Топорова 2024 – *Топорова А.В.* «Книга о разнообразии мира» Марко Поло – средневековый травелог? // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну. 2024. № 1 (1). С. 156–175.

Шадрина 2003 – *Шадрина М.Г.* Эволюция языка путешествий: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 396 с.

Critchley 1992 – *Critchley J.* Marco Polo's book. L.; N.Y.: Routledge, 1992. 240 p.

Khanmohamadi 2014 – *Khanmohamadi Sh.A.* In light of another's world: European ethnography in the Middle Ages. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2014. 216 p.

Larner 1999 – *Larner J.* Marco Polo and the discovery of the world. New Haven; L.: Yale University Press, 1999. 250 p.

Zink 1976 – *Zink M.* Pourquoi raconter son voyage? Débuts et prologues d'une chronique de la Croisade et de deux itinéraires de Terre Sainte // *Voyage, quête, pèlerinage* dans la littérature et la civilisation médiévales. Aix-en-Provence, Presses universitaires de Provence, 1976. P. 237–254.

References

Critchley, J. (1992), *Marco Polo's book,* Routledge, London, UK, New York, USA.

Guminsky, V.M. (2017), *Russkaya literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [Russian travel literature in the international historical and cultural context], IMLI RAN, Moscow, Russia.

Gurevich, A.Ya. (1972), *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval culture], Nauka, Moscow, USSR.

Khanmohamadi, S.A. (2014), *In light of another's world: European ethnography in the Middle Ages*, University of Pennsylvania Press, Pennsylvania, USA.

Larner, J. (1999), *Marco Polo and the discovery of the world*, Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.

Shadrina, M.G. (2003), *Evolyutsiya yazyka puteshestvii* [Evolution of travel language], D. Sc. Thesis (Philology), Moscow, Russia.

Toporova, A.V. (2024), "Is Marco Polo's *Book on the Diversity of the World* a Medieval travelogue?], *HSE University Journal of Art & Design*, vol. 1, no. 1, pp. 156–175.

Zink, M. (1976), "Pourquoi raconter son voyage? Débuts et prologues d'une chronique de la Croisade et de deux itinéraires de Terre Sainte", in *Voyage, quête, pèlerinage dans la littérature et la civilisation médiévales,* Presses universitaires de Provence, Aix-en-Provence, France, pp. 237–254.

Информация об авторе

Анна В. Топорова, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; anna.toporova@gmail.com

Information about the author

Anna V. Toporova, Dr of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia; 25a, Povarskaya St., Moscow, Russia, 121069; anna.toporova@gmail.com

УДК 82-1(44)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-161-173

Топос «иного мира» в средневековых французских поэмах о рождении Рыцаря с лебедем

Ольга В. Попова
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две версии старофранцузской поэмы XIII в. «Рождение Рыцаря с лебедем», входящей в цикл о Первом крестовом походе, с точки зрения воплощения топоса «иного мира». В типологически более ранней версии «Элиокса» упоминается относительно определенная локализация королевства отца Рыцаря с лебедем, в то время как чертами «иного», чудесного мира, наделяется пространство, из которого приходит мать героя (гора, у подножия которой располагается источник). Действие поэмы «Беатрикс», сложившейся на более позднем этапе бытования сюжета, напротив, разворачивается в чудесном мире – сказочном королевстве на острове, окруженном морем.

В статье показана семантическая близость таких локусов как гора (у подножия которой могут быть расположены река или источник и на вершине которой может находиться замок) и остров (на котором располагается гора или замок). С этой целью рассматривается сюжет о Мелюзине, который сформировался примерно в то же время, что и «сюжет о Рыцаре с лебедем», и имеет с ним ряд сюжетных параллелей, а также романы Артуровского цикла, в которых топос «иного мира» включает в себя описание как горы, так и острова.

Делается вывод, что выбор одного из вариантов воплощения топоса «иного мира» зависит от того, где разворачивается действие – в самом сакральном мире или на границе «иного» и условно «исторического» миров. В поэме «Элиокса» мать Рыцаря с лебедем, спустившись с горы, покидает «иное» пространство и вступает в брак со смертным. Поскольку на относительно позднем этапе бытования «сюжета о Рыцаре с лебедем» сакральной природой наделяется сам герой и оба его родителя, в поэме «Беатрикс» «иной мир» описывается как остров, на котором расположен королевский замок и другие значимые для сюжета локусы.

Ключевые слова: средневековая литература, героический эпос, рыцарский роман, Артуровский цикл, Рыцарь с лебедем, Лоэнгрин, Мелюзина, Фея Моргана, Персеваль, «Жауфре», «Флориант и Флорета», топос «иного мира»

© Попова О.В., 2025

Для цитирования: *Попова О.В.* Топос «иного мира» в средневековых французских поэмах о рождении Рыцаря с лебедем // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 161–173. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-161-173

The topos of the "other world" in Medieval French poems about the birth of the Swan Knight

Olga V. Popova
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
popova.olga13w@mail.ru

Abstract. The article examines the topos of the "other world" in two versions of the 13th-century Old French poem "La Naissance du Chevalier au Cygne", which is part of the cycle concerning the First Crusade. The typologically early version "Elioxe" refers to a relatively specific location of the kingdom of the father of the Swan Knight; at the same time, the space from which the hero's mother originates – specifically, a mountain where a fountain is situated – possesses the attributes of the "other", wondrous world. The action of the poem "Béatrix", which developed at a later stage in the plot's existence, conversely unfolds in a remarkable world – a fairy-tale kingdom on an island surrounded by the sea. The article shows the semantic proximity of locations such as a mountain (at the foot of which a river or a fountain can be found and on the summit of which a castle can be situated) and an island (on which a mountain or a castle is located). The author of the article complements her analysis by examining the plot of Melusine, which emerged around the same time as the "plot of the Swan Knight" and shares several plot parallels with it, as well as the Arthurian novels that feature the topos of the "other world", including a description of both a mountain and an island. The choice of one of the options for embodying the topos of the "other world" relies on the setting of the action: whether it occurs in the sacred realm itself or at the boundary between the "other" and conditionally "historical" worlds. In the poem "Elioxe", the mother of the Swan Knight, having descended from the mountain, leaves the "other" space and marries a mortal. In the poem "Béatrix", which represents a relatively late stage in the existence of the "plot of the Swan Knight", both the hero and his parents are endowed with a sacred nature, and the "other world" is depicted as an island on which the royal castle and other significant locations for the plot are situated.

Keywords: medieval literature, heroic epic, chivalric romance, Arthurian Romance, The Swan Knight, Lohengrin, Melusine, Morgan le Fay, Perceval, "Jaufre", "Floriant et Florete", topos of the "other world"

For citation: Popova, O.V. (2025), "The topos of the 'other world' in Medieval French poems about the birth of the Swan Knight", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 161–173, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-161-173

Сюжет о герое, называемом Рыцарем с лебедем, а также известном в разных национальных традициях под именами Элиас, Эниас, Лоэрангрин, Лоэнгрин и Лоренгель, получил широкое распространение на территории средневековой Европы. Многочисленные источники свидетельствуют о его особенной популярности на севере Франции и в немецких землях. По всей видимости, в XIII в. Рыцарь с лебедем воспринимался прежде всего как герой, путешествующий по воде в ладье, влекомой лебедем, который прибывает из «иного мира» и вступает в брак с представительницей знатного рода, но покидает ее после того, как она нарушает запрет – задает вопрос о его происхождении. Кроме того, Рыцарь с лебедем считался прародителем одной из славных династий: так, во французских *chanson de geste*, входящих в эпический цикл о Первом крестовом походе, он выступает в качестве предка Готфрида Бульонского, а позднее уже в немецкой традиции к нему возводят свой род представители династий графов Клевских и герцогов Брабантских, родственных Булонско-Бульонскому дому [Peters 1999, p. 199].

Если немецкие поэты заимствуют из старофранцузских источников только рассказ о главном подвиге и женитьбе героя, то памятники, созданные во французских землях, включают в себя повествование о его рождении и юношеских деяниях, а также о возвращении в родное королевство после расставания с женой, последней встрече с ней и смерти. Причем, вероятнее всего, в устной эпической традиции в первую очередь получил распространение сюжет о рождении Рыцаря с лебедем, имеющий фольклорный генезис и восходящий к сказке о детях-лебедях, а затем были сложены его «продолжения».

Героические жесты, в которых нашли отражение сюжетные блоки о рождении, главном подвиге и смерти Рыцаря с лебедем, в издательской и исследовательской традиции принято обозначать как «Рождение Рыцаря с лебедем» (*La Naissance du Chevalier au Cygne*), «Рыцарь с лебедем» (*Le Chevalier au Cygne*) и «Конец Элиаса» (*La Fin d'Elias*). При этом поэма о рождении героя известна в двух вариантах, называемых «Элиокса» (*Elioxe*) и «Беатрикс» (*Béatrix*) в соответствии с именем героини, которая становится матерью Рыцаря с лебедем [Nelson 1977]. Вывод о последовательности сложения поэм представляется возможным сделать на основании

их сюжетных особенностей. По всей видимости, на раннем этапе сложился сюжет «Элиоксы», сохранивший ряд архаических черт, затем он был продолжен рассказом о главном подвиге героя, отправившегося в путешествие в ладье, влекомой лебедем, после чего сюжетный блок о рождении Рыцаря с лебедем по каким-то причинам подвергся трансформации и появилась поэма «Беатрикс». Уже с опорой на сюжеты «Беатрикс» и «Рыцаря с лебедем» была сложена поэма о смерти героя «Конец Элиаса». Именно в таком виде «сюжет о Рыцаре с лебедем» был включен в более позднюю поэму XIV в. «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский», обретя свой окончательный и наиболее полный вид.

Таким образом, в процессе постепенного формирования «сюжета о Рыцаре с лебедем» поэма о его чудесном рождении была по-новому пересказана французскими жонглерами. Обе версии восходят к сказочному сюжету и включают в себя общие мотивы: рождение семерых детей с волшебными цепочками на шее, кража детей свекровью, лишение их цепочек и превращение в лебедей, возвращение им человеческого облика и восстановление справедливости. Отец чудесных детей также неизменно представляется королем далекой страны.

Вместе с тем в поэмах «Элиокса» и «Беатрикс» присутствуют существенные сюжетные различия, связанные в том числе с пространственной организацией и, в частности, воплощением топоса «иного мира». Их создатели выбирают разные локусы: это гора, подножие которой омывает источник, и остров, окруженный морем. В данной статье мы ограничимся сопоставлением двух версий поэм о рождении Рыцаря с лебедем XIII в. и постараемся определить, по какой причине произошла подобная «замена».

Несмотря на то что в поэме «Рыцарь с лебедем» появление героя в герцогстве Бульонском представлено как его прибытие из «иного» мира в мир «исторический», в типологически более ранней поэме «Элиокса» королевство, в котором родился будущий Рыцарь с лебедем, его братья и сестра, не представляется как чудесная или сказочная страна. Напротив, ее название – Венгрия, – вероятно, было знакомо аудитории. При этом черты «иного», чудесного мира получает пространство, из которого происходит мать чудесных детей Элиокса. Согласно сюжету, король Лотар встречает ее во время охоты: он преследует оленя и с наступлением сумерек не может найти ни одного жилища для ночлега (*ne maison ne voit nule u il puist herbergier*), после чего останавливается у подножия горы (*mont*, *montaigne*) и засыпает у источника (*fontaine*). Элиокса спускается с горы, находит спящего короля и укрывает его своим плащом. Описание местности, в которой происходит встреча будущих супругов,

включает в себя ряд характерных черт “locus amoenus”: зеленые деревья, цветущий луг, журчащий источник, легкий ветерок [Курциус 2020, с. 311]. Олень в этом эпизоде наделяется характерной для эпико-романной традиции функцией проводника, благодаря которому смертный встречает деву, обладающую сакральной природой [Thiébaux 1974, p. 105].

Общение персонажей в поэме «Элиокса» происходит на границе двух миров, причем для самой героини пересечение границы не представляет сложности. Для короля Лотара же вход в «иной мир» закрыт: в тексте поэмы говорится, что гора была такой высокой, что он не смог бы взойти на нее ни пешком, ни верхом. В то же время гора Элиоксы не представляется как чужое, дикое пространство. Напротив, героиня описывается как знатная дама, внешность и поведение которой отвечает куртуазным идеалам. Кроме того, Элиокса, очевидно, очень богата: приняв предложение Лотара, она зовет слугу, тот спускается с горы, затем по ее приказу возвращается на гору и приносит принадлежащие ей сокровища. Благодаря этим деталям создается впечатление, что чудесный мир ничем не отличается от мира, находящегося за его пределами, за исключением того, что его границу могут пересекать только персонажи, принадлежащие сакральному пространству.

После сложения второй поэмы цикла – «Рыцарь с лебедем», в которой рассказывается о главном подвиге и женитьбе героя, представления о семантике пространства, в котором разворачивается действие, претерпевают изменения. Согласно сюжету, герой прибывает в герцогство Бульонское по реке, мотив водных странствий вызывает ассоциацию с представлением о пересечении границы между мирами, вследствие чего акцент переносится с сакральной природы матери главного героя на его собственную функцию божественного посланника. Основным местом действия в этой жесте становится город Бульон, которому противопоставлен «иной», чудесный мир Рыцаря с лебедем.

Поэма «Беатрикс» сложилась позднее, чем жеста «Рыцарь с лебедем», и в ней отражена «пространственная перспектива», характерная для относительно позднего этапа бытования сюжета: основным местом действия становится чудесный мир – сказочное королевство Лилефорт (*l’Illefort*), расположенное на острове и окруженное морем (*en une ille de mer*). Само название королевства означает «могучий остров». Поскольку сказочному миру в этой поэме изначально принадлежат и мать, и отец Рыцаря с лебедем, мотив их встречи в лесу на границе двух миров в повествование не включается. Если в «Элиоксе» персонаж иной природы спускается с горы в мир смертных и дети рождаются за пределами «иного

мира», то в «Беатрикс» рождение Рыцаря с лебедем, его братьев и сестры происходит в сакральном пространстве, отделенном от пространства «исторического» водным рубежом.

Оба варианта воплощения топоса «иного мира» – гора, у подножия которой течет источник, и сказочный остров, расположенный в море, – предполагают наличие водной границы, которая традиционно ассоциируется с границей между мирами. Водный рубеж, знакомый аудитории по мифам, является наиболее распространенной маркировкой «иной реальности» в средневековом романе [Абрамова 2022b, с. 36]. Гора в эпико-романной традиции также нередко воспринимается как “locus horribilis”, мир смерти; если же ее описание включает в себя упоминание деревьев и бьющего у подножия горы источника, можно говорить о чертах “locus amoenus”, которые мы и видим в «Элиоксе» [Boutet 2000, p. 232]. Ассоциация гористой местности с «иным миром», вероятно, обусловлена тем, что это безлюдное пространство, т. е. локус, который противопоставляется привычной человеческой реальности [James-Raoul 2000, p. 256].

Французский исследователь К. Лекуте, говоря о средневековой литературе в целом, соотносит все три локуса, которые мы затрагиваем в этой статье, – море, лес и гористую местность – с представлениями о сакральном мире, так как это дикие, безлюдные пространства, противостоящие цивилизации [Lecouteux 2008, p. 109]. Поскольку в процессе эволюции «сюжета о Рыцаре с лебедем» представление об «ином мире» как острове, окруженном морем, «вытесняет» представление о нем как о горе, находящейся в пустынном лесу вблизи источника, для нас представляют интерес памятники, в которых присутствует не один из этих локусов, а несколько, либо предполагается их семантическая близость.

Внимания в первую очередь заслуживает сюжет о Мелюзине, распространенный во Франции в XII–XIV вв. на той же языковой территории, что и «сюжет о Рыцаре с лебедем». Сюжет о Мелюзине также представляет собой генеалогическую легенду о происхождении знатного рода: если Рыцарь с лебедем представляется предком Готфрида Бульонского, предводителя Первого крестового похода и правителя Иерусалима, то от Мелюзины, согласно легенде, берет начало род Лузиньянов, один из представителей которого, Ги де Лузиньян, также правил Иерусалимским королевством.

В романной версии Жана из Арраса конца XIV в. «иной мир» представляется и как гора, и как остров[1]. Как и в поэмах о рождении Рыцаря с лебедем, в романе о Мелюзине топос «иного

[1] *Arras J.* Melusine / préface par M.Ch. Brunet. P.: P. Jannet, 1854. 432 p.

мира» связан с пространством, из которого происходят персонажи, в данном случае женские – это сама Мелюзина и ее мать Прессина. В рассказе о встрече будущих родителей Мелюзины присутствуют два мотива, сближающих роман с «Элиоксой»: охота в лесу и встреча у источника. Согласно сюжету, король Элинас встречает свою будущую супругу Прессину в лесу на берегу моря (*en une forest prez de la marine*) у источника (*fontaine*). А после того, как он нарушает данную ей клятву, Прессина вместе с дочерьми удаляется на остров «Авалон, называемый Потерянным островом» (*Avalon, nommée l'Isle-Perdue*). В свою очередь, Авалон ассоциируется с высокой горой (*montaigne haulte*), на которую героиня каждое утро приводит своих дочерей, чтобы показать королевство, в котором они родились. В данном случае героиня и ее дочери, вернувшиеся в сакральный мир, не спускаются с горы навстречу смертному, а напротив, поднимаются на ее вершину, поскольку действие происходит внутри сакрального пространства.

Наконец, встреча Раймондина с Мелюзиной также происходит у источника (*fontaine*) во время охоты. Местом встречи является не королевство Раймондина, а «страна, в которой высокие леса и высокие горы» (*pays par les haultes forestz et les haultes montaignes*), что можно рассматривать как указание на сакральное происхождение Мелюзины. Следовательно, в романе Жана из Арраса оно ассоциируется и с гористой местностью, в которой бьет источник, и с островом Авалон, на котором расположена высокая гора.

Повествование о встрече Мелюзины и Раймондина включает в себя и другие два мотива, присутствующие в «Элиоксе»: наступление сумерек и сон героя. Раймондин, как и король Лотар, долго не может найти ночлег и засыпает на лошади, которая приводит его к Мелюзине. Исследователи указывают на то, что появление феи, приносящей изобилие, может ассоциироваться с ночью [Lecouteux 1998]. Однако в данном случае подобные мотивы скорее связаны с представлениями о том, что путь в «иной мир» не должен быть известен смертному: в «Элиоксе» сон лишает Лотара знания о том, откуда появилась его возлюбленная, а Раймондин в романе о Мелюзине по причине сна не знает, какая дорога привела его к границам двух миров.

Мотивы, присутствующие в романе о Мелюзине Жана из Арраса, можно увидеть в романном цикле о поисках Святого Грааля (*La Queste du Saint Graal*), сложенном в XIII в.[2], а именно в истории

[2] La queste del Saint Graal : Roman du XIII siècle / ed. par A. Pauphilet. P.: Librairie ancienne honoré Champion, éditeur Edouard Champion, 1923. 301 p.

о Персевале, оказавшемся на безлюдном острове (*isle*), окруженном морем (*mer*). Как говорится в тексте, в середине острова возвышается гора, называемая "*roche*" и "*montaigne*". Как и в «Элиоксе» и истории Раймондина в романе о Мелюзине, на остров героя приносит лошадь. Однако если создатели названных выше памятников стремились представить забытье, в котором пребывает смертный, как естественный сон, вызванный темным временем суток и усталостью, то в повествовании о Персевале появляются фантастические мотивы: он получает волшебную лошадь, которая и переносит его на остров, сам же герой пребывает в забытьи. В остальном описание острова, на котором расположена гора, в этом памятнике можно сопоставить с представлениями об Авалоне, на который в романе о Мелюзине удаляется после предательства своего мужа Прессина. В обоих случаях персонажи пересекают границу «иного мира», но если для существа иной природы переход в сакральное пространство не представляет сложности, то для героя рыцарского романа он обретает характер приключения.

Семантическое сближение таких локусов как гора и остров, которые ассоциируются с «иным миром», можно увидеть и в других романах Артуровского цикла. Местом пребывания самого короля Артура после получения им смертельной раны в средневековых источниках называется как остров Авалон, и как гора Жибель (*Gibel* – арабское название горы Этна, буквально переводимое как «гора»). Так, сведения о том, что король Артур должен исцелиться от смертельной раны на острове Авалон, содержатся в хронике Гальфрида Монмутского «История королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*), а представление о пребывании Артура на горе Этна – в «Книге чудес» (*Livre des Merveilles*) Гервазия Тилберийского [James-Raoul 2000, p. 281], т. е. в определенном контексте гора и остров могут заменять друг друга.

Гора Жибель как обиталище феи Морганы упоминается в старофранцузском романе «Флориант и Флорета» (*Floriant et Florete*) конца XIII в.[3] Встрече Флорианта с персонажем иной природы, как и в «Элиоксе» и романе о Мелюзине, предшествуют мотивы охоты и преследования оленя. Здесь, в отличие от названных источников, олень приводит героя не к границе двух миров, а непосредственно в замок (*chastel*) Морганы, который стоит на горе Жибель (*Mongibel*). Флориант узнает от Морганы, что вскоре в ее замке окажется король Артур, получивший смертельную рану.

[3] Floriant et Florete: a metrical romance of the 14th century / ed. by F. Michel from the unique manuscript at Newbattle Abbey. Edinburgh: R & R Clark, 1873. 296 p.

Фея Жибеля, ассоциированная с Феей Морганой и увлекающая героя в потусторонний мир, также является персонажем окситанского романа «Жауфре» (*Jaufre*) второй половины XIII в., имеющего пародийный характер, но вместе с тем содержащего многочисленные отсылки к более ранним романам Артуровского цикла[4] [Абрамова 2022а]. Встреча с феей происходит у лесного источника (*fontana*), но королевство Морганы, несмотря на то что сама она названа Феей Жибеля (*fada del Gibel*), находится не на возвышенности, а под водой. Причем описание подводного мира во многом схоже с описанием сакрального пространства в романе «Флориант и Флорета»: в нем располагается замок (castel), в котором живут рыцари и дамы.

Опираясь на классификацию Лоуренса Харф-Лэнчера, Ж. Ле Гофф разделяет прототип фей-возлюбленных, приносящих счастье, к которым восходит образ Мелюзины, и прототип фей, заманивающих своего супруга или любовника в иной мир, представительницей которых является Моргана [Ле Гофф 2011, с. 143]. Действительно, в двух последних рассмотренных нами романах, где упоминается Фея Моргана, «иной мир» описывается «изнутри», поскольку герой переходит рубеж, разделяющий два мира. В романе «Флориант и Флорета» сакральное пространство расположено на вершине горы, в романе о Жауфре существительное «гора» содержится в названии королевства. В повествовании о Прессине в романе о Мелюзине и истории Персеваля в «Поисках Святого Грааля» персонажи также пребывают некоторое время «внутри» сакрального пространства, которое описывается как гора, расположенная на острове. С другой стороны, Лотар в «Элиоксе» и мужские персонажи в романе о Мелюзине берут в жены представительницу «иного мира», не пересекая границу двух миров – в подобных случаях встреча героев традиционно происходит вблизи источника в гористой местности или на берегу моря.

Поскольку описание «иного мира» в поэмах о рождении Рыцаря с лебедем обнаруживает много сходств с романами Артуровского цикла, можно предположить, что оно было заимствовано из романной традиции или, что более вероятно, восходит к тем же источникам. Бретонские романы имеют глубокие корни в литературе и фольклоре кельтов [Мелетинский 1983, с. 39], поэтому можно согласиться с исследователями, утверждающими, что представления об «ином мире» как о горе или острове восходит к кельтским мифологическим поверьям. В кельтских сказаниях присутствуют

[4] Jaufré: Roman Arthurien du XIII[e] siècle en vers provençaux / ed. by C. Brunel. P.: Société des Anciens Textes français, 1943. T. 1. 215 p.

оба варианта воплощения топоса «иного мира». С одной стороны, это далекие острова за океаном, Страна Вечной Юности, которой правит Мананнан (подобное представление нашло отражение в «Плавании Брана») [Brekilien 1981, p. 56]. С другой стороны, кельтский потусторонний мир, называемый Сид (куда ушел народ туатов после того, как проиграл битву сыновьям Миля), находится под землей, а точнее – внутри гор и холмов [Brekilien 1981, p. 199; James-Raoul 2000, p. 262].

В эпико-романной традиции можно встретить сюжеты о пребывании персонажа внутри горы (так, в романе о Мелюзине главная героиня и ее сестры заключают в гору своего отца). Однако представления об «ином мире» в рассмотренных нами источниках связаны скорее с пребыванием не внутри, а на вершине горы. Кроме того, в романе «Флориант и Флорета» потусторонний мир, представляющий собой замкнутое, ограниченное пространство, ассоциирован с замком, расположенным на горе, что, по всей видимости, объясняется влиянием куртуазной культуры и повседневного быта: как известно, средневековые замки чаще всего строились на возвышенности и окружались рвом с водой. Нельзя исключать, что несмотря на отсутствие упоминания водной границы, аудитория «считывала» ее в тех случаях, когда «иной мир» описывался как рыцарский замок.

Возвращаясь к более поздней версии поэмы о рождении Рыцаря с лебедем «Беатрикс», отметим, что чудесный мир, из которого происходит герой, описывается не просто как морской остров, а как остров, на котором расположен королевский замок (*castel*). Действие этой поэмы разворачивается в пределах границ «иного мира», сказочного королевства, которым правят отец и мать Рыцаря с лебедем – Ориант и Беатрикс. В поэме упоминается несколько локусов, каждый из которых имеет определенную сюжетную функцию: замок, в котором рождаются чудесные дети и долгое время находится в заточении их мать, несправедливо обвиненная в адюльтере; лес, куда злая свекровь приказывает отнести детей и где их воспитывает отшельник; наконец, озеро вблизи замка, на котором живут дети, превратившиеся в лебедей. Замок в поэме «Беатрикс» условно можно сопоставить с замком Феи Морганы в романе «Флориант и Флорета».

В свете рассмотренных источников представляется вполне логичным, что гора в поэме «Элиокса», на вершине которой, по всей видимости, располагается замок героини, невидимый и недосягаемый для смертного, в поэме «Беатрикс» «подменяется» островом, на котором стоит замок. С одной стороны, вследствие наличия водного рубежа гора, окруженная водой, и остров в море

воспринимались средневековыми поэтами как семантически близкие локусы. С другой – даже когда «иной мир» представлялся им как остров, на нем, как правило, должны были располагаться гора или замок.

Можно заключить, что в средневековых памятниках, созданных в русле куртуазной традиции, наиболее частотными вариантами воплощения топоса «иного мира» являются гора, омываемая источником (или гора, на вершине которой находится замок) и остров, на котором располагается гора или замок. Эти варианты воспринимаются как семантически близкие и в некоторых случаях могут друг друга заменять, как и происходит в двух версиях поэмы о рождении Рыцаря с лебедем. Выбор одного из них зависит от того, где разворачивается действие – в пределах границ сакрального мира или на границе «иного» и условно «исторического» миров. «Иной мир», в котором оказывается герой, описывается как замкнутое пространство – остров или замок на горе. В тех случаях, когда персонажи, связанные с сакральным пространством по своему происхождению, являются смертным на границе миров, упоминание водной границы традиционно включается в повествование: встреча может происходить у подножия горы вблизи источника, а также на берегу реки или моря.

Литература

Абрамова 2022a – *Абрамова М.А.* Роман «Жауфре: окситанская пародия на артуровский универсум? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 5. С. 92–101.

Абрамова 2022b – *Абрамова М.А.* Специфика изображения «мира иного» во французском рыцарском романе XII–XIII вв. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 3. С. 34–44.

Курциус 2020 – *Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. Москва: Издат. дом ЯСК, 2020. Т. 1. 560 с.

Ле Гофф 2011 – *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков / пер. с фр. Д. Савосина. М.: Текст, 2011. 220 с.

Мелетинский 1983 – *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М.: Наука, 1983. 302 с.

Boutet 2000 – *Boutet D.* La montagne dans la chanson de geste: topique, rhétorique et fonction épique // La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité / ed. par C.-A. Thomasset, D. James-Raoul. P.: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2000. P. 227–242.

Brekilien 1981 – *Brekilien Ya.* La mythologie celtique. P.: J. Picollec, 1981. 446 p.

James-Raoul 2000 – *James-Raoul D.* Mont et merveilles romanesques // La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité / ed. Par C.-A. Thomasset, D. James-Raoul. P.: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2000. P. 255–284. (Cultures et civilisations médiévales XIX)

Lecouteux 1998 – *Lecouteux C.* Au-delà du merveilleux. Essai sur les mentalités du Moyen Âge. P.: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1998. P. 163–176.

Lecouteux 2008 – *Lecouteux C.* Der mythische Aspekt des Berges im Mittelalter // Burgen, Länder, Orte / Hrsg. von U. Müller, W. Wunderlich. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, 2008 P. 109–120. (Mittelalter-Mythen; 5)

Nelson 1977 – La naissance du Chevalier au Cygne. Elioxe / ed. by E.J. Mickel; Beatrix / ed. by J.A. Nelson. Tuscaloosa; L.: University of Alabama Press, 1977. 370 p. (The Old French crusade cycle; vol. 1)

Peters 1999 – *Peters U.* Dynastengeschichte und Verwandtschaftsbilder: die Adelsfamilie in der volkssprachigen Literatur des Mittelalters. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. 386 S. (Hermaea. Neue Folge; 85)

Thiébaux 1974 – *Thiébaux M.* The stag of love: The chase in medieval literature. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1974. 250 p.

References

Abramova, M.A. (2022), "The novel Jaufré: an occitan parody of Arthurian universality?", in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 5, pp. 92–101.

Abramova, M.A. (2022), "The 'other world' image specific in the French chivalric romance of the 12th – 13th centuries", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 3, pp. 34–44.

Boutet, D. (2000), "La montagne dans la chanson de geste: topique, rhétorique et fonction épique", in Thomasset, C.-A. et James-Raoul, D., eds., *La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité*, Presses de l'Université de Paris Sorbonne, Paris, France, pp. 227–242.

Brekilien, Ya., (1981), *La mythologie celtique*, J. Picollec, Paris, France.

Curtius, E.R. (2020), *Evropeiskaya literatura i latinskoe Srednevekov`e* [European literature and the Latin Middle Ages], vol. 1, Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia.

James-Raoul, D. (2000), "Mont et merveilles romanesques", in Thomasset, C.-A. et James-Raoul, D., eds., *La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité*, Presses de l'Université de Paris Sorbonne, Paris, France, pp. 255–284.

Lecouteux, C. (1998), *Au-delà du merveilleux. Essai sur les mentalités au Moyen Âge*, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 163–176.

Lecouteux, C. (2008), "Der mythische Aspekt des Berges im Mittelalter", in Müller, U. and Wunderlich, W., eds., *Burgen, Länder, Orte*, UVK Verlagsgesellschaft, Konstanz, Germany, SS. 109–120. (*Mittelalter-Mythen; 5*)

Le Goff, J. (2011), *Geroi i chudesa Srednikh vekov* [Héros et merveilles du Moyen-âge], Tekst, Moscow, Russia.

Meletinskii, E.M. (1983), *Srednevekovyi roman: Proiskhozhdenie i klassicheskie formy* [Medieval romance: Origins and classical forms], Nauka, Moscow, USSR.

Nelson, J.A., ed. (1977), *La naissance du Chevalier au Cygne*, *Beatrix*, Mickel. E.J., ed., *Elioxe*, University of Alabama Press, Tuscaloosa, USA, London, UK. (The Old French crusade cycle; vol. 1)

Peters, U. (1999), *Dynastengeschichte und Verwandtschaftsbilder: die Adelsfamilie in der volkssprachigen Literatur des Mittelalters*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, Germany. (Hermaea. Neue Folge; 85)

Thiébaux, M. (1974), *The stag of love: The chase in medieval literature*, Cornell University Press, Ithaca, USA, London, UK.

Информация об авторе

Ольга В. Попова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; popova.olga13w@mail.ru

Information about the author

Olga V. Popova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; popova.olga13w@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 5
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 12 раз в год

Подписано в печать 17.06.2025
Выход в свет 24.06.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 10,9
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2178

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru